

уральский

следопыт

№ 10 ** 1976

САБЛИ АТАМАНА ПЛАТОВА

ИДЕШЬ ПО ЗАЛАМ НОВОЧЕРКАССКОГО МУЗЕЯ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА, И ПЕРЕД ГЛАЗАМИ ТВОИМИ ВСТАЕТ ИСТОРИЯ. НАШЕСТВИЕ НАПОЛЕОНА В РОССИЮ, ВОЙНЫ С ТУРКАМИ, КРОВОПРОЛИТНЫЕ БОИ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ...

НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ ЭКСПОНАТОВ ВЫСТАВЛЕНО В ЗАЛАХ. СВИДЕТЕЛИ МНОГИХ СЛАВНЫХ СТРАНИЦ ЛЕТОПИСИ НАШЕЙ РОДИНЫ, ОНИ О МНОГОМ ГОВОРЯТ ПЫТЛИВОМУ ВЗОРУ.

ВОЗЛЕ СТЕНДОВ С ОРУЖИЕМ ВСЕГДА МНОГОЛЮДНО. ЧЕГО СТОИТ ОДНА САБЛЯ АТАМАНА ПЛАТОВА, ПОДАРЕННАЯ ЕМУ ЗА ХРАБРОСТЬ АТАМАНАМИ! А ИМЕННЫХ САБЕЛЬ ПЛАТОВА В МУЗЕЕ НЕ ОДНА, А ЦЕЛЫХ ТРИ. УЖЕ СТАВ МУЗЕЙНЫМИ ЭКСПОНАТАМИ, ОНИ ПЕРЕЖИЛИ ЦЕПЬ ДОЛГИХ И СЛОЖНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ...

Фото Владимира Холодких (г. Свердловск)

(См. стр. 58).

в номере:

Ю. Яговкин ЛИНИЯ ЖИЗНИ	2
БЕЛОШВЕЙКИ И ИХ ДОМ	8
Л. Сорокин, Е. Фейерабенд СТИХИ	10
Ю. Липатников ПЕДАГОГИКА В РАБОЧЕЙ СПЕЦОВКЕ	13
М. Расторгуев ЧЕРНЫЙ ТУМАН. Окончание	17
Н. Мезенин ПЕРВЕНЦЫ	33
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	34
В. Баныкин СКАЗЫ О ЖИГУЛЯХ	35
Б. Вайсберг МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ	43
А. Иванченко КОЛЫМСКОЕ ЗОЛОТО	45
В. Петров ГОРОД НА ИСЕТИ	53
Б. Водопьянов ДВЕНАДЦАТЬ ПАРУСНИКОВ	54
Ю. Немиров САБЛИ АТАМАНА ПЛатОВА	58
В. Комаров КРУГ. Рассказ	60
В. Бугров БЕСКОНЕЧНЫЕ ГУЛЛИВЕРЫ	68
Ф. Кривин ТРУЛЮЛЮПОВЫ ОСТРОВА. Продолжение	70
Р. Подольный ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ О ТЕЛЕПАТИИ	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА

Технический редактор
Людмила БУДРИНА

Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:

Индекс 620219

Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8

Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 29/VI 1976 г.
НС 14115. Подписано
к печати 12/VIII 1976 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 11,8
Тираж 275 000.
Заказ 359.
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
Л. СМЕРНОВОЙ.
Оформление 2-й стр. об-
ложки З. БАЖЕНОВОЙ.

© «Уральский следопыт», 1976 г.

№10 * 1976

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

**Юрий
ЯГОВКИН**

Вокруг поля и поля.
Лишь редкие полосы березняков да вереск,
покрывающий склоны оврагов-впадин,
свидетельствуют о том,
что здесь не голая степная сторона.
А овраги напоминают,
что где-то рядом
несет свои воды большая река.
Прикамье Удмуртии.
Самая урожайная в республике земля.
Самая щедрая на хлеб.
12 марта 1919 года в записке
председателю Московского Совета
Владимир Ильич Ленин писал:
«Податели — товарищи из Сарапульского уезда
Вятской губернии.
Привезли нам и Петрограду
по 40 000 пудов хлеба.
Это такой замечательный подвиг,
который вполне заслуживает
совсем особого приветствия...»
(В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 268).
История.
Всего лишь капли
из моря судеб сохраняет она.
Можно отыскать имена крестьян,
доставивших прикамский хлеб
голодающим Москве и Петрограду,
встретившихся с Лениным.
Но разве найдешь имена тех тысяч,
которые из своих последних припасов
по фунту и пуду сложили тот хлебный эшелон?
А сегодня много ли мы знаем
о рядом живущих?

Неожиданная встреча

Деревня Калмаши против других в Прикамье ничем особенно не примечательна. Упряталась в огромном логу. Дома, примериваясь к его склонам, встали в улицы-загибулины. Летом раскидистые ивы да огромные тополя придают своей зеленыю законченную путанность селению, и лишь в том проявляется его прелесть.

И колхоз калмашинский, довольно крупный по своим полевым угодьям, славой пока обойден. Если брать разные экономические цифры и сравнивать с показателями именитых в республике хозяйств, то место ему в массе «средняков», ни один из которых, по причине их многочисленности, из этой общей массы не выделяется.

А я бывать здесь люблю. Получается это не часто, но уж если случится возможность, то не смущают ни дальние километры, ни солидный крюк от межрайцентровского тракта.

И только однажды, в самый первый раз, ехал я туда без особого желания, в дурном расположении духа.

Это было в январе 1971 года. Первого года девятой пятилетки. Ехал я в Калмаши разбираться, почему прежде не слабое хозяйство вдруг «повалилось» так, что за какой-нибудь год с небольшим отсюда, с веками обжитой земли, снялась каждая пятая семья.

Час за часом пробивалась наша редакционная машина сквозь снежные заносы. Вновь и вновь брались мы с шофером за лопаты. Одолевали очередную сотню метров. Чертыхались, опять намертво увязнув. И казалось, никогда не будет конца этой проклятой дороге.

Заранее накопала злость на еще не знаемые Калмаши, на председателя тамошнего колхоза... Замерзший, измотанный, открыл я дверь в председательский кабинет. И глазам не поверил: Валерка! Мой старый знакомый, отличный парень Валерка Благодатских поднялся навстречу из-за «хозяйского» стола.

— Ты?! — не смог я, да и не пытался сдерживать удивления. — Председателем?

— А что? Чем плох?

Не более полутора месяцев назад был инженером в Боярке — колхозе «Прогресс», по большинству статей передовом в районе. И вдруг он здесь, в хозяйстве с аховым положением, что называется — на горячей сковородке.

— Как? Почему?!

— Да вот так, — легко посмеиваясь, ответил Валерка. — Вызвали в райком — принимай Калмаши. И точка! В райкоме, сам знаешь, не чимизнятся, если обсудят да решат.

Честное слово, не увязывалась у меня его новая должность даже с твердо известным, что инженер он толковый и хваткий. Не соединились в моем представлении его характер и молодость с понятием «председатель»!..

Убежден: ни в чем так внешне ярко не проявляется суть человека, как в песне.

Вот Виктор Проскуряков, ныне восходящая звезда среди калмашинских молодых механизаторов, — если и запоет, то вполголоса. И что-нибудь лирическое, задумчивое, для души.

Александр Иванович Пальшин, тракторист со стажем, в деревне мужик очень уважаемый, — этот больше склонен слушать, с умной хитринкой наблюдать за поющими.

Агроному Тане Прозоровой подай такую песню, чтобы можно было откаблучить так откаблучить.

А у Валеры любая песня — в голос полнейший, во всю ширь. И самая грустная — с удалью. При любом застолье он тамада. Таких любят, таким многое прощают, но принимают не совсем всерьез.

Из переговоренного с ним за ту первую встречу память сохранила немного. Отдельные штрихи. Что, например, даже солому — надо было как-то сохранить скот — закупали на стороне. Что днями на фермах ревели недоенные из-за нехватки людей коровы. Что чуть не половина тракторов из-за поломок — на приколе. И при всем том, помнится, у Валерия настроение в те дни было на удивление прекрасное, оптимизма — хоть отбавляй.

Спросил я его: мол, председателем стал, хозяйство в прорыве, так есть ли какие идеи?

— Идеи? — переспросил Валерий. — Идея одна — работать! Пятилетку выполнять.

Слова вроде бы весомые, а сам несерьезно похохатывает. Всего-то человеку двадцать пять

лет. Двадцать пять! По председательской мерке возраст и без того зеленый, а Валерке и этих лет не дашь. Ну, какой это руководитель самого крупного колхоза в районе? Двадцать пять лет...

Столкнулись в душе сомнение в Валеркиных председательских способностях с его руководителем оптимизмом. Присоединилась к этому пристрастность к судьбе давнего знакомого. И стала мне особо интересной дальнейшая участь необычно молодого председателя, а значит, и всего калмашинского колхоза. И еду туда — только выпадет случай. Сразу заявляюсь в правление к Валерию.

— Хо! Привет! Какими судьбами?! — Его традиционная фраза при встрече звучит настолько громогласно, что, надо думать, разносится не только по всей старенькой деревянной конторе, но и по улице.

Располневший (ох, уж эта полнота, — неизбежный спутник председательского безрежимья), как и прежде пышущий энергией, он шумно поднимается из-за стола. Несмотря на мощную фигуру, легко устремляется навстречу. После его рукопожатия у меня пальцы долго не разлипаются. Улыбающийся, прямо-таки всем на свете довольный, он с таким интересом смотрит в глаза, словно вот сейчас должен услышать самую главную и самую радостную за весь хороший день новость.

Ну уж нет! Это мне нужны новости. Сначала хорошие. Их, хороших новостей, здесь с каждым разом все больше. За то и полюбились мне Калмаши, потому с удовольствием и встречаюсь с калмашинцами.

Наставники и подопечные

Но до чего же они разные, эти калмашинцы! Вот сижу, вспоминаю одного за другим из наиболее знакомых. Худощавого, жилистого, неторопливого в суждениях, много познавшего Александра Ивановича Пальшина. Совсем молодого, коренастого, по характеру очень на Пальшина похожего, Виктора Проскурякова. Пелагею Никитичну — женщину неистощимо добрую, по-бабьи жалостливую, а в работе, по

общему мнению деревни, «зверя лютого». Быстро, решительного, привыкшего к славе и немного самоуверенного комбайнера Михаила Ивановича Галанова. Немногословную, на все имеющую свое мнение доярку Тамару Игнатьевну Мерзлякову. Предельно аккуратного и ловкого в деле тракториста Николая Андреевича Самарина... Все очень разные. И очень друг на друга похожие. В главном.

Чтобы назвать это главное, долго ищу новые слова. Да лучше, чем словами старыми, как будто уже примелькавшимися, не скажешь. Потому, что в каждом из них наиболее выпуклая черта характера — особая, упрямая преданность деревне, земле. Они эту черту так не называют, едва ли когда о ней говорят. Просто, уверен в этом, не могут помыслить себя в другом качестве, в других заботах.

Пять лет знакомства с ними — годы для Калмашей трудные. Три небывалых для здешних мест засухи. Одна из уроков — бесконечные дожди, когда комбайны таскали тракторами и все же часть и без того побитого засухой хлеба ушла под снег. Перед этим два года по погоде обычные, но для душ человеческих, пожалуй, более опасные — расцвела среди руководителей колхоза пьянка, наперекосяк пошли все дела.

Трудные годы — характеры проверялись круто. И немало оказалось таких, что снялись с земли, поразъехались. Умелые ушли работники. Но о них так говорила мне Пелагея Никитична:

— Работе научить и научиться нетрудно. Только есть ведь и такие, что руки у них к делу чуткие, да душа к нему холодна. Они вместе с нами, а то и лучше, тянут в борозде, пока все ладится и спокойно наживаете достаток. А вот разладилось... Нет, хлеб — дело оседлое, упрямых любит. Конечно, рубли каждому нужны. Только надо иметь и гордость. Если наперекосяк общее дело пошло, так вместе всем и налаживать его. Сняться с земли любому нелегко, остаться дело налаживать — тут надобно иметь линию в жизни.

В минувшую жатву сидели мы как-то с Александром Ивановичем Пальшиным на хлебном поле у копны соломы. Комбайны гудели в другом конце. В ожидании зерна стоял «Беларусь» Пальшина с тележкой. Намолоты, несмотря на летнюю засуху, в звене были добрые. Погода стояла солнечная, устойчивая. Настроение у звеньевоего — соответствующее. Потому, наверное, об успехах своих механизаторов говорил Александр Иванович охотно. Особенно о Викторе Проскуракове. Еще бы, вышел парень в число лучших комбайнеров по всей республике. И вновь я услышал о линии в жизни.

— Думаете, этот парень только мастерством силен? Не только. Есть у нас и кроме него мастера и намного опытнее. Главное в том, что

имеется у него в жизни линия. Не люблю красивых слов, но о Викторе скажу: светло работает с такими. Вот читаешь-слушаешь о том, как закрепить на селе молодежь. Столько слов переводится на описание любви к цветочкам-лесочкам, запахам трав да птичьим голосам. У Витьки тоже есть такая привязанность вот к этим полям, логам, вот к этому зажелтевшему лесу. Есть, конечно. В Казахстане он как-то с месяц помогал убирать хлеба. Так, рассказывает, на обратном пути не отходил от окна вагона, чтобы не проглядеть первые березки. Вот как! Но не это главное. В профессии своей механизаторской найти красоту, ответственность свою вот за этот хлеб осознать до конца, тогда будет в жизни линия!

Смутившись от необычно длинного и открытого монолога, Александр Иванович отвернулся, в две коротких и сильных затяжки дожег сигарету, зачем-то полез к мотору, и без того работавшему чисто. А я сидел, думал о жизненной линии Виктора, припоминая известное о нем.

Летом с друзьями-одногодками Виктору бывать почти не приходилось. Они еще досматривали самые сладкие утренние сны, а он уже собирал по деревне стадо. При большой семье да принесенной еще с фронта болезненности отца пастушеский заработок мальчишки был ошутим в доме.

Привычное пастушество не тяготило его. Только бывало обидно немного. Соседский Мишка, например, уже запросто водил мотоцикл. Когда с видом знатока начинал рассуждать о компрессии в моторах, об упреждении зажигания, тоже было завидно. Мишке хорошо! У него отец и шофер, и тракторист, и комбайнер. К машинам Мишку допускает, особо не неволит домашней работой...

Конечно, нет и Витькиному отцу равных, когда приходит пора стогования сена и скирдования соломы. В сенокос да хлебную уборку отец даже лицом светлеет, вроде забывает про недуги, на помощников покрикивает весело, но строго, как и подобает мастеру. В такое время и Витьке хотелось встать с вилами на стог выше всех. Но помахать вилами — это все же не трактор или комбайн водить.

Не раз мечталась Виктору, особенно в последнее пастушеское лето, одинаковая история. Будто проходит он случайно мимо трактора Самарина. Мотор работает, и не слышит Николай Андреевич, что постукивают чуть-чуть клапаны одного цилиндра. Говорит ему об этом Витька, а тот удивляется: не может быть! И все же разрешает сесть в кабину, самому двигатель проверить под нагрузкой. Точно — стучат клапаны! Совсем удивляется дядя Коля и предлагает: «Давай ко мне помощником-сменщиком!...».

Это во сне, в мечте. На деле же — если ка-

кая рогатая в стаде замычит, Витька вмиг узнавал ее по голосу, а как клапаны стучат — представить не мог... Слышал от ребят, что можно по их стуку неисправность в моторе определить — вот и все.

А сон, что называется, в руку был. Именно на трактор Самарина поставили Виктора сменщиком, когда вернулся из училища с правами механизатора. Он сразу понял, что повезло ему. Придет на смену Андреевичу, а тот вместе с ним не торопясь ведет весь технический уход, поясняет общие и личные капризы машины. Потом заберется в кабину, час-полтора работы сидит рядом. Когда так было в училище с преподавателями-мастерами, Виктор начинал нервничать, даже путаться. А с Андреевичем спокойно становилось, появлялась уверенность.

А потом в полночь полетел сальник топливного насоса. До шести утра, до самой перемены, Виктор мудрил, разбирал и собирал узел. Подошедший Самарин, окинув взглядом вспаханную полосу, определил, что трактор стоит давно. В двадцать минут молча отладил насос и уже потом спросил:

— Почему не позвал меня сразу? Поленился сходить в деревню?

— Так ведь — ночь, вы спите, а смена — моя...

— Ты, Витек, запомни: у нас смена с тобой одна общая — вся страда. В нашем деле солнца не остановишь, лето не продлишь, зиму не отдвинешь. Кто на смены в страду работы мерит, тот земле не друг и мне, значит, не товарищ. Тут, брат, всякие неудобства-смущения нужно побокку. Тут надо заставить помочь и нежелающего. Поймешь это — сработаемся. Не поймешь — не дам тебе копеечной цены и не доверю трактора, хоть все правление призови на помощь.

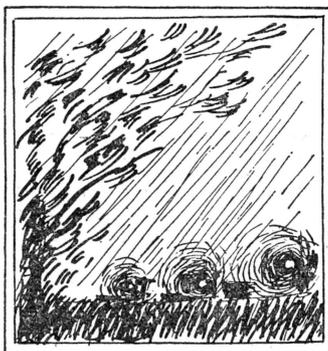
Примерно через недельку после того, заканчивая смену, Виктор ждал Самарина големом. Не пожалел времени и шагами измерил вспаханную полосу: получалось никак не меньше двух норм. Увидев идущего по пашне Николая Андреевича, закончил борозду на полном газу, с шиком развернулся, улыбающийся выскочил из кабины.

— А ну-ка, паршивец, — как водой из ушата окатил его злостью Самарин, — пойдём, посмотри! Посмотри, что ты с землей сотворил!

Долго тыкал он Виктора носом в гребни да огрехи, которых тот не заметил в азарте работы, пока победные ноты в душе у «рекордсмена» не сменились на похоронные.

Потом, пока не вызрел хлеб, приходил Виктор на ту полосу не раз. По его «рекордной» пахоте вышел и урожай. Комбайнеры удивлялись: мол, и поле, и семена, и удобрения, и дождь — все было одно, а хлеб полосой идет, чахлый. Промолчал тогда Самарин. Может, от-

того промолчал, что к тому времени, когда вызрел хлеб, Виктор уже не был прежним Виктором. А когда следующей весной пришел в колхоз новый «Казахстан», Самарин уже мог сказать членам правления: «Отдайте его Прокуракову, дельный механизатор».

Калмашинские «ласточки»

Хисамутдинов Риф — парень не местный, из города Чайковский. Перед защитой диплома в строительном техникуме заехал в Калмаши на день в гости к знакомым. Увидел первые дома и фундаменты нового колхозного поселка, растущий животноводческий городок. Поговорил со строителями. Удивился размаху их дел и пошел к председателю. А Валерий нужного ему человека не упустит. Похлопотал, где было нужно, и Риф получил направление на работу в Калмаши. И вот уже — как быстро летит время! — деревня празднует его свадьбу.

Калмашинские свадьбы уже несколько лет — событие общеколхозное, торжественное. С обязательным подарком молодоженам (вплоть до холодильника). Кавалькада свадебных легковых машин украшается ярче и праздничнее, чем убирались в давние времена свадебные тройки. И в конце торжества — самое для молодой семьи важное: ключи от новой квартиры с центральным отоплением, газовой плитой, горячей водой, ванной и прочими удобствами, где уже стоит кое-какая мебель.

Председатель на свадебном застолье, хоть как он там занят, а обязан быть. Устал он, не устал — может, в прошедшую ночь совсем не спал, фермы объезжал, а на свадьбе вместе со всеми веселится. Доволен: молодыми семьями крепнет хозяйство. А их только за год добавилось одиннадцать. Притащил мне целую кипу фотографий.

— Вот эти, — показывает, — со свадьбы Николая и Гали Чикуровых, эти — Виктора и Веры Калабиных...

— Постой, Виктор Калабин — это из «первых ласточек»?

— Точно, он. Орел парень! Три года поработал — орден заслужил.

Когда же это было? Да, конечно, чуть более трех лет назад. Встретились мы с Валерием в райкоме. И он мне сразу новость:

— Вчера утром пришли ко мне два солдата. По стойке «смирно» встали да как, черти, гаркнут: «Товарищ председатель, демобилизованные воины, добровольцы на колхозную жизнь, явились в ваше распоряжение!» Нет, ты представляешь, что это такое?! Это же первые ласточки!

Именно с того случая двинулось дело к тому, что сейчас все колхозные ребята, возвращаясь из армии, сразу приходят к председателю, советуются об устройстве жизни.

Помнится мне то время, пять лет назад. Оставить пришедшего со службы парня в колхозе было тогда проблемой из проблем. Ведь самый цвет перед этим уехал из деревни, люди тридцати-тридцати пяти лет. Как поправлять положение? Жилья прежние руководители не строили. Технику чтобы дать молодому новую, так все против. Мол, у них, молодых-то, все впереди, успеют еще... Пусть молодой сначала докажет, что умеет и хочет работать на земле. А на разбитой машине как это докажешь, и заработка нет — снова к отцу-матери на шею садись. Не видели ребята перспектив — ни своих, ни хозяйства.

— Придешь к ним, уговариваешь: оставайтесь в колхозе. А они: «Что мы в нем потеряли?..»

Возле глаз Валерия обозначились ранние морщинки, строго сжались губы: знать, не одна такая беседа пронеслась в памяти за мгновения. И тут же лицо разгладилось, осветилось его обычной улыбкой:

— Сейчас мы новую технику — в первую очередь молодым. Не оказалось ее при возвращении парня со службы, говорим: первая поступившая будет твоя. И даем обязательно. И старые механизаторы теперь сами поддерживают такую линию. Вот весной пришла «семьдесятпятка». Мы рассудили, что пора дать новую машину Пальшину. А он даже обиделся: у меня, говорит, и старый трактор ходит как часы.

— Или вот, — приводит еще пример Валерий, — получили «Кировец». Если с холодной хозяйственностью решать, то нужно бы садить на него Аркадия Петровича Глухова, редко за смену не выполняющего две нормы. А мы отдали эту мощную, вполне современную машину Лене Мерзлякову, который только вернулся из армии.

— И представь, — горячо продолжает Валерий, — молодые при этом чувствуют ответственность не вообще, а конкретную, по-человечески конкретную. И работают хорошо, здорово работают... Добавь сюда колхозные подъемные. И доплату к зарплате на первых порах — еже-

месячно. Это же не просто материальная поддержка, не просто стимул. Это психологические факторы внимания и доверия. А реальность более далекой перспективы для каждого? Николай Чикуров с колхозной стипендией закончил институт, вернулся, в дела входит уверенно и смело. Сейчас многие к нему приглядываются — по его стопам пойти хотят.

Валерий вновь задумывается. Молчу и я, боясь нарушить ход его размышлений. Он встает, расхаживает по комнате и убежденно говорит:

— Ребята в колхоз потянулись. Тянутся не после минутного порыва, а с серьезной ставкой на постоянство. Конечно, пока не хватает и их. Еще не вся техника работает в две смены. В уборочную даже некоторых трактористов на комбайны пересаживали. Но в принципе проблема решена: тот, кто остается — остается с желанием. Основательно устраиваются парни в колхозе. Вот девчат пока мало.

Насчет «девичьей проблемы» у Валерия целая программа. Считает, что как за первыми парнями пошли остальные, так будет и с девушками. Хотя, вообще-то говоря, девичья проблема сложнее. Парню ведь что надо? Хороший трактор, комбайн или автомашину, четко организованное производство, чтобы был виден результат труда, а соответственно и заработок был хороший. Все это у калмашинских механизаторов уже есть. У шофера, тракториста, комбайнера, ремонтника условия труда и перспективы стали не хуже, а даже лучше, чем кое-где в городе.

— Девчатам же, — рассуждает Валерий, — главная у нас работа на ферме. А условия там, даже при всей сегодняшней механизации, известны какие. Пойдут, идут работать и в таких условиях. Патриотизма у молодежи много. Только использовать патриотизм можно и нужно, а эксплуатировать его нельзя. Ты этот патриотизм поддержи, подогрей делом, и тогда он обернется материальной силой. На фермах нужно создать такие условия, чтобы не отдельные энтузиасты шли туда работать, а все, даже те, кто в своих расчетах исходит только из собственных интересов. А создать такие условия — это не несколько новых тракторов прикупить.

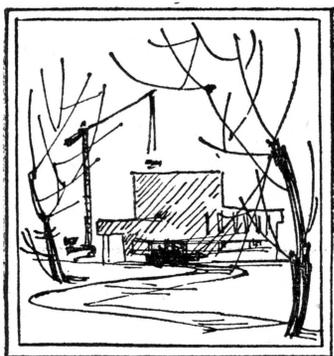
За последние два-три года встало рядом с Калмашами шесть новых животноводческих корпусов. Встало в аккуратно распланированном порядке. В ближайшее время будут в работе еще три. Но строилось, начиналось механизмами все это хозяйство с расчетом на молочное стадо. А сейчас, в связи со специализацией, предстоит растить колхозу породистых телок. Дело выгодное, интересное, перспективное. Но всю систему животноводческого городка, увязку механизмов надо перестраивать, расширять солидно. Плюс благоустройство всей

территории, чтобы забылись резиновые сапоги, чтобы с весны до осени здесь зеленели деревья в аллеях и пестрели красками цветы.

Года три еще надо, считает Валерий, чтобы превратилось все это в действительно современный по сути и по внешнему облику животноводческий комплекс. А пока...

А пока в новом детском комбинате уже нашли дело по душе несколько девчат. Построен магазин по последнему слову торговой техники и эстетики, и сюда с удовольствием пришли работать девушки, по направлению колхоза получившие профессию продавцов и товароведов. Встала в строй красавица-столовая, и опять место работы деревенским девчатам появилось завидное. Строится Дом культуры...

— Не помню, кем были сказаны, но запали в память слова: «Если у тебя планы на год — расти просо, если у тебя планы на десять лет — расти сады, если у тебя планы на жизнь — расти людям».

**Быть
до конца...**

Весной прошлого года привез меня Валерий к березовым аллеям и клеверного поля на южный солнечный склон. Четыре подведенных под шифер дома-коттеджа. Груды глины у очередных фундаментов. Штабели кирпича, бетонных плит, деревянных балок, теса, шифера. Груды сопутствующего всякому большому строительству хлама. Хаос!

Через несколько месяцев, когда укрылась ослепительно белым снегом земля, он остановил машину на том же месте и сказал:

— Смотри!

Улица обжитых краснокирпичных, широкооконных домов словно всегда стояла за белыми березками. Улица широкая, ровная. Голубизной играет низкий штакетник — символическая отгородка дворов. Радостно-ярко раскрашенные стоят в этих дворах разноцветные хозяйственные строения... Как в фильме-сказке: было поле, встал городок-картинка.

Довольный произведенным эффектом, Валерий стал весело рассказывать:

— Сегодня в отдел капитального строительства заказал проект спортзала с плавательным бассейном. Особенно смешной там им оказалась моя идея плавательного бассейна. Думали, что шучу. Потом говорят: зачем нужен этот проект сейчас? Вот, мол, если лет через пять-семь... Ха! Они же год будут раздумывать, не меньше, не меньше трех — с проектом возиться. Как раз к сроку, как дорожку ложку к обеду, и получим мы этот их проект. Новый поселок они нам планировали строить двадцать лет. Строим два года. Максимум через три закончим.

В председательском кабинете с новым интересом рассматриваю макет генеральной застройки Калмашей, который не так давно воспринимал лишь одним из украшений. А Валерий говорит:

— Снять пора. Устарел. Тесно в нем новому поселку. И животноводческий комплекс уже в этой пятилетке надо расширить почти втрое.

Перед тем как заехать в этот раз в Калмашу, был я в редакции районной газеты. Там готовился номер со всеми цифрами — итогами работы хозяйств за девятую пятилетку. Выбрал все, касающееся калмашинского колхоза. Любопытно. В 1971 году калмашинцы по всем показателям занимали в районе места последнее и предпоследнее, в 1975 году — первое и второе.

— Не только в семьдесят пятом, — уточняет Валерий. — Мы поправили и «хвостики» отставания первых лет, с пятилеткой в целом справились лучше всех в районе. Расте-ом! — и как обычно посмеивается.

Пять лет знакомства с Калмашами. Годы были трудные — характеры проверялись круто. Деревня и давно мне знакомый Валерка, ставший полноименным Валерием Филипповичем, испытание это выдержали.

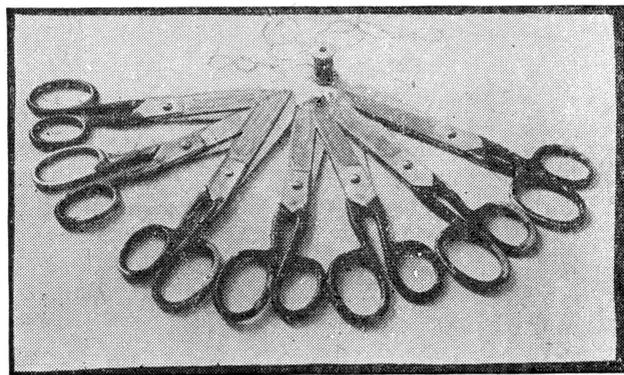
Годы меняют человека, иначе и быть не может. Но годы всегда и подчеркивают в человеке его неизменное главное качество. За последние годы я узнал нового Валерия. И теперь он мне кажется человеком не столь шутивным, хотя и смеется все так же часто, а человеком, серьезно причастным к новой истории Прикамья.

Рисунки
С. Малышева

БЕЛОШВЕЙКИ И ИХ ДОМ

Белешвейками издавна называли мастериц, которые делали самую тонкую, искусную работу: шили шелками, отделывали кружевами белье, наводили немислимую красоту на блузки, сорочки. А разве сшить красивое платье или плащ, мужской пиджак или нарядный детский костюм — это не тонкая работа!

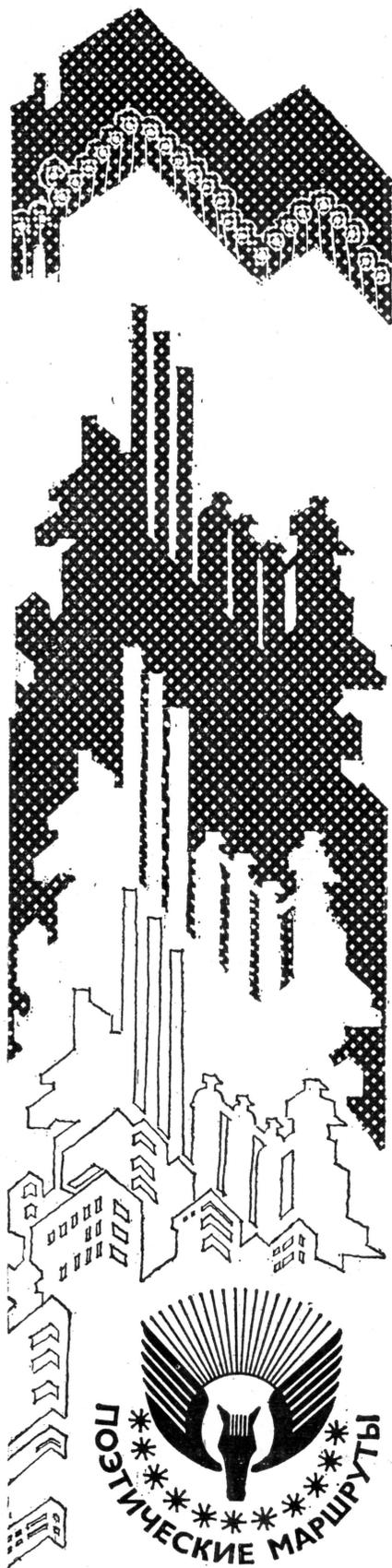
В Свердловском государственном профессионально-техническом училище № 5 учат на портних. Учат шить. Учат кроить — поскольку «не скройв портна, не сошьешь», как говорит русская пословица. Слово «портно» сейчас мало кому что скажет, хотя от него произошло название профессии — портной, портниха; в старину «портном» называли грубый узкий холст для крестьянских рубаш.

Эти девушки учатся шить из красивых современных тканей. Пройдет время учебы, и у них появятся первые заказчики, выпускников училища ждут городские ателье.

На снимках:
За машинкой — Люда Шаманаева.
Совет подружек...
...и совет мастеров.
Первую продукцию оценивает старший
мастер Тамара Михайловна Таланина.
Таня Сабурова — одна из 590 девчонок,
обучающихся в ГПТУ.
Швейный класс немножко похож на
фабрику.

Фото А. Лыськова

Лев
СОРОКИН

Рисунки
В. Меринова

Я родом с Урала

Я родом — миасский, с Урала,
Но только узнал я Урал,
Когда в громыханье металла
Танки
ползли на вокзал.

Я думал:
Урал — только горы,
Брусничные наши леса,
Да ястреб, парящий над бором,
Тревожных сорок голоса.

Но вот мне райком комсомола
Вручил пламеневший билет,
И я с ребятней вместо школы
Шагнул в задымленный рассвет.

Нас мастер окидывал взглядом:
Отцовские шапки, пимы...
Не ящики —
Гчезда снарядам
Учились сколачивать мы.

Был цех до войны кинозалом,
Станки сотрясали его
И мне грохотали:
— Уралом
Зовется еще мастерство.

...Я помню рабочие лица
И старого мастера бас:
— Идите, ребята, учиться,
Управимся мы и без вас.

Мы шли,
На металле устало
Бессменная смена спала.
Узнал я:
Вершины Урала —
И люди его,
И дела.

Родня мне — рабочее пламя,
Отроги синеющих скал,
Но снова и снова
С годами
Я свой открываю Урал.

Как жизнь щедр!а
Но щедрость эту
Мы не используем порой.
Опять ромашковое лето
Без нас созрело над рекой.

Опять заречная тропинка
Травой высокой заросла.
Опять знакомая осинка
Меня напрасно прождала.

Мне утро,
Радугу рисуя,
Махнуло кистью дождевой.
Но заблудился не в лесу я,
В толпе шумливой, городской.

Окно зашторив от рассвета,
Смотрю я черно-белый сон.
А где-то рядом зреет лето,
Плывет кузнечиковый звон.

Уральские леса

В моих лесах неброских —
Осины,
Сосны,
Ель,
В моих лесах — березки
Белее, чем метель.

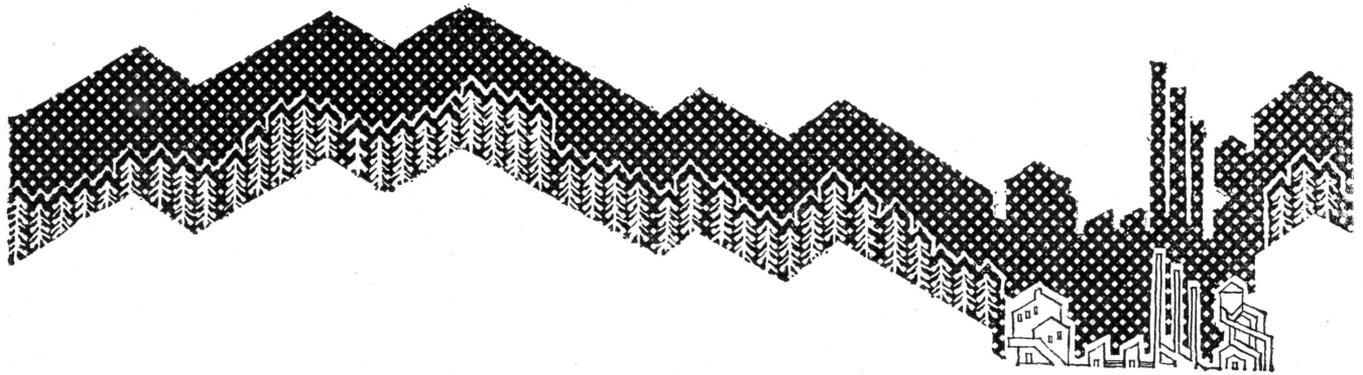
Горят мои рябины,
Как жаркий автоген.
И горные вершины
Берет малина в плен.

Родной, разноязыкий,
Я шум лесной ловлю,
И с яблонькою дикой
Поговорить люблю.

О том, что в Закарпатье
Встречал ее сестер.
Похожи, словно братья,
Наш
И сибирский бор.

Я видел лес в Европе
В рябиновом огне,
На азиатских тропях
Встречались кедры мне.

Деревья, как народы,
Смешав,
Сроднил Урал
В уральскую породу,
Впитавшую металл.

И над землей родимой,
Поднявшись в небеса,
Шумят неповторимо
Уральские леса.

Военная форма

Не обижу я штатских,
Штатский сам до корней,
Только в форме солдатской
Все ребята стройней.

И не зря командирам
Смотрят женщины вслед:
Цвет военных мундиров —
Это мужества цвет.

И пускай проплывает
Над землей тишина,
За нее и вручают
Молодым ордена.

Дети, матери, жены
Знают цену наград:
Целый мир —
не погоны —
На плечах у солдат.

И покуда с надеждой
На бойцов смотрит мир,
Все ж мужскою одеждой
Остается мундир.

Оркестр

Оркестр завидует солисту,
Оркестр
от зависти

замолк:

— Ах, дьявол,
как играет Листа,
Сам Лист, наверно, так не мог!

Но вот солист откинул руки...
Гул барабана,
Взлет смычка —
И полились ручьями звуки,
А из ручьев уже —
река.

Соединились звуки плотно.
Вал музыкальный
Все мощней.
Солистом в жизни быть почетно,
Но все ж оркестром быть —
Трудней.

Евгений ФЕЙЕРАБЕНД

Погода

Живем — и зависим
От времени года.
Какое давление?..
Какая погода?..

В бураны — суровой,
Светлей на пороше...
В хорошее время
Быть легче хорошим.

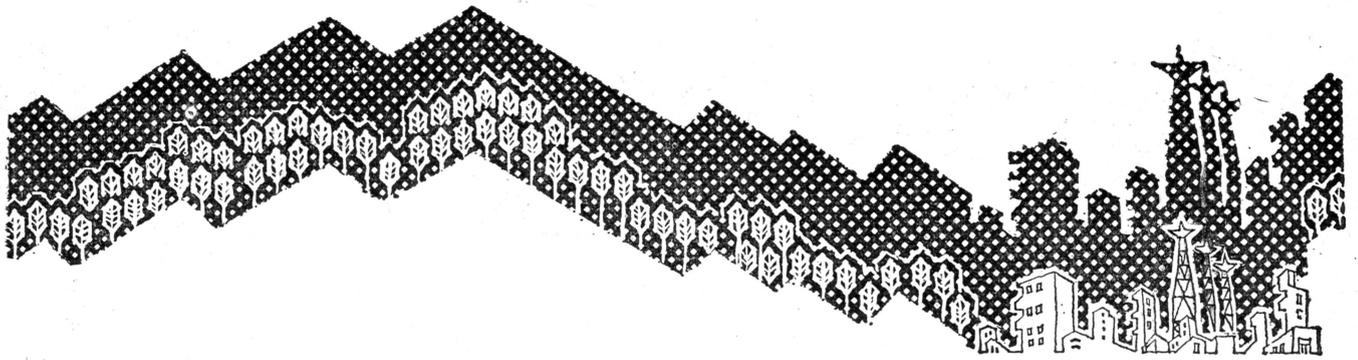
Дождешься —
И к сердцу
Весна подступает.
Добро оживет,
А жестокость растает.

Но я восхищаюсь
Особенно теми,
С кем людям теплее
И в хмурое время.

Иволга

Густа лесная чаща —
Там иволга живет.
И все слышней,
Все чаще,
Все праздничней
Поет.

И на душе тревожно:
Не знаешь, где она,
Увидеть невозможно,
А песня —
Всем слышна.

Так иволга таится,
Гнездо незримо вьет,
И кажется — не птица,
А летний лес поет!

То громче голос ивы,
А то слышнее вяз...
Мне эту птицу-диво
Увидеть бы хоть раз.

Ведь так минует лето,
А там пройдет и жизнь.
Высматриваю — где ты?
Хоть нынче
Покажись!

Солдатская каска

Все это — как сказка,
Как чудо,
Но ж нам прибыла на завод
Солдатская каска оттуда,
Откуда солдат не придет.

Из груды гремящего лома
Навстречу стальному ручью
Она засверкала знакомо,
Как прежде, в солдатском строю.

— Здорово, подруга стальная! —
Нагнулся седой фронтовик
И, давние дни вспоминая,
Взял каску — и замер на миг.

Таких перевидал он сколько —
Защитниц героев-солдат!

Щербины от пуль и осколков,
А край, может, танком помят.

И пламенем грозным задета,
И крашена дымом. Но вдруг
Он вздрогнул — и каска при этом
Едва не упала из рук.

Товарищам крикнул:
— Ребята!
А голос волненьем тесним.
— Написано в каске «Долматов»!
Когда-то дружили мы с ним...

Но кто-то
Сквозь грохот металла
Ответил резонно вполне:
— Да разве Долматовых мало?
Пойди посчитай по стране!..

— Нет, случай хоть некуда реже,
Глядите, ребята, сюда:
Ведь имя и отчество те же,
А главное —
«Город Салда»!..

Тут многие были знакомы
С Долматовым.
Точно вчера
Он щедрою мерой для домен
Руду выдавал на-гора.

Здесь ценят сноровку шахтера
И доблесть солдатскую чтут.
Но каска с такого простора,
Сквозь столькое годы —
И тут!

И горесть, и радость от встречи!
Блеснули глаза у друзей.
Нет, этот металл —
Не для печи,
Такому —
Дорога в музей.

Найдется чего переплавить!
А каска, нашедшая нас,
О дружбе и воинской славе
Веди нескончаемый
Сказ!

Бывает, что в конце земной дороги
Подводишь невеселые итоги —
Стоишь в толпе несбывшихся
надежд.

Кого винить?
Себя?
Врагов?
Невежд,
Тебе камнями перебивших ноги?
Но там, где ты сутулишься устало, —
Дороги чьей-то звонкое начало.
Все в жизни для кого-то чудеса.
И вот, покуда мы, ворча, стареем,
По новым мачтам,
По точеным реям
Взвываются иные паруса.
Не будь жесток к ним сердцем
огрубелым!

Не говори:
«Эх, что ты там ни делай,
А угодишь на мель всего скорей»,
Ворча,
Не бей по этим крыльям белым,
Не обломай таких певучих рей!
Кем был ты —
Капитаном,
Магом,
Мэтром
Или себе казался таковым?
В надежде — счастье.
Будь попутным ветром —
Наполни верой
Парус молодым!

ПЕДАГОГИКА В РАБОЧЕЙ СПЕЦОВКЕ

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

◆ Рождается новая наука... Когда слышишь об этом, то удивляет уже не столько то, что вот проклюнулся, затрепетал еще один листок на вечнозеленом древе познания, а то, что его до сих пор не было. Не странное ли чувство! Быть может, оно оттого, что всеобщую жажду всезнания отдельный человек перестает разделять, ибо она для него слишком велика, физически непереносима. Спасает избирательность: всех нас волнует все — и новый станок с электронным управлением, и открытие городищ забытого народа, и новый вид букашек. А каждый радуется либо станку, либо древним черепкам, либо букашке.

Всем нам до всего есть дело в микро- и макромире. Луч электронного микроскопа расшевеливает густой мир атомов и молекул, сверхсильные радиолучи нащупывают в космической бездне одну за другой непредставимо гигантские звезды, техника идет в огонь и воду, добывая ценные сведения о недостижимых для человека пределах природы. А отдельный человек спокоен. Новизна для него — норма. Норма ли? А вдруг он чувствует новь века поверхностно! А если он к тому же молод, тогда это совсем плохо.

Как ему совместить широту взгляда на современную науку и технику с интересом к какой-то отрасли знания! Как общее образование перевести в профессиональную учебу, не заглушив других интересов личности!

Кто ставит перед собой такие вопросы, чтобы дать на них научный ответ! Педагоги и психологи, создающие ныне новую науку, профессиональную педагогику. Всего два года назад эта наука организационно выделилась из общей педагогики. Это происходило в старинном московском доме на улице Большая Полянка, где находится Президиум Академии педагогических наук. Ко дню «исторического» заседания сюда слетелись ученые со всей страны. Они собрались разработать стратегию новой педагогики. То было первое собрание нового Отделения АПН СССР — педагогики и психологии профессионально-технического образования.

На этом собрании была распространена книжка-задачник. В ней лаконично назывались проблемы, в пять-десять строк: телеграммы из штаба педагогики ко всем ученым. Сложная сфера человеческих взаимоотношений — между мастером и учеником — требует к себе внимания. Мы хорошо делаем ракеты и шоколад, экскаваторы и рыбные консервы, и надеемся, что нынешние школьники будут все это делать еще лучше. И не представить себе такое: вдруг они все до единого остались неисправимыми неумехами и работают из рук вон плохо — строят тяпьяпистые здания, варят никудышную сталь, собирают капризные телевизоры и без содержания слушают фальшивящий симфонический оркестр... Потомки отстали от предков — это противоестественно!

Профессиональная педагогика долго была не наукой, не системой знаний, а лишь мозаикой идей разрозненных времен учених. Швейцарский педагог И. Песталоцци разработал теорию элементарного образования на основе наглядного обучения, и у него большое место отводилось трудовому воспитанию молодежи. Утописты Р. Оуэн, Ш. Фурье, А. Сен-Симон соединяли производительный труд детей с их обучением. Руссо мыслил ребенка в труде. К. Д. Ушинский и Л. Н. Толстой отвергали раннюю специализацию учащихся — она обуживает личность. Все-таки профессиональная деятельность — частный случай человеческой деятельности...

Прагматическая педагогика Дж. Дьюка: основа воспитания ребенка — его опыт, полученный в труде. «Как же с научным образованием!» — возражаем ему мы. Не принимали развитие ума лишь через работающую руку ни Ушинский, ни Толстой...

Петр I стремился дать России специалистов всех профилей, он был настойчивым организатором профессионально-технического образования.

История, а вернее предыстория профессиональной педагогики еще не сложилась, ученым еще предстоит ее осмыслить. Также не сделать и полного обзора современных

идей педагогов, которые исследуют феномен «профессиональная учеба», потому что эти исследователи хоть и не разделены временем, да разделены — теми самыми ведомственными перегородками; и они впервые вышли из-за них для общего разговора на первое собрание Отделения педагогики и психологии профтехобразования.

Но отчето именно теперь «всплснулась» педагогика и срочно надевает рабочую спецовку! Немыслимо отставание профессиональной учебы от темпов технического прогресса. Пора учить молодых людей повсюду не отдельным приемам, а мышлению. А каким должно быть содержание обучения в век НТР? Может, надо поскорее переписать все учебники и переделать все наглядные пособия! Или вот острая проблема: как склонить выпускников школы к техническим училищам? Тьма вопросов...

И теперь послушаем педагогов не с трибуны, а в научных лабораториях. Прошло два года со дня первого собрания Отделения педагогики и психологии профтехобразования. Какие телеграммы из книжки-задачника приняты исследователями к исполнению!..

Проблемный урок

Производство и распространение знаний приобрело индустриальные размах. Первые добытчики их — ученые — прорубают штреки в самых немислимых пластах непознанного. Действует сеть учреждений научно-технической информации с машинной обработкой сведений. Врач, например, если он хочет быть в курсе новых дел в своей профессии, должен был бы прочитывать в день тысячу статей и рефератов. Но все ли надо читать? Нужно уметь найти то, что обладает новизной мысли. Работой и учись, учись и работай...

Педагоги обнажили требование времени: ныне учиться профессии — это учиться мыслить. В. А. Сухомлинский и в школе протестовал: «Из живого, активного, деятельного существа ребенок нередко превращается как бы в запоминающее устройство!» И еще: «Подмена мысли памятью — порок, отупляющий ребенка».

У писателя Фазиля Искандера есть школьный рассказ «Начало», в нем он с юмором показывает, как «методом массированного воспитания» делают медалистов. Про абсолютных отличников он написал так: «Это была маленькая, самолюбивая каста неприкасаемых. Даже учителя слегка побаивались кандидатов в ме-

далисты». Девиз — успеваемость, любой ценой успеваемость! — устарел. На излете века, во времена научно-технической революции институты и технические училища ждут из школы мыслящих, быстро схватывающих новое ребят, а не сосуды, доверху наполненные знаниями. Нельзя десять школьных лет учить человека сидеть, а потом требовать, чтобы он умел без усталости ходить...

Пришло проблемное обучение профессии!

Это не священный трепет перед Знанием, который внушается ученику, чтобы он таким образом обрел чувство ответственности, а преподаватель — душевный комфорт. Это не коленапреклоненное обучение, как в средневековых университетах обучали по Аристотелю. Боевой просветитель Франции Петр Рамус восстал против такой оглуляющей зубрежки, открыл двери и окна в мрачный храм Знания и впустил в пустынные каноны логики трепетные факты жизни. Быстро крепили умы его учеников, тренирующихся в разгадке тайн бытия; и они легко побивали сверстников, ткавших лаутину словес и книжных рассуждений. Мужественно Рамус дважды пытался убить за то, что он учил детей думать и вышвырнул из университета запугивающую педагогику. В третий раз его все-таки убили, духовные слепцы, как волки, растерзали его в Варфоломеевскую ночь...

Учитель... Он в центре интересов новой науки — профессиональной педагогики. Ученые изучают, как человек, овладевший умением решать проблемы, учит этому других. Ведь он один делает сильнее мысли двух дюжин молодых людей. В технике есть важные проблемы, например, поиск новых видов энергии. Найти дополнительную энергию мысли — педагогическая задача важнее любой технической.

Идет проблемный урок... Постановка проблемы. Ее осознание. Выдвижение гипотез. Решения. Проверка. Исследователи записывают урок на магнитную ленту и снимают целый фильм. Мысль учителя — киногерой. Так разлагают бег знаменитого атлета на отдельные движения, чтобы подробно учить бегу мальчишек. Бег продуктивной, творческой мысли на языке математики называется «неопределенностью области поиска». Очень уж трудно уловить оттенки мыслетворения, сложно дать совет, как этим чудом уверенно управлять. Педагогический талант очевиден, если учитель умеет связать проблему с жизнью (как это делал смелый Рамус), организовать поиск решения (это потруднее, чем организовать экскурсию) и возглавить его. Педагог силен, если умеет развернуть эвристическую беседу, то есть вызвать активное мышление учеников с появлением ростков но-

вых мыслей. И всем, всем показать — видите, это новые мысли, это ваши новые мысли, дерзайте, вы способны их находить! И учитель идет вперед: мысли теперь есть, давайте их воплощать, пусть образ мыслей станет образом действий. И — вершина урока. Найденное решение — не разового пользования, его можно перенести на разгадку других, подобных задач. Гораздо легче научить ребенка читать, если не ставить перед ним цели сделать это, а превратить учение в игру. Учить думать надо во время решения задач. Мускулы крепнут в работе, мысли развиваются проблемным мышлением.

У птиц инстинкт летать. У человека нет инстинкта мыслить. Птица и с мочугими крыльями в вакууме упадет. Ученик мыслью своей отталкивается от задач, они — живительный, упругий воздух. Учитель впереди учеников. Не умом — умением думать. Это его бесценное умение и познают ученые. Практическая педагогика — одна из движущих сил НТР. Пора вооружить всех педагогов приемами проблемного обучения, чтобы ученики не только овладевали современным знанием (варить сталь или выпекать хлеб), но и умением овладевать новыми и новыми знаниями.

Преподаватель... Тот, кто преподает. Право, теперь в этом слове есть что-то вялое, пассивное. Ныне ритуально преподавать знания, науки, преподносить материал, как на подносе, даже уже и смешно. Воссияй вновь не только в школе, но и всюду вечное слово «Учитель!» Это тот, кто учит, думая и увлекая, думать вместе с собой учеников.

«Я»

Советского математика Александра Фридмана, того самого, что вычислил сенсационное разбегание Вселенной, наказывали в детстве, оставляя не без кино, не без мороженого, а без уроков арифметики. Безусловно, расширение вселенной ума этого человека началось с самого нежного возраста и сразу и навсегда приобрело определенный характер — математический. Никакие вынужденные отклонения — в 1918 году он был избран профессором Пермского университета и стал одним из его организаторов, то есть принял административную работу — не смогли остановить его математический ум. Он никогда не мучался выбором профессии, а ясно видел свои жизненные интересы только в системе координат любимой и всемогущей математики.

Но жизнь Александра Фридма-

на — образец безошибочной профессиональной ориентации. Будто ученый рассчитал свою судьбу с орлиной зоркостью математика, не переоценив, не приуменьшив своих возможностей ни на один знак. Нас же интересуют тайны профессионального самоутверждения не таких вот редких талантов, а то, как это обыкновенно происходит у миллионов юных современников.

В одном из недавних экспериментов ученые выбрали из трех тысяч старшеклассников двести. И приступили к деликатному анализу их «я». Как жгучее прикосновение луча электронного микроскопа искажает сам наблюдаемый объект, так и грубое вторжение в душу может исказить живущие в ней чувства. Исследователи были не просто тактичны, а осознанно они подправляли свое собственное поведение с позиций психологической науки. И одно это уже поучительно. Чувства ребенка. Как это недосыгаемо часто и для самых его приближенных — папы с мамой. Чужое «я» непознаваемо, чужая душа — потемки. Это говорится от равнодушия, а не от бессилия. Человек с тонким душевным слухом всегда слышит и пение мальчишечьего сердца, и шорох детской тревоги, и падение светлой капли юношеской грусти. А выбор профессии — это одно из самых сильных за всю жизнь переживаний. Как томится душа в предчувствии безответной любви к избранной профессии.

Из двухсот подростков лишь у пятидесяти педагоги экспериментально установили согласие между познавательными интересами и выбором профессии. Остальные — с встревоженной душой. Или совсем не выбрали дело, которое станет сердцевинной судьбы, или выбрали, но явно неточно.

Причин неподготовленности к верному выбору любимого дела много. Мы заняли детей. Детсад и школа пеленают их намерения излишней заорганизованностью. Чтение — читайте то-то и то-то. Экскурсии — только туда-то и туда-то. А потом обвиняем их в отсутствии самостоятельности, деятельно лишая их этой самостоятельности. Боимся потерять престиж, оттого все делаем за них?

Исследователи взгляделись в одну причину: как подростки оценивают себя?

В любом возрасте хорошо бы соотносить свои возможности с претензией на ту или иную работу. Чтобы не пытаться ладошкой (возможности) закрыть городскую площадь (какое-то поприще). В молодости это оборачивается крупной ошибкой — упрямство заносит в профессию не по призванию, и последствия промаха могут сказаться, ударить в самое сердце лишь через несколько лет. Большинство ребят

переоценивают себя. Это, увы, увидели ученые. Критерий оценки своих «я» у них один — учеба. Потому, кстати, выбор профессии для этих выпускников школ — значит выбор вуза. Они считают, что умеют учиться и оттого хотят и дальше одного — учиться. И уж почетнее, полагают они, быть в институте. Так у них правильный выбор профессии откладывается на время институтской учебы, а другие более и не делают попытки профессионально переориентироваться. Ведь будучи студентами, они затрудняются оценить себя с точки зрения пригодности к профессии. Их и втолкнула в вуз та самая инерция — самоутверждение в учебе, уютная психология вечного студента.

Прицел на вуз, взятый в школе, усиливает переоценку своего «я». Но лишь четверо из десяти выпускников школы становятся студентами. Беда не только в том, что и остальные шестеро тоже целятся поступить в вуз и не поступят, а и в том, что они слишком переполнены желанием стать студентами и это желание потом не скоро растворяется и мешает им вписаться в свою профессию. И вот подросток «влечет» рабочие дни в цехе, тоскуя по вузу. Какое уж тут: «Радуюсь я — это мой труд вливается в труд моей республики!». Скорее так: «На работу — болят пятки, а с работы — без оглядки».

Недооценка себя пагубна, как и переоценка. Это неумение (чаще всего!) оценить свои способности и сопоставить их с профессией. Сен-Симон приказал слуге по утрам будить себя со словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!» Вот так человек воспитывал уверенность в свои силы. Недооценка не зависит от типа нервной системы. Недооценивают себя не обязательно вялые люди. Это могут великолепным образом делать и энергичные подростки, от которых, кажется, искры летят, когда они принимаются за что-нибудь.

Отчего еще подростки не умеют верно оценить себя? Беззаботно перехваливали родители — он в пику им стал недооценивать свои силы. Сладость самоуничижения! Родители недооценивают — он во спасение своего престижа перехваливает себя. Инстинкт самосохранения!

Выработка верной самооценки в приложении к выбору профессии — это вообще умение оценивать свое «я». Снять переоценку у подростка в пожарном порядке — это больно и для родителей. Счастливы же папы и мамы, которые внимательно и весело проводят кораблик самоутверждения своего сына от истоков его личности до зрелости, от А до Я, от чтения азбуки до полного становления «Я». И уж такой сын не впадет в уныние, не поступив по

моде в институт. Он не станет поступать в популярный вуз, потому что не все же профессии подвластны институтам, а делу, которое он выбрал, обучают в училище, в техникуме, на производстве.

Люблю литературу — буду писателем!

Аксиома или гипотеза: интерес к профессии у молодого человека должен пройти через интерес к профессиям? Психологи поставили так называемый констатирующий эксперимент. Анкеты, характеристики учащихся, беседы с учителями. Сто юношей и сто девушек — объект исследования. Материалы прошли через ЭВМ, и вот цифры. Треть учащихся не находит в себе способностей к каким-то определенным областям знания. Четверть исследуемых (большинство — юноши) считают, что их возможности приложимы к физике, химии или математике. Девушки тяготеют к гуманитарным наукам. И мало ребят с ярко выраженным интересом к технике. Половина учащихся не занимается в кружках и специальных школах.

Да, электронно-вычислительная машина не порадовала... Юноши не идут стройными шеренгами в технику, а трое из десяти старшеклассников готовы идти лишь туда — не знаю куда. Может, познавательные интересы ребят из другой школы четче? Исследователи проанализировали интересы юношей и девушек из десяти разных школ, интересы ребят, проходивших практику в учебно-производственном комбинате. Может, метод исследования несовершенный? А если применить другой... Так хочется видеть детей идеальными!

Но — факт. Познавательные интересы старшеклассников имеют не ту раскладку, какая бы соответствовала общественным потребностям. Ведь из познавательного интереса, как из куска руды, выплавляется профессиональный интерес.

Если бы летучая мышь по-человечески оценила свою физиономию, она бы сильно загрустила. Если бы подросток по-взрослому оценил свою запоздалую всеядность в науках, он бы крепко призадумался. На часах — НТР. Расслабиться некогда. И профессию надо выбирать в юности, а не тащить тяжкое бремя выбора любимого дела через всю жизнь. Мы фехтуем с веком, сражаемся в нескончаемой битве за минуты на работе, в магазинах, в транспорте. И замечаем современников, которые современнее нас — деловитее, энергичнее, тренирован-

нее. Но упаси нас бог от того, чтобы ребенка вгонять в его будущее силком. Это испорченное и настоящее, и будущее. Преждевременная юность нисколько не лучше преждевременной старости. Дети хотят взрослых сделать детьми (так интереснее!), а взрослые стремятся детей сделать взрослыми (так удобнее!). А надо поддаться детям. Малыши в играх выбирают профессии. Играют в учителя, в вагонновожатого. Они строги и точны, они исследователи мира. Наигравшись в профессии, потом они будут меньше играть своей судьбой. В детских играх — завязь личности, и в этой завязи есть элементы познания.

Эксперимент со ста юношами и ста девушками, с которого началась эта глава, эпизод педагогической науки. Он еще раз подтвердил, что познавательная избирательность у старшеклассников неудовлетворительная. Хотя бы было так у всех: люблю литературу — буду писателем. Это же все-таки определённость. Хотя ее надо проверить. Любитель литературы может ведь стать кем угодно — и водолазом, и дояркой. И, наверно, так и будет. А писателей нужно обществу ровно столько, сколько есть. В общем-то немного. Писателем может быть тот, кому присуще образное мышление.

Надо уравновесить чаши весов: юношей увлечь гуманитарными науками, а у девушек вывить интерес к физике и математике. И еще воспитать мысль, что юноши и девушки могут на равных работать в большем числе профессий, чем это они себе представляют.

Престиж профессии

У журналистов есть байка: то ли на радио, то ли на телевидение, то ли в газету пришло от школьников письмо, а в нем сногшибательный по наивности вопрос: «Хотим все увидеть, скажите, пожалуйста, где учат на туристов?»

Сказка ложь, да в ней намек. Остра проблема: молодые дружно предлагают себя в те профессии, в которых специалистов и так, как в переполненном трамвае, а нужные обществу профессии — «полупустые». Операторов на заводе не хватает, а юноши, обдумывающие житье, среди которых, впрочем, и девушки, обдумывающие житье, хотят быть кинооператорами и актерами и штурмуют бастионы ВГИКа.

Психологи объясняют появление этих острых ножиц (спрос-предложение) по-своему: действуют внутренние причины, субъективность оценки профессий...

Нереализованные намерения нельзя мигом распустить, как неудачно связанную vareжку, чтоб возникло правильное намерение и явилась жизненная удача. Профессиональные намерения иных подростков ломаются, как тростинки, ткнувшись в действительность. В чем дело? Психологи отвечают: многие ребята пришли к черте выбора профессии, но не пришли к сознательному ее выбору. Но почему все же юноша идет, скажем, в геологи? Ценит профессию — идет. Наверно, так. Но как ценит, явно или полусознательно? Вот важный нюанс. Рвется парень в те же кинооператоры. Его восхищает, как снят в памятном для него фильме вездеход, — откуда-то снизу: вездеход как бы летит, зубастые траки мелькают над самой головой. Но, восхищенный, он не знает, что оператор без счета падал на мерзлую землю, чтобы запечатлеть лишь один миг будто бы летящей тяжелой машины. Он не ведает, что оператор должен быть мускулист и вынослив, ибо он всегда обвешан, как новогодняя елка, отнюдь не легонькими кинофотоаппаратами. У него рука тверда, как у снайпера, и после недельной бессонницы. Парень, скорее всего, ориентируется на парадную сторону профессии.

Социологи видят противоречие: чтобы выбрать профессию, ее надо узнать, а чтобы узнать, надо вначале выбрать. Ведь так? Где выход? Подросток должен потрудиться узнать хотя бы минимум о всех профессиях, и тогда выбор своей будет осознаннее.

Слава у профессий разная. Подростки эту разницу более того усиливают — они народ эмоциональный. Психологи не могут упрощать. Чтобы ответить на вопрос «Как складывается у молодых оценка профессий?», надо познать, как подросток вообще умеет оценивать мир. Что в лукошке его ценности главное, что заместитель главного, что второразрядное, что третьесортное. А смонтировать структуру ценности личности труднее, чем вырастить атом к атому сапфир размером с кулак.

Неустойчивы профессиональные намерения подростков. Случайность как лучший форвард железных закономерностей легко отнимает у подростка намерение и переадресовывает его. Шел да шел он в химии, повстречал на пути в приемную комиссию приятеля, который, оказывается, уже год работает в железнодорожном депо, и пришел... нет, не в депо, а в аэропорт. Уж идти на транспорт, так в авиацию! Но где же за этой случайностью закономерность? Престиж авиации высок. «Сами себе велите славу добыть», — сказал поэт. Добыть ее лучше, считает юноша, у которого

случайность отняла намерение стать химиком, конечно же, в Аэрофлоте. Но «дело неумелостью губя», долго ли ему быть среди серебристых лайнеров?

Выходит, молодых надо неотступно опекать в выборе профессии? Нет, не надо. Оттого в педагогике особо вредны скоропалительные выводы. Человек родился — зовет криком: подойдите! Второе его рождение, это когда он утверждает в профессии. Надо слышать и тут его крик, крик души. Ему нужна помощь. Как подсолнух к солнцу, подросток тянется к доброму и умному слову педагога. Его и ищут современные психологи...

Профессиональная педагогика была не нужна медленному прошлому. Мастер до поры до времени оберегал от подмастерья профессиональные тайны. Он лишь этим и располагал — тайной ремесла, которую ему шепнул на ухо перед самой смертью его милостивый учитель. Вмешательство в секреты профессионального обучения могло обернуться бедой для социологов, появившись они лет двести-триста назад, их бы в лучшем случае прогнали. Ныне тайны в труде бессмысленны на быстром ветру перемен, ныне тайны вредны — они тормозят прогресс. Умение учиться новому у всех и отдавать новые идеи всем — основной признак современного работника, и прежде всего Учителя. Учитель становится возницей века, ведь множество людей дорожат временем и хотят не только быстро обучиться делу у мастера, но и взять у него умение решать любые задачи. Технический прогресс, столь скорый «на расправу» с отжившим, устаревшим, будет все заметнее пробуксовывать в тот момент, когда эффективность профессионального обучения по какой-либо причине снизится, когда передача профессионального опыта от поколения к поколению отчего-то станет слабее. Вот почему НТР «открыла» новую науку, профессиональную педагогику, — чтобы эстафета специальных знаний не отставала от летящего века, чтобы новой техникой новые мастера управляли лучше старых...

Чёрный туман

Михаил
РАСТОРГУЕВ

Рисунки
Н. Павлова

ГЛАВА 4

Старшим группы назначается...

В штабной комнате стояли под углом друг к другу два письменных стола. За одним, лицом к двери, сидел Покровский. Возле другого стола, спиной к окну, стоял Бунгеллер. Посреди комнаты, плечом к плечу, вытянулись в струнку двое курсантов, Польшин и Бакланов.

Окончание. Начало в № 9.

Кедров доложил о себе. Покровский улыбнулся и жестом велел стать рядом с Польшиним и Баклановым. Затем поднялся из-за стола и торжественно объявил:

— Господа! Пришел ваш черед послужить Великой Германии! Вам предстоит выполнить в советском тылу ответственное поручение немецкого командования...

Чувство облегчения, которое испытал Кедров в первую минуту, сменилось новым, незнакомым прежде, каким-то паническим чувством. «Вот оно... На выброску идем!» С этой минуты он — диверсант, а эти двое — его сообщники...

«Спокойно, Виктор, спокойно! Ради этого ты здесь и находишься. Ты почти у цели...»

— ...Первая и основная ваша задача, — это говорил уже Бунгеллер, прохаживаясь взад и вперед перед диверсантами, — взорвать важную железнодорожную магистраль в советской прифронтовой полосе. Квадрат вам будет указан позднее... И вторая задача — собрать разведанные о советских частях, прибывающих на этот участок фронта...

Все трое заявили о своей готовности выполнить приказ.

— В таком случае не будем терять времени, — сказал Покровский. — Сейчас вы перейдете в распоряжение инструктора Неймана. Старшим группы назначается Польшин...

Виктор покосился в сторону своих «сообщников». Того и другого он знал лишь внешне, поскольку занимались они в другой учебной группе и жили в другом помещении. Разговаривать много тоже не приходилось — если бы знать наперед...

Впрочем, Григорий Бакланов был в диверсионной школе в некотором роде знаменитостью. Этот рослый парень, державшийся всегда очень замкнуто, обладал незаурядной физической силой. Однажды Виктор сам наблюдал, как тот выталкивал из ухаба застрявшую машину Энгельгардта — один, без помощников. Капитан Энгельгардт подарил ему за это пачку сигарет. Бакланов принял сигареты как должное, без излишней благодарности — заработал честно.

Кроме того, Бакланов считался в школе лучшим стрелком из всех видов оружия. Неплохо он успевал и по другим предметам — значит, был неглупым парнем, а потому особенно опасным противником.

Андрей Польшин меньше выделялся в среде курсантов. Был он невысок, сухощав, обладал быстрой неслышной походкой и цепким, словно бы все замечающим взглядом. Такого тоже на мякине не проведешь.

...В штабную комнату вошел инструктор Нейман.

— Прошу вас, господа!

Он повел диверсантов на самую окраину поселка. Там, окруженный со всех сторон густой зеленью плодовых деревьев и кустарников, стоял небольшой домик. В комнате, где им предстояло теперь жить, стояли три застеленные койки, стол и стулья. На окнах — плотные шторы. День был солнечный, а в комнате горел электрический свет.

— Господа, можете отдыхать, — сказал Нейман. — Через сорок минут вы пообедаете, затем сразу начнем специальные занятия, — и ушел.

Диверсанты остались одни. Бакланов улегся на койку, усталый в потолок отрешенным взглядом. Кедров последовал его примеру — тоже прилег.

Польшин присел к столу и принялся рассуждать:

— Ну, сделаем дело — тогда заживем. Риск, конечно, немалый, да кто нынче не рискует... Я вот знаю: двое сходили, после этого им сразу унтер-офицеров дали, медалями наградили и в высшую школу направили, в Кенигсберг, — житуха!..

— Ты не агитируй, — огрызнулся вдруг Бакланов. — Это мы и сами знаем. Лучше скажи: скоро на выброску-то пойдем?

— Мне не докладывали, — пожал плечами Польшин.

— И в любую ночь могут поднять по тревоге, — вставил свое слово Кедров.

Польшин живо подхватил:

— Здесь тебе не гранд-отель — долго не заживешь.

— Во всяком случае, — сказал Кедров, — пока Енекке не убедится в нашей полной готовности, нас отсюда не выпустят.

— Это точно! — согласился Польшин.

Виктор для себя уже решил: после приземления он постарается уйти от этих двоих. Он должен доставить в контрразведку сведения о диверсионной школе. Во что бы то ни стало... Драться с ними он не станет — слишком неравные силы. Да чекисты их сами выловят — ведь Кедров сообщит квадрат, в котором предполагается произвести диверсию, а также приметы диверсантов. Выбрасывать их будут ночью, а в темноте легче ускользнуть. Только бы удачно приземлиться...

После обеда пришел Енекке. Мрачный, как всегда. В руке — небольшой черный чемодан. Все знали, что он носит в чемодане: взрывчатку, шнуры, детонаторы и прочие принадлежности для подрывных работ. Да еще термос с кофе и бутерброды.

Молча, не глядя на диверсантов, поставил Енекке чемодан на пол. Польшин подскочил, взял чемодан.

— Айда заниматься! — сказал он Кедрову и Бакланову.

Шли гуськом, не спеша. Впереди Енекке. Сегодня он сутулился сильнее, чем обычно. За ним Польшин с чемоданом. За Польшиним Бакланов. Кедров, занятый своими мыслями, приотстал.

Немного погодя он заметил, что Бакланов тоже замедлил шаг. И вот они уже поравнялись, искоса поглядывают друг на друга.

Енекке вел их через пустырь к видневшейся впереди насыпи узкоколейки. Чуть подалее и правее поднимались над линией горизонта черные копы заброшенной шахты. В том месте, где узкоколейка делала крутой поворот, Енекке остановился.

— В квадрате, который вам будет указан, линия железной дороги так же круто поворачивается, — сказал он и, отсчитав несколько шагов, ткнул пальцем себе под ноги: — Взрывчатку надо закладывать здесь, только здесь!

Затем Енекке раскрыл чемодан, вынул детонаторы, бифордов шнур, толстые шашки, взял в руку часы и проверил по времени готовность каждого диверсанта к практическим действиям.

Впервые за все время на его лице появилось некое подобие улыбки:

— Молодцы, русские ребята! Все будет хорошо.

После этого он достал из чемодана свой ужин и, удобно устроившись поодаль у стога сена, принялся за еду. Неторопливо, с наслаждением жевал он бутерброды, запивая их горячим кофе. Потом закурил.

Польшин тем временем собирал принадлежности для взрыва и аккуратно укладывал их в чемодан.

Кедров и Бакланов сидели на насыпи, курили и смотрели на закат. Солнце уже садилось, и половина неба была окрашена в яркий розовый цвет, который ближе к горизонту переходил в оранжевый и густо-красный.

Кедров кивнул на Польшина и негромко спросил:

— Что он всегда так выслуживается? Вроде бы уж незачем — все равно, когда вернемся, судить будут по делам.

— Бог его знает, — нехотя ответил Бакланов.

— Это нам бы перед ним тянуться, как-никак он теперь старший — он и докладывать начальству будет, когда вернемся. Как напишет, так нас и наградят.

Бакланов не ответил. Молча курил. Лишь по губам его пробежала легкая презрительная усмешка. Кедров чувствовал, что разговор не вяжется.

Между тем Енекке, бросив на траву охапку сена из стога, прилег вздремнуть. Польшин последовал его примеру, устроившись по другую сторону стога.

— Ты родом-то откуда? — спросил Кедров у Бакланова.

Тот все так же нехотя ответил:

— Далеко туда добираться.

— Мне тоже — я ведь из Сибири, — сказал Кедров. Бакланов быстро взглянул на него, и Виктор заметил, что в лице его произошла какая-то неуловимая перемена.

— Земляки, выходит. Я из Иркутска.

— Правда? А этот откуда, старшой-то наш?

Бакланов словно не слышал вопроса, долго смотрел на закат, о чем-то думая. Виктору хотелось продолжить разговор, но он боялся показаться навязчивым. Да и Енекке уже открыл глаза — спал он ровно десять минут. Пора было возвращаться.

Перед сном Кедров вышел в сад покурить. Немного погода к нему присоединился Бакланов. Стояла темная южная ночь. Ярко сияли над головой звезды. Дом, неясно черневший среди деревьев, казался необитаемым.

— А старшой что, не хочет курить? — спросил Кедров.

— На черта он тебе сдался? — с раздражением проговорил Бакланов и совсем тихо добавил: — Не знаю, каков ты, а Полянин... Мы ведь с ним из одного лагеря. Нагляделся я там на него. Надзирателем был. Со шлангом ходил.

— Да ну? — удивился Кедров.

— А что ты думал? Зверь — не человек. Одного пленягу на моих глазах так этим шлангом отделал, что того сразу в лазарет уволокли. Балаңду хотел второй раз получить. Получил... Покашлял, похрипел два дня и помер. Виктор спросил:

— А тебе во многих лагерях пришлось побывать?

— Во многих, — вздохнул Бакланов. — В сорок первом под Киевом в плен попал. Сперва был в Дарнице, потом в Уманьской яме, в Криворожском лагере, в Кременчуге... В Миллерово в похоронной команде работал, в телегу вместо лошади впрягался и отвозил покойничков к ямам. Сколько наших ребят закопал — это же с ума можно сойти! Сейчас, бывает, во сне увижу эти ямы и весь в поту просыпаюсь.

— А сюда как попал?

— Сюда? А чтоб не подохнуть на лагерных харчах, — улыбнулся он. — Видишь, какая у меня комплекция?

— Ну, а если без шуток, Гриша, начистоту?

Бакланов подумал.

— Начистоту, говоришь? — он резко повернулся к Кедрову и с вызовом прошептал: — Можно и начистоту. Только ты мне сначала сам скажи, как ты в плен попал и в каких лагерях побывал, чтоб уж на равных.

На какой-то миг Виктор даже растерялся, но затем вдруг решил. Чем-то Бакланов ему был симпатичен. Была какая-то неосознанная уверенность в том, что он не предаст.

— В плену я, Гриша, меньше твоего пробыл, но тоже повидал всякое. А в плен попал в Крыму.

— Где это, в Керчи, что ли?

— В Севастополе, — сказал Кедров. — В последние дни обороны.

— Так ты моряк? — широко улыбнулся Бакланов.

— Был моряком. Но об этом здесь никто не знает.

— Ну, Витя, — растроганно прошептал Бакланов. — Спасибо, друг, не боялся ты мне душу открыть! Я тебе тоже откроюсь. Сюда я пошел, конечно, не из-за жратвы. Как мелкая рыбешка на крючок попался. Ясно, мечтал любым способом из лагеря вырваться. Хоть в рабочую команду — иногда набирали туда. Ну вот, раз приехали офицеры, говорят, люди нужны для obsługi, в какую-то хозяйственную часть. Отбирали тех, кто поздоросее, побойчее. Мой рост им, что ли, понравился — тоже взяли. Я не стал возражать, думал: с силенками соберусь да и рвану через фронт к своим. А хозяйственная-то часть, вон она какая оказалась? Когда я это понял — отступать уже поздно было. Свм, поди, знаешь: отсюда обратной дороги в лагерь нет. Либо готовься к выброске, либо — на тот свет... Ну, я тебе сейчас-то уже могу сказать: решился с помощью немцев через линию фронта перемах-

нуть, на их самолете. Пока нас готовили — все мечтал об этом. А вот теперь, когда до дела дошло, — ночи не сплю, все думаю, как быть. Не поверят мне наши — вот чего боюсь. А если вдвоем... Этого свяжем, — он кивнул в сторону дома, — и доставим в органы: вот, мол, сделали, что могли, гада обезоружили и сами с повинной явились... А?

«А вдруг опять провокатор?» — подумал Кедров. Но почему-то не хотелось в это верить.

А Бакланов продолжал все так же взволнованно:

— Я к тебе сразу начал присматриваться. Как сердцем чувствовал... Слышал я, как в лагерях севастопольцев немцы мордовали, матросов убивали за пустяк, жить не давали...

«Будь, что будет!» — подумал Кедров и сказал:

— Идет.

...Отправка диверсантов в советский тыл отмечалась в торжественной обстановке, за банкетным столом в штабе абвергруппы. С речью выступил капитан Энгельгардт, он пожелал своим питомцам успешно выполнить задание и вернуться обратно.

— Господа, — поднимая высоко бокал с коньяком, говорил он, — наша абвергруппа недаром называется «Черный туман». Мы ведем войну под покровом ночной темноты и тумана, действуя почти вслепую, мы безошибочно должны разгадывать замыслы наших врагов и уничтожать, уничтожать! Счастливого вам пути. Хайль Гитлер!

Услышав дружный ответ, капитан снова приветственно вскинул руку. За столом стало шумно. Опыневший Полянин, сидевший рядом с Покровским, несколько раз порывался встать и тоже сказать речь, но всякий раз бесильно плюхался на стул. Бакланов молча пил пиво и опустошал блюдо с жареной гусятиной. Кедров сидел напротив Энгельгардта, ловил каждое его слово. Обычно сдержанный и немногословный, на этот раз гауптман разговаривался. Откинувшись на спинку кресла и отлебиваясь небольшими глотками коньяк, он увлеченно излагал свои взгляды на жизнь:

— Конечно, господа, там, в советском тылу, на каждом шагу вас будет подстерегать смертельная опасность. Но если хотите знать, то в этой опасности есть и своя прелесть, своя романтика. Опасность возбуждает, волнуется. Я сам испытал это во Франции. Уверен, что без острых ощущений жизнь была бы слишком пресной и однообразной. Работа разведчика — удел избранных. Не каждый способен вести поединок с более сильным противником и при этом побеждать. А побеждая — еще более возвышаться над остальной массой людей. Я уж не говорю о наградах, почестях и деньгах. Кстати, господа, деньги — это совсем недурная штука! Ха-ха!.. Еще раз за ваши успехи и благополучное возвращение!

— За нашу встречу после возвращения! — громко повторил Кедров, тоже поднимая бокал.

Немного погодя Покровский проводил всех троих в соседнюю комнату, где стояли приготовленные койки.

— Что раскис, Андрияша? — добродушно спросил он у Полянина. — Ну, не беда, успеете выспаться. Спокойной ночи, господа!

Полянин сразу захрапел.

— Спим? — тихо спросил Бакланов.

— Спим, — ответил Виктор и прилег на койку. Поворочавшись, Григорий затих, а Виктор долго лежал с открытыми глазами, сон не шел к нему.

Уже много месяцев он находился на оккупированной территории. Сколько пережито за это время. И вот через несколько часов он вернется на родную, долгожданную землю, которая — прав Бакланов — еще неизвестно как встретит. Еще предстоял прыжок, смертельная схватка с Поляниным, исход которой сейчас трудно было предугадать. А затем, если они с Баклановым выйдут из этой схватки победителями, предстояло идти с повинной, предстать перед своими в роли вражеских диверсантов, хотя бы в первые минуты...

Виктор окончательно понял, что не заснет. Он встал и подошел к окну. Ночь была светлая, теплая. В саду

шелестела листва на деревьях. На темном небосводе светили яркие звезды. Виктор увидел ковш Большой Медведицы, и ему сразу же вспомнилось, как в детстве бабушка рассказывала о звездах. По ее словам, каждая звездочка занималась своим делом.

— А больше всех, Витенька, трудится этот большой ковшичек. Всю-то ночь он вычерпывает тьму и, когда вычерпает ее без остатка, сразу и выкатывается красно солнышко и начинается новый денек.

Виктор улыбнулся, вспомнив веселое, румяное лицо бабушки. Сколько доброты и душевной чуткости исходило от этой умудренной жизнью старушки! Сквозь дымку времени Виктор увидел портрет своего деда, не придуманного купца Рязанова, а политкаторжанина Василия Кедрова, человека большой и трудной судьбы. Седой старик смотрел из-под лохматых бровей строгими серыми глазами. «Даже если тебя не поймут,— казалось, говорили эти глаза,— ты не падай духом и до конца жизни будь верен своей отчизне!..»

В час ночи диверсантов разбудили. В соседней комнате на большом столе аккуратно разложено знакомое снаряжение: взрывчатка, шнуры, взрыватели, пистолеты «ТТ» и «вальтеры», десантные ножи, электрофонарики, ранее подогнанная на каждого поношенная форма советских офицеров с погонами, которые совсем недавно были введены в Советской Армии и которых еще не приходилось Виктору носить. Улыбаясь, Покровский прикрепил Польшину на гимнастерку орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги», а Кедрову и Бакланову — по медали «За отвагу».

— Поздравляю вас с наградой, господа русские офицеры!

— Рады стараться, ваше превосходительство! — рявкнул Польшин.

— Молодец! — хлопнул его по плечу Покровский. — Вернешься — представлю к званию.

— Ахтунг, ахтунг,— мягко сказал лейтенант Бунгеллер и, тоже улыбаясь, вручил каждому по десять тысяч рублей советскими деньгами в разной купюре и личные документы.— Господа, хотя вы отлично изучили свои документы, все-таки стоит лишний раз напомнить, что каждый из вас следует после лечения в госпитале во фронтовые воинские части. Все документы, включая вещевые и продовольственные аттестаты, выполнены безупречно, отличным специалистом, но знать и помнить их вы должны наизубок. Поэтому прошу вас: внимательно осмотрите их...

Через некоторое время машина с диверсантами быстро пронеслась по улицам спящего города и вскоре прибыла на большой военный аэродром. Здесь шла обычная ночная жизнь. Где-то на невидимых в темноте стоянках ревели моторы. На бетонной полосе время от времени, мерцая бортовыми огнями, взлетали и приземлялись самолеты, снова бензозаправщики.

Машина остановилась недалеко от двухмоторного «юнкерса». У трапа виднелись темные фигуры, вспыхивали огоньки сигарет. Бунгеллер поздоровался с пилотами, о чем-то тихо с ними пошептался. Вскоре диверсанты уже сидели в самолете с надетыми парашютами и рюкзаками на груди. Покровский простился с ними еще на земле, в полете их сопровождал один Бунгеллер.

Глухо гудели моторы, пробивая облака, самолет круто набирал высоту. Прижавшись лицом к стеклу, Кедров смотрел в иллюминатор. Там была сплошная темнота. Тусклая лампочка над дверью пилотской кабины освещала бледные лица спутников. Все молчали. Виктор взглянул на светящийся циферблат часов. Полет продолжался уже около часа.

Вдруг быстро-быстро замигала зеленая сигнальная лампочка: «Приготовиться!» Бортмеханик снял боковую дверь с петель, и диверсанты выстроились в затылок друг другу у черной свистящей дыры проема.

Первым должен прыгать Бакланов, вторым Кедров, последним Полынин. Прозвучала короткая сирена, Бунгеллер прощально поднял руку, спина Бакланова провалилась в черную дыру. Ни секунды не медля, Виктор шагнул вперед...

Знакомое неприятное чувство, когда внутренности словно бы отрываются и в теле твоём образуется холодная пустота. Острый болезненный свист в ушах. Затем сильный внезапный — хотя его всегда ждешь — рывок. И вот уже Виктор раскачивается под куполом парашюта на крепких, надежных стропах. Внизу темнеет круглое пятно — парашют Бакланова. Стремительно приближается земля. Уже видны какие-то бесформенные пятна и полосы. Кедров по инструкции закрыл рукой лицо, подогнул в коленях ноги и почти в тот же миг они ударились о землю. Виктор не удержал равновесия и упал на бок, но сразу же вскочил, освободился от парашюта и рюкзака, достал пистолет и замер, прислушиваясь.

Стояла светлая тихая украинская ночь. Ярко сияли на небосводе звезды. Даже не верилось, что где-то идет война. Виктор стоял на родной земле. Вот же она! Не в мечтах, не во сне — настоящая: вон опушка леса, а перед нею — большой луг, заросший высокой травой. Где-то неподалеку фыркают кони — видно, пасется ночной табун. Да вон и костер горит!

Виктор тихо свистнул трижды, и ему сразу же ответили. Первым подошел Бакланов, держа на плечах свернутый парашют и рюкзак, затем показался Полынин. Подойдя ближе, он шепотом приказал тут же под кустами вырезать дерн и спрятать парашюты. Кедров и Бакланов переглянулись, подошли вплотную к Полынину. Тот, ничего не подозревая, копался в своем рюкзаке. Наконец достал флягу с коньяком и протянул ее Виктору:

— Для начала освежите глотки.

В тот же миг Виктор схватил его за руку и приемом «на излом» бросил себе на плечо, а Бакланов обрушил на его голову свой тяжелый кулак. Затем оба навалились на Полынина и быстро связали стропами парашюта.

— Сволочи!.. Ах, сволочи!.. — тяжело ворочаясь, хрипел Полынин. — Суки продажные!.. Как я вас не раскусил раньше!..

— Молчи, гад! — предупредил его Виктор. — Убью!..

Обыскав Полынина и забрав у него оружие, они подняли его на ноги, для верности намотали еще на него парашюты и повели к горевшему костру.

Двое мальчишек лет десяти пекли над углями нанизанные на прутики грибы. Увидев незнакомых людей, ребята испугались, отбежали в сторону. Полынин с намотанными на него парашютами и в самом деле выглядел в темноте настоящим пугалом.

— Далеко, ребята, ваша деревня? — негромко спросил Виктор.

— Вон, за бугром, — показал один мальчишка.

— Военные там есть?

— Есть. А вы, дяденьки, кто такие будете? — осмелели ребята.

— Тоже военные, — ответил Виктор. — А как нам ближе подойти?

— Дорога вон у тех берез. Идите по ней. Перейдете мостик, подниметесь на бугор, а там и село. А это кто с вами? — мальчишка показал на Полынина.

— Это опасный человек, — сказал Виктор и кивнул Бакланову: — Пошли.

Ребята молча смотрели им вслед.

Дорога оказалась не такой уж и близкой. Полынин часто останавливался, отказывался идти дальше, задыхался руганью, Бакланов все время подталкивал его дулом пистолета. Наконец подошли к крайним хатам села. Не успели войти в переулок, как из-за плетней с обеих сторон выскочили бойцы с автоматами и окружили их плотным кольцом.

— Кто такие? — спросил приземистый широкоплечий старшина.

— Есть тут кто-нибудь постарше тебя? — спросил в свою очередь Виктор. — Проведи нас к своему командиру.

— Вот как? Сразу и к командиру? — усмехнулся старшина и направил на Виктора автомат. — Ну-ка, руки вверх! Кто такие?

Тут за плечами старшины Кедров увидел вихрастого мальчишку: значит, пробежав кратчайшей дорогой, он предупредил бойцов о появлении подозрительных людей.

— Веди нас, куда надо, — сказал Кедров. — Там разберутся.

— Не указывай мне, что делать! — сердито крикнул старшина и кивнул на Полынина: — А это кто такой замонтанный? Что за чуело?

— Это немецкий диверсант, — пояснил Кедров.

— Обыскать! — распорядился старшина.

К утру они были доставлены по назначению.

Кедров подробно рассказал сотрудникам контрразведки о себе и изложил все добытые им в диверсионной школе сведения. Рассказал он и о Федоре Степановиче Острецове. Выполняя его последнюю просьбу, Виктор передал чекистам страничку его партбилета, которую все это время бережно хранил.

В контрразведке отыскался сотрудник, который лично знал подполковника Острецова и даже когда-то работал вместе с ним.

Все трое были изолированы друг от друга, и некоторое время Кедров ничего не знал о судьбе Бакланова.

...Молодой темноволосый генерал с улыбкой смотрел на стоящего перед ним Виктора:

— Молодец, действовал ты во вражеском органе правильно! Да и учитель у тебя был хороший: знал я Федора Острецова, отличный был чекист, — и, помолчав, спросил: — Может, он еще жив?

— Не знаю, — ответил Виктор. — В лагере он уже кровью кашлял...

— Жаль, жаль Острецова, — задумчиво сказал генерал, — о семье он что-нибудь говорил?

— Говорил, что детей не было, а жена куда-то в Казахстан была эвакуирована.

— Найдем ее непременно, — сказал генерал и, помолчав, продолжал:

— Вот что, Виктор Александрович. Сведения, которые ты доставил, содержат немало нового и интересного материала. Но это малая доля того, что ты мог бы еще сделать. Твое преимущество в том, что ты знаешь обстановку, в которой надо действовать. И мы верим тебе, а потому предлагаем продолжить работу в абвергруппе. Только теперь уже в качестве нашего разведчика. Как смотришь на это?

В первую минуту Кедров было обрадовался: ему не только поверили, но и одобрили его действия! А теперь растерялся: сумеет ли он?

— Верно, опыта у тебя маловато и учиться сейчас некогда, время не позволяет, — согласился генерал. — Но солдаты учатся в бою. Работал ты неплохо, так и продолжай. Трудно сейчас тебе будет, Кедров, труднее, чем было. Самое главное — это пройти проверку, снова завоевать доверие абверовцев. И будь осторожен: когда малоподготовленному разведчику начинают сопутствовать удачи, он теряет осторожность и оказывается на грани провала. Так вот, — генерал посмотрел прямо в глаза Виктору, — если случится провал, то умирать надо молча, ибо малейшая слабость, небольшой намек на признание только увеличат смертельные муки, но не помогут. Первая твоя ошибка будет и последней. Поэтому тебе ошибаться нельзя. Как бы трудно ни было, ты обязан выполнить задание.

В конце беседы Виктор поинтересовался судьбой Бакланова.

— Скоро увидите, — пообещал генерал.

...Под руководством опытных чекистов за несколько дней Кедров и Бакланов прошли необходимую подготовку. Сотрудники контрразведки старались предусмотреть все возможные варианты проверок, которым абверовцы

могут подвергнуть разведчиков после возвращения на ту сторону. Для Кедрова и Бакланова их задачи ясны: закрепиться в диверсионной школе и через каналы связи, которые им будут даны, информировать командование о всех передвижениях абвергруппы, планах заброски диверсантов. Парализовать действия диверсионных групп любыми возможными способами. Старшим из них двоих был назначен Кедров.

Для возвращения разведчиков в немецкий разведорган советским командованием была разработана надежная легенда. Для подкрепления этой легенды в нужном квадрате был имитирован взрыв железной дороги. Среди жителей окрестных деревень широко распространился слух о совершенной диверсии: район взрыва временно оцепили войска и даже на какое-то время прекратилось движение поездов.

Опытный сотрудник, готовивший Кедрова и Бакланова к возвращению в абвергруппу, предостерегал их:

— Хотя вы и вернетесь туда как свои люди, в покое абверовцы вас долго не оставят. Возможны и провокации, и шантаж. Все время будьте готовы к любой неожиданности, только это поможет вам пройти через ловушки, которые вам будут расставлять.

ГЛАВА 5

Снова в осином гнезде

Вместе с сотрудниками советской контрразведки Кедров и Бакланов проследовали по всему маршруту их мнимого возвращения к линии фронта. Оба разведчика должны были ознакомиться с местностью, запомнить все ее особенности, чтобы затем сообщить абверовцам специально разработанные нашей контрразведкой дезинформационные данные о советских частях, которые они «видели» на своем пути.

Ночью, в сильную грозу, Кедров и Бакланов перешли линию фронта и предъявили немецким армейским офицерам свои пропуска и пароли. Их сразу же начали передавать по соответствующим станциям и, наконец, доставили в полевое гестапо — ГФП, где довольно долго продержали, снимая допросы, и, наконец, убедившись в том, что они действительно являются агентами абвера, передали в штаб танковой армии.

Выйдя из бронетранспортера, в котором их туда доставили, Кедров и Бакланов сразу же увидели капитана Энгельгардта. Блестя стеклами пенсне и радостно улыбаясь, он спускался с высокого крыльца. Крепко пожав руки обоим диверсантам, он пригласил их в свою машину, и уже в машине, которую Энгельгардт вел на большой скорости, Кедров докладывал о выполнении задания:

— Полностью все сделать не удалось, герр гауптман, слишком много времени ушло на поиски Полянина...

— Что с ним случилось? — быстро спросил Энгельгардт.

— Сначала думали, может, неудачно приземлился, повредил ногу или потерял сознание...

— Так что же оказалось? — снова перебил его Энгельгардт.

— Ничего не знаем, господин гауптман! Может, специально скрылся от нас, чтобы переждать войну где-нибудь в глухом уголке, а там... Говорил он, что родственники у него где-то на Севере, что уж больно далеко туда добираться, а то бы повидался. Но мы на всякий случай предположили самый худший вариант: не сдался ли он добровольно советским властям? Подумали, а что если он сообщает наши приметы и место взрыва советской контрразведке? Это же конец! Поэтому мы очень спешили. Успели только взорвать магистраль у села Кликовичи, а потом сразу пошли к линии фронта, но

опять же не по маршруту, а в обход, через Купянск — это дальше, зато надежнее.

Энгельгардт внимательно слушал. Прищуренные его глаза смотрели на дорогу.

— А почему вы, Рязанов, так уверены, что Полянин сдался советским властям?

— Я не уверен, герр гауптман! — горячо стал заверять его Виктор. — Мы только предположили так, потому что ведь не мог он нас просто потерять: прыгали мы без задержки, сразу друг за другом. Отнести его далеко тоже не могло — ветра не было. Мы долго его искали. И на условленное место у Калинковичей он тоже не явился. Что же нам было делать?..

— Хорошо, мы выясним, — после долгого молчания сказал Энгельгардт и переменял тон: — Ну, а как встретили вас на нашей стороне?

— В основном хорошо, — ответил Виктор. — Вышли мы у деревни Александровки, на позиции Баварской дивизии. Из штаба батальона в штаб дивизии доставили нас быстро, — и, помявшись, как бы в нерешительности, Кедров сказал: — Вот только в гестапо, герр гауптман, с нами грубовато обошлись. Сутки в камере держали, допрашивали все время, спать не давали.

— И даже не покормили ни разу, — возмущенно добавил Бакланов.

— Не обижайтесь, друзья: другое ведомство, другие порядки, — улыбнулся Энгельгардт. — Бывает хуже. Но теперь вы у себя дома, господа. Сегодня отдыхайте, а завтра с утра напишите все подробно — как выполняли задания, как возвращались, что видели и запомнили, где переходили фронт, — день за днем, час за часом. Чтобы не мешать друг другу, писать будете в разных комнатах. А потом мы прочитаем ваши отчеты и оценим их. Всякая бухгалтерия любит порядок, наша несколько не хуже других, — пошутил капитан.

Два дня Кедров и Бакланов не видели друг друга — каждый излагал на бумаге подробности рейса в советский тыл. Откровенно говоря, Виктор волновался за товарища, за его память, выдержку. Ведь в докладах не должно быть ни малейшего расхождения. Но недаром они так старательно отработывали свою легенду в советской контрразведке. Бакланов ничего не напутал, ничего не забыл и уверенно следовал легенде.

Абверовцы тщательно сверяли написанные Кедровым и Баклановым доклады, старались найти в них неточности, противоречия, задавали массу коварных, сбивающих с толку вопросов. Но собранность и внимательность советских разведчиков ни разу не изменили им, не дали повода для подозрений. На этом проверка, однако, не закончилась: к ним подсылались провокаторы, а разговоры их подслушивались.

Однажды в комнату к ним зашел Покровский, оживленный и улыбающийся, крепко пожал обоим руки:

— Поздравляю вас, господа, с выполнением задания. Вас ожидает награда.

— Рады, что оправдали ваше доверие! — весело ответили разведчики.

— Это событие предложено отметить за небольшим дружеским застольем, — продолжал Покровский. — Преподаватели школы гордятся своими питомцами!

— Разве мы против? — засмеялся Бакланов.

Когда они вошли в банкетный зал, сидевшие за столом встретили их аплодисментами. Застолье было необычным для них: множество бутылок и почти никакой закуски. За столом — Покровский, Бунгеллер, Рунге, Штейнер. Все пили стаканами, хвалили диверсантов, восхищались их смелостью и задавали массу вопросов о советском тыле. Приходилось и тут давать обстоятельные ответы. Застолье длилось долго. Изрядно опьяневший Штейнер поднялся, чтобы выйти во двор, но по ошибке открыл дверь в соседнюю комнату. Правда, он тут же захлопнул ее, но Виктор краем глаза успел заметить немца-стенографиста, который сидел за небольшим столиком.

Дня через два, перед обедом, все курсанты были построены во дворе школы, и капитан Энгельгардт тор-

жественно огласил приказ командующего танковой армией: за успешное выполнение задания в советском тылу Виктор Рязанов и Григорий Бакланов награждались «Восточной бронзовою медалью с мечами». Такой же медалью награждался и курсант Александр Дроздов за выполнение особого задания в городе Краматорске.

Всем троим Покровский тут же прикрепил к лацканам мундиров медали на зеленой ленте и каждому надел на руку хорошие швейцарские часы. Затем лейтенант Бунгеллер вручил каждому еще по две тысячи оккупационных марок.

Награжденные стояли вытянувшись перед строем и слушали речь Энгельгардта. Лица стоявших в строю курсантов выражали любопытство, смешанное с нескрываемой завистью. Но не укрылась от взгляда Виктора и короткая презрительная усмешка, тронувшая губы одного из новеньких. Виктор этого курсанта еще не знал, но постарался запомнить его. Плечистый, с волнистыми волосами. Прищуренные светлые и холодные глаза. Встретившись взглядом с Виктором, он отвернулся.

На другой день Кедров и Бакланов купили у спекулянтов за изрядную цену в тысячу двести марок серебряный портсигар с золотой монограммой и преподнесли самому опасному для них человеку начальнику школы Покровскому. Он принял подарок, небрежно положил его на стол, но было видно, какими алчными огоньками загорелись его глаза.

А через неделю оба они приказом гауптмана были назначены помощниками инструкторов: Бакланов — к Штейнеру, специалисту стрелкового дела, Кедров — к подрывнику Енекке. Отныне они становились доверенными агентами абверовцев, в их обязанности входило не только практические занятия с курсантами, но и наблюдение за ними, выяснение их прошлого, изучение их образа мыслей, настроения — короче говоря, определение степени их надежности.

Через две недели после того, как Кедров и Бакла-

нов возвратились в абвергруппу, должна была состояться первая их встреча со связником. В условленный день, в последнюю субботу месяца, Кедров попросил у Покровского разрешения сходить в парикмахерскую, а заодно купить на базаре фруктов.

Прежде чем завернуть к базару, Виктор убедился, что за ним нет слежки. Он медленно прохаживался вдоль навесов и лотков с фруктами, придирчиво рылся в них. Связником должна была быть пожилая торговка фруктами. Много было на базаре торговков, но приметы не сходились, и Кедров уже начал нервничать, когда его остановил напевный зазывной крик, донесшийся из глубины навеса, мимо которого он проходил. Старая женщина сидела перед двумя большими кучами яблок и груш и, перебирая их, высоким приятным голосом напевала:

— Це не яблоки и груши, дорогиньки мои, а мед и сахар, поспешайте куповаты, а то припозднитесь!

Некоторое время Виктор вглядывался в торговку, еще не веря глазам своим, но уже чувствуя радостное волнение в груди. Женщина была в черной юбке и кофте, голова ее была повязана пестрой косынкой, а на открытой морщинистой шее висел на красном шнурке старинный серебряный крестик с синими камешками — все сходило!

Женщина тоже смотрела на Кедрова и, держа на весу перед собой большие желтые груши, настойчиво предлагала:

— Куповай, хлопец, на марку две штуки, не пожалей для пуза! Война идет, хлопец, не ты для грошей, а гроши для тебе!

— Ничего себе, дешево, — сказал, улыбаясь, Кедров и начал рыться в куче. Улучив момент, тихо спросил:

— А вы, тетя, случаем не из Макеевки будете?

— Нет, родом я из Полтавы, сынок, — тоже тихо ответила женщина на вопрос-пароль Кедрова и улыбнулась ободряюще, как улыбаются друзья, встретившись в трудной и непривычной обстановке.

— Послезавтра от пяти до шести вечера в аптеку на Кузнецкой придет другой. Шея забинтована, на мундире такая же медаль, рослый,—шепотом сказал Кедров. Женщина чуть заметно кивнула, и Виктор, расплачиваясь, уже громко посетовал:

— Дорого ты, мамаша, дерешь, дорого! Разбогатеть решила на солдатских грошах? Наверно, и поросят держишь,—и, не оглядываясь, бережно поддерживая большой пакет с фруктами, пошел с базара.

Он никогда больше не видел эту старую украинку, но навсегда запомнил доброе морщинистое лицо. А через день Бакланов передал ей в аптеке их первую почту—тугой маленький катышек из папиросной бумаги. А потом в условленное время появились другие связники и уносили за линию фронта новые данные. Но откуда появлялись они и куда потом исчезали, они не говорили, а Кедров никогда их об этом не спрашивал. Он уже знал, что разведчику полагается знать ровно столько, сколько необходимо для выполнения задания.

Но не всегда связникам удавалось приходиться в установленные сроки, бывали и задержки, порою длительные. Ведь линия фронта не стояла на месте, меняла свою дислокацию и абвергруппа. Иногда через двое-трое суток. Не всегда Кедров и Бакланов успевали оповещать связных о предстоящем передвижении. А бывало и так, что связной погибал, не дойдя до места встречи. И вот в этих случаях Кедрову и Бакланову приходилось самим налаживать связь. Ни постоянных явок, ни адресов конспиративных квартир не было дано, да и какой в них прок, если сегодня Кедров и Бакланов не знали, где, в каком городке или селе они окажутся завтра. На случай потери связи им оставалось одно: восстанавливать ее на свой страх и риск через местных жителей. Так их проинструктировали в советской контрразведке.

— Мы будем знать,—сказали им,—любой человек, явившийся в нашу контрразведку с паролем «Вам привет из Севастополя», будь то абверовский диверсант или местный житель,—это ваш связник. Но прежде, чем довериться человеку, установите его истинное лицо, еще и еще раз взвесьте все «за» и «против»...

Не так просто найти такого человека. А еще того труднее расположить к себе кого-нибудь из местных жителей, ведь на Кедрове и Бакланове была немецкая форма. Да еще с новенькими, сверкающими на солнце медалями. Предатели, да еще заслуженные — вот кто они были в глазах всех местных жителей. Как хотелось Кедрову подойти к какому-нибудь старичку, бросившему на него презрительный, брезгливый взгляд, и сказать:

— Ведь я свой, отец, такой же, как и ты, советский человек!

Но он не мог этого сделать, не имел права.

В большом шахтерском поселке под Кривым Рогом, когда прошли уже все допустимые сроки появления связника, Кедров решился на одностороннюю связь.

Абвергруппа дислоцировалась здесь довольно длительное время, почти весь сентябрь. Диверсионная школа, как обычно, разместилась на самой окраине поселка в здании бывшей начальной школы. При школе был фруктовый сад. Ветви яблонь и груш сгибались под тяжестью плодов. В свободное время курсанты усаживались группами под деревьями и, лениво жуя сочные сладкие фрукты, играли в карты. Иногда потихоньку распивали шнапс.

В дальнем углу школьного двора, за садовым участком, стояла небольшая хата-мазанка, в которой жили две старые женщины, бывшие учительницы. Одна из них была тяжело больна и не вставала с постели, другая ухаживала за нею и мыла в диверсионной школе полы. Вечерами она копалась на своем маленьком участке, срезала цветы, сгребала в кучу сухую ботву, развешивала для просушки связки лука.

Кедров разгуливал по школьному саду, иногда подходил к меже, разделявшей пришкольный сад и участок учительниц, и пытался завязать со старой женщиной разговор. Однако учительница — Кедров уже знал, что зовут

ее Анной Петровной Нагибиной,—отвечала на вопросы односложно, торопилась уйти в хату и, уходя, плотно прикрывала за собой дверь.

Однажды, выйдя в сад после сильного дождя, Кедров увидел Анну Петровну с лопатой в руке: возле хаты стояла лужа, и старая учительница рыла канавку, чтобы отвести воду. На ней был большой, с чужих плеч, солдатский ватник, а на голове старомодная шляпка.

— Давайте, Анна Петровна, я вам помогу! — сказал Виктор и, подойдя к учительнице, взялся рукой за черенок лопаты.

Взглянув на него поверх очков и не выпуская из рук лопаты, старая женщина сдержанно ответила:

— Благодарю вас, не нужно.

Но Кедров все-таки завладел лопатой. Некоторое время он молча работал, а когда вода из лужи с журчанием побежала по канавке к плетню, он выпрямился и, широко улыбаясь, сказал:

— Вот и все. Теперь будет сухо.

— Спасибо, молодой человек,— Анна Петровна поправила очки и посмотрела на Кедрова так, словно бы только что увидела.— Не пойму одного: что это вам вздумалось помогать мне? Вам что-нибудь нужно от меня?

— Не знаю даже, как вам сказать, Анна Петровна,— словно бы в смущении замялся Кедров.— Я понимаю, что этого не может быть, но... Видите ли, перед войной я окончил среднюю школу в Омске, и была у нас учительница по литературе. Тоже Анна Петровна и вы с ней похожи, как две капли воды...

Анна Петровна недоуменно пожала плечами:

— В Омске я никогда не была. Возможно, случайное сходство...— и вдруг с горечью проговорила: — Интересно, что бы подумала ваша учительница, если бы ей пришлось увидеть вас в этой форме?

— Она, наверное, не торопилась бы меня осуждать,— быстро ответил Виктор.— Возможно, подумала бы: если же ученик надел эту форму, значит, так нужно.

Большие серые, когда-то, должно быть, очень красивые глаза старой учительницы смотрели на него выжидаательно.

— Я слушаю,— тихо сказала она, стараясь подавить охватившее ее волнение.

Некоторое время Кедров молчал, потом быстрым шепотом заговорил:

— На этой неделе немецкие части уйдут. Они отступают. Уйду с ними и я. Но я оставляю у вас небольшой пакет. Передайте его... Кому именно, я скажу позднее...

— Как это все неожиданно,— прошептала старая учительница.— Но я даже не знаю вашего имени...

— Меня зовут Виктором.

— Я все поняла, Виктор,— ответила Нагибина.— Не беспокойтесь, я это сделаю,— ее большие серые глаза были полны слез.

А Кедрову хотелось смеяться — редко выпадали на его долю минуты, когда на душе было вот так легко и радостно, как сейчас.

К этому времени у него накопилось уже довольно много материала, который необходимо было срочно передать в центр.

Буквально на днях, когда он шел утром в столовую, на него едва не налетел курсант Крюков, бежавший куда-то с небольшим желтым мешком в руках.

— Что с тобой, Леша? Чуть с ног не сбил,— спросил его Кедров.

Тот доверительно сообщил:

— На вырубку ночью идем!..

— Да ну?!..— удивленно протянул Кедров.

Он поддерживал с этим бывшим советским лейтенантом, который пользовался расположением Покровского, дружеские отношения и нередко угощал его шнапсом.

— Ты что, старшим?

— Да, назначили. Придется покомандовать этими лопухами деревенскими, Прокошиным и Киселевым,— и

Крюков с досадой махнул рукой: — Тупицы. Каждый шаг им надо подсказывать.

— Такие-то надежней,— успокоил его Кедров и как бы от нечего делать поинтересовался: — В мешке-то что у тебя? Сухарей, что ли, в дорогу насытил?

— Хмель,— засмеялся Крюков,— на складе получил. Торговать на базаре будем. Из мешка хмеля сделаю мешок денег — и все мои,— подмигнул он.— Вернусь — выпьем от пуза. Ну, бывай, Рязанов, ждут меня,— и побежал дальше, держа на весу, видимо, очень легкий мешок.

Перебежчик из рядов Красной Армии, Крюков был по своей натуре бесшабашным авантюристом, а двое других — бывшие кулаки, уже пожилые, довольно мрачного характера люди.

— Хмель... — размышлял Кедров.— Если это для маскировки и Крюков действительно будет торговать на рынке хмелем, то...

Яркий желтый мешок... В то время хмель на Украине был очень дорог, он использовался для варки самогона.

Крюков так никогда и не узнал, не мог даже подумать, что именно этот мимолетный разговор с Виктором Кедровым был причиной его провала. В переданном через Анну Петровну донесении Кедров сообщил о выброске «продавцов хмеля», и сотрудники советской контрразведки тщательно прочесали все рынки в прифронтовой полосе. На одном из них и обнаружили Крюкова, а затем и его сообщников. Мешок с хмелем служил ориентиром-паролем для членов другой диверсионной группы, заброшенной ранее в советский тыл.

Обе группы были задержаны чекистами и обезврежены. Так «Черный туман» лишился сразу шестерых агентов, а Кедров лишний раз убедился в том, что в работе разведчика не бывает мелочей.

Была в диверсионной школе женская группа (фрау-энгруппе). Ее небольшой состав, обычно из трех-четырех девушек, периодически, хотя и не часто, менялся: девушки готовились для внедрения в советские воинские штабы в качестве связисток и машинисток. Подготовка их требовала времени.

За весь период пребывания Кедрова в абвергруппе там было подготовлено и заброшено в советский тыл три женские группы. И лишь три растленные девицы, которые готовы были служить гитлеровцам за их подачки, пытались выполнить задание. Шесть девушек явились с повинной в советские органы безопасности.

Все девушки находились под неусыпным наблюдением своей начальницы некоей Ванды Кайранской, любовницы Покровского, особы жестокой, бдительной и всецело преданной фашистам. Большинство девушек было завербовано в школу с помощью обмана: им предстояла отправка в Германию, а Покровский предложил службу в немецкой хозяйственной части. Девушки согласились. Ну а затем всем им дали понять, что, если кто откажется выполнить задания, живыми отсюда не уйдут.

С одной из них, бывшей спортсменкой, дочерью шахтера Надей Зотовой Кедров осторожно разговорился, вызвал на откровенность и, убедившись, что девушка очень страдает из-за своей ошибки, подсказал ей выход из положения. Зотова последовала его совету и сумела убедить других девушек явиться с повинной в советские органы.

Позднее Кедров встречал Надежду Зотову в советском тылу. Эта отважная девушка успешно выполняла задания советского командования на оккупированной немцами территории.

Капитан Энгельгардт и его помощники были неистощимы на выдумки. Но, несмотря на все ухищрения и меры предосторожности, их агенты, как правило, попадали в руки советской контрразведки. Даже в тех случаях, когда диверсанты забрасывались за сотню километров от цели и к месту диверсии добирались со стороны советского тыла. Позднее, в связи с быстрым перемещением линии фронта на запад, абверовцы стали про-

сто оставлять свою агентуру на освобожденной территории под видом местных жителей, инвалидов, эвакуированных.

Для Кедрова и Бакланова наступили трудные дни. Где именно оставались, куда направлялись эти агенты, знали только трое в абвергруппе — Энгельгардт, Бунгеллер и Покровский.

Но будучи помощниками инструкторов, Кедров и Бакланов крутились среди преподавательского состава и часто им приходилось слышать такое, о чем не говорилось в присутствии рядовых курсантов. Сопоставляя отдельные разговоры, фразы, намеки, повышенное внимание инструкторов и преподавателей к отдельным лицам, они довольно безошибочно определяли, кто из курсантов готовится к очередной заброске в советский тыл.

В диверсионной школе была и небольшая группа подростков, взятых из детского дома на оккупированной территории. Кедрову сначала было не совсем ясно, с какой целью их здесь готовили. С ними занимался сам Бунгеллер и еще два опытных инструктора. Ребятам многое позволяли, даже баловали. Им разрешали пить шнапс, курить, выдавали карманные деньги.

Как-то один из этих подростков, чернявый симпатичный мальчишка по имени Игорь, попросил Кедрова ненадолго, «на часик всего», одолжить ему свой красивый десантный нож с серебряной рукояткой в виде медведя — подарок Волкореза.

— Зачем тебе нож? — спросил заинтересованный Виктор.— Это же не игрушка.

— Надо, Виктор Александрович,— продолжал Игорь.— Неужели вам жалко?

— Если надо, так скажи — зачем,— строго оборвал его Виктор,— а так просто дать не могу.

Игорь помялся.

— А господину Францу (Бунгеллеру) вы не скажете?

— Нет,— пообещал Кедров,— не скажу, если ничего дурного не замышляешь.

— Ну, ладно,— решил, наконец, Игорь.— На задание нас скоро отправят. Так мы с ребятами задумали сфотографироваться на память. А то ведь все может случиться, правда? — мальчишка поднял на Кедрова раскосые черные глаза, в глубине которых затаился страх.

— Правда,— ответил Виктор.— А где вы хотите сфотографироваться? Разве вам неизвестно, что это запрещено?

— Известно,— вздохнул Игорь.— А все-таки решили... Тут на базаре есть павильон. Вот в нем. Только хотелось бы с оружием, солидной и красивой будет,— добавил он, поглядев на нож Кедрова.

— Ну, ладно,— подумав, сказал тот.— Дам тебе нож, так и быть. Только с одним условием: если узнает о вашей выдумке господин Франц, ножа я тебе не давал, а взял ты его у меня из комнаты сам, без разрешения. Понял?

— Понял, Виктор Александрович. Не думайте, не подведу я вас,— улыбнулся мальчик, пряча нож под свой мундирчик.

— А задание-то какое? — словно бы невзначай спросил Виктор.

Игорь мотнул головой:

— Говорили, что взрывчатку кусками черными делают. Как уголь. Ее надо подбросить в тендеры паровозов на станциях,— и вдруг спохватился, виновато поглядел на Кедрова: — Нас ведь предупредили, чтобы ни слова об этом, а я...

— Вот и молчи,— сурово прервал его Кедров.— А то ведь тебя за болтовню крепко наказать могут. Да не бойся, никому я жаловаться не буду. Но запомни: язык надо держать за зубами!

На следующий день Бакланов выяснил, что фотограф живет в том же доме, где находится фотография. Ночью, за несколько часов до эвакуации абвергруппы из этого шахтерского поселка, советские разведчики явились к фотографу, представились агентами гестапо и реквизи- ровали все негативы, на которых были запечатлены лица

в немецкой форме. В ту же ночь коробка с негативами была передана Анне Петровне Нагибиной и вскоре попала в руки советских контрразведчиков. Все подростки-диверсанты по фотографиям были найдены в довольно короткий срок. Никто из ребят даже и не пытался выполнить задание, вся взрывчатка оказалась в целостности и сохранности.

Как-то, идя умыться, Виктор увидел длинную зеленую машину, резко притормозившую у крыльца штабного дома. Он узнал «оппель-адмирал» графа Штакельберга, шефа соседней абвергруппы. Этот капитан-аристократ часто навещал своего друга Энгельгардта. Они когда-то учились в Берлинском университете, и их лично знал шеф абвера адмирал Канарис.

Обычно вежливый и приветливый со всеми, Штакельберг на этот раз имел необычайно озабоченный вид. Сильно хлопнув дверцей машины, ни на кого не глядя, не отвечая на приветствия курсантов, быстро взбежал на крыльцо и скрылся в доме.

Из машины вышел его шофер Аркадий, по прозвищу Щербатый. Направился с ведром в руке к колодцу, возле которого умывался Виктор. Они были немного знакомы. Однажды Виктор даже подарил Аркадию зажигалку. Сейчас тот едва ответил на приветствие, молча набрал воды, вернулся к машине и начал мыть своего «адмирала».

«Что-то у них стряслось»,— подумал Виктор.

— Вас с графом не узнать,— бросил он, проходя мимо,— никогда не видел графа таким незежливим.

— Тут собакой станешь, не то что невежей,— про бурчал Аркадий.— ЧП у нас.

Виктор приостановился:

— Да ну?

Оглядевшись, Щербатый тихо сказал:

— Натворили наши мальчики веселых дел. Эти, как их... Зимин и Елагин. На выборку шли. Прямо в самолете, перед прыжком, застрелил сопровождающих, а уж потом прыгнули... Теперь жди строгостей, многих перешерстят. Связи у графа, конечно, большие, но и его ведь могут на фронт турнуть. А мне это совсем ни к чему, хозяйна менять...

— Да, Аркаша, случай тяжелый,— посочувствовал Виктор и поспешил к себе, надо было предупредить Бакланова: осторожность никогда не помешает.

Через неделю Виктор узнал, что граф Штакельберг отделался легким испугом: помогли, очевидно, связи. Происшествие это, видимо, не получило широкой огласки, дело замаяли, а убитых унтер-офицеров похоронили без лишнего шума. Впоследствии Кедрову пришлось подтвердить этот факт в советской контрразведке: Зимин и Елагин, застрелившие немцев, благополучно приземлились и сразу явились с повинной.

После этого случая в абвергруппе усилилась слежка за личным составом, а некоторые курсанты вдруг куда-то исчезли.

Кедрову и Бакланову приходилось действовать с предельной осторожностью. Обычно ночью, когда все спали, Виктор анализировал и проверял свое поведение за прошедший день и обдумывал планы на следующий. Все свои поступки он рассматривал как бы со стороны, вспоминал разговоры, выражение лиц собеседников. В течение дня ему приходилось испытывать большое нервное напряжение. Он ни на минуту не забывал о том, что стоит хотя бы на короткое время расслабиться, забыть, что находишься среди врагов, и ты неминуемо превалишься. Не просто погибнешь, а в страшных мучениях, после допросов и пыток. Когда-то он думал, что у разведчика и здоровье, и нервы, и характер — все стальное. А теперь он знал, что разведчик, как любой смертный, может просто устать от постоянного нервного напряжения. И ему может изменить выдержка. Ведь все время надо притворяться, все время выглядеть врагом своего народа, смеяться, когда на душе скребут кошки, говорить то, что противно слышать самому.

Бессонными ночами Кедрову часто вспоминались

зимние бои под Москвой, когда их матросский батальон шел грудью на немецкие пулеметы и сминал врага. Вспоминались огненные дни Севастополя. «Где же было труднее? — спрашивал он себя, — там или здесь?» «Здесь, — отвечал он себе. — Здесь намного труднее».

Здесь каждый день тебя караулит неожиданность.

Однажды местный полицай, рослый длиннорукий дегтина, отталкивая прикладом двух женщин, прямо на улице рылся в их мешках. Женщины кричали, плакали.

— Ой, лышенько! — голосила одна, помоложе. — Дети дома голодные, а ты последнее забираешь.

Полицейский невозмутимо заталкивал за пазуху шматок сала. Кедров с Баклановым в это время возвращались из центра поселка в школу и еще издали обратили внимание на происходившую сцену.

— Дать ему промеж глаз? — Бакланов весь подобрался, готовый по первому знаку друга кинуться на полицая.

Но Кедров крепко ухватил его за локоть:

— Нельзя нам.

В этот момент из закоулка выбежал курсант со свертком под мышкой — должно быть, шел в баню.

— Видаль? — кивнул на него Кедров. — И свидетель тут как тут. В два счета улекнут за нападение на полицейского.

Друзья зашли за угол, чтобы не попадаться на глаза «своему» — пусть спокойно идет своей дорогой.

Но курсант вдруг круто развернулся и побегал прямо на полицейского. Оттолкнув его от мешков, ловко выхватил у него из-за пазухи сало, бросил женщинам и поднес к носу полицая кулак:

— Этого не хочешь?

На полицая, как видно, не произвела впечатления форма курсанта без знаков различия. Он отпрыгнул назад и направил на парня дуло винтовки:

— Ах, ты!..

Парень оказался проворным. От молниеносного удара в живот полицай согнулся пополам, тут же получил еще один удар в лицо коленом и рухнул на землю. Винтовка отлетела в сторону, курсант поднял ее и не спеша вынул обойму. Полицейский с трудом приподнялся, уселся в дорожной пыли и замычал что-то нечленораздельное. Женщины, подхватив свои мешки, убежали.

— Сволочь, — сказал курсант полицая. — Привык с бабами воевать да грабить их. Все не нажрешься? А винтовку знай на что наставлять, подлюга! Форму не узнал? Так вот за это поползай по травке, поищи патроны, они ведь тебе наверняка по счету выданы, — с этими словами он разбросал патроны в разные стороны и пошел дальше, так и не заметив стоявших поодаль Кедрова и Бакланова. Они помогли полицая подняться, вручили винтовку, и Кедров резким тоном проговорил:

— Мы видели, как ты напал на курсанта в немецкой форме. Ему пришлось защищаться, и мы готовы подтвердить это, если вздумаешь жаловаться. У тебя могут быть большие неприятности.

Затем продолжили свой путь.

Виктор сразу узнал курсанта. Тот самый новичок, который во время церемонии награждения медалями бросил в его сторону не слишком доброжелательный взгляд. Фамилия его была Денисов.

— Смелый парень, — скупно улыбаясь, сказал Григорий. — Надо бы поближе с ним познакомиться.

— Давай, действуй, — одобрительно кивнул Виктор. Решили, что в контакт с Денисовым вступит один Бакланов, а Кедров пока раскрываться не станет.

— Попробуй заглянуть ему в душу, но только не забывай, — предостерег Виктор своего друга, — не забывай, что может он оказаться провокатором. Он вспомнил «слесаря-подпольщика», которого по приказу Бунгеллера сопровождал в гестапо.

На следующий день новички занимались приемами рукопашного боя. Стройный, обнаженный по пояс, с отлично развитой мускулатурой, Денисов заметно выделялся среди остальных. Было видно, что приемы «самбо» ему

знакомы давно и владел он ими отлично. Все, кто бы ни выходил на единоборство с ним, через несколько минут оказывались на земле. Инструктор Беккер улыбался и, одобрительно похлопывая Денисова по спине, приговаривал:

— Наш Леонид — настоящий чемпион.

— Иду на сближение, — Бакланов подмигнул Виктору и вышел на площадку, на ходу снимая мундир. — Господин Беккер, вы не возражаете, если я поборюсь с чемпионом?

— Я не возражаю, — улыбаясь, ответил немец. — Но надо спросить самого Леонида.

Сузив глаза, Денисов внимательно смотрел на подходившего к нему Бакланова.

— Будешь бороться? — спросил Бакланов.

— Давай попробуем, — нехотя согласился тот, еще раз оглядывая более высокого противника.

— Тут ты, Леня, споткнешься! — загалдели курсанты.

С опущенными руками, чтобы раньше времени не выдать приема, противники медленно сближались. Вдруг Бакланов остановился, выбросил руки вперед, и в тот же миг Денисов стремительно кинулся на него. Но Григорий сделал обманное движение в сторону, и Денисов промахнулся. Мгновенно захватив противника сзади, Бакланов бросил его через голову. Тот упал набок, но тут же пружижино вскочил на ноги. Противники снова схватились. Загорелые тела блестели от пота, из-под ног клубами поднималась пыль. Как ни старался Денисов свалить Бакланова, это ему не удавалось. В ловкости он безусловно превосходил Бакланова, но намного уступал ему в силе.

Григорию снова удалось сделать захват, но на этот раз он не бросил Денисова, а внезапно перехватил поперек тела и железной хваткой прижал к бокам его руки.

И так, с прижатыми руками, он поднял его вверх. Курсанты восхищенно ахнули. А Бакланов, подержав противника некоторое время, вдруг поставил его на ноги и отступил в сторону. Денисов с минуту стоял, глядя на Бакланова и вытирая струившийся по лицу грязный пот. Затем с нескрываемой завистью и не без иронии сказал:

— Тебе по-хорошему где-нибудь вместо подъемного крана работать.

— Может и так, — добродушно ответил Григорий.

Денисов молча начал одеваться.

Инструктор Беккер щедро одарил обоих сигаретами, предложил подать друг другу руки и назидательно сказал Денисову:

— Обижаться на Гришу не надо, его ведь только медведь может побороть, да и то не сразу, — и, довольный своей шуткой, засмеялся вместе с курсантами.

С тех пор Кедров часто видел их вместе, Бакланова с Денисовым, и внимательно следил за развитием отношений между ними.

— Недоверчивый он и очень осторожный, — рассказывал Григорий в один из первых вечеров. — О себе помалкивает, все сам норовит расспрашивать да слушать. Интересовался, между прочим, были ли после того взрыва в советском тылу человеческие жертвы.

— И что же ты ответил? — спросил Виктор.

— А вот то и ответил, — нахмурился Григорий. — Ничего, мол, нам неизвестно. Он скривился весь. Вижу — не верит. Ну, я ему и рассказал, что мне в плену пришлось пережить. Намекнул, что случайно видел, как он полizza уму-разуму учил. Оттаял маленько...

— Из Москвы он, учился в политехническом институте, спортом занимался, — через пару дней рассказывал Бакланов Кедрову. — Все это наверняка так и было. Но вот когда он мне сказал, что был сержантом в пехоте, тут я усомнился. Врет он. На летчика или танкиста он больше смахивает.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Кедров. — Собранный, четкий парень. А как он здесь-то оказался, говорил он об этом?

Бакланов покачал головой:

— Как-то туманно. Будто бы военная дисциплина и организованность немцев ему понравились. Поучиться,

мол, уму-разуму захотелось. Темнит, конечно. Вот что я думаю, Виктор: помнишь, как мы с тобой друг друга щупали и как ты все же решился рискнуть? Теперь моя очередь. Мне кажется, Денисов на предательство не пойдет. А?

Долго взвешивали друзья все «за» и «против». В конце концов решили: надо идти на контакт.

Через два вечера, когда Бакланов подошел к Кедрову, его смуглое скуластое лицо светилось улыбкой. Он не спеша закурил и тихо сказал:

— Все в порядке, Витя! Наш парень. Танкист. Слушай, подробности любопытные. Два боевых ордена. В весеннем наступлении под Харьковом подожгли у него машину. На вербовку пошел сознательно. Как и ты.

— Твоей работой в деталях не интересовался? — спросил Кедров.

— Нет.

— Помни, что ты один с ним в контакте. Ты один отвечаешь за все его действия. Меня он должен знать только как доверенного абверовского агента.

— Я это всегда помню, — кивнул Бакланов.

Леонид Денисов обладал хорошей зрительной памятью, был наблюдателен и энергичен, он быстро и точно выполнял все поручения, которые ему давал Бакланов.

...В эти же дни немецкими армейскими частями были схвачены в прифронтовой полосе две советские разведчицы, девушки-радистки. Они были переданы в абвер-группу капитану Энгельгардту и тот попытался перевербовать радисток, заставить их работать на абвер. Обе они были помещены в женскую группу диверсионной школы и отданы под наблюдение Ванды Кайранской. У одной из них — ее звали Верой — при задержании была перебита разрывной пулей рука, ей сделали операцию, наложили гипс, обещали вылечить.

Обе девушки держались твердо и не соглашались на двойную игру. Кедров об этом стало известно от Ванды Кайранской. А первый раз он увидел их в столовой за завтраком. Среднего роста, одетые в темные старенькие платья, они сидели за отдельным столиком вместе со своей надзирательницей.

Та, что была немного постарше, с тяжелыми золотистыми косами, держала на широкой повязке забинтованную руку, ее светлые глаза смотрели с тоской. Другая, тоненькая шатенка, с короткой прической, сидела, не поднимая глаз.

На другой день он спросил Кайранскую:

— Ванда, а почему твои новые кошечки такие скучные?

Повернув к нему красивое хищное лицо, та вполголоса ответила:

— Твари неблагодарные. И операцию раненой удачно сделали, и гауптман с ними так терпелив. Сколько ни уговариваю — эти стервы как воды в рот набрала. Молчат, и все. Надоели они мне вот так, — Ванда прорывала ладонью по горлу. — Скоро он вернется, последний раз поговорит с ними, а там...

Кедров подумал, что такой расчетливый человек, каким был гауптман Энгельгардт, не захочет так быстро ликвидировать советских разведчиц. Гауптман упорен, самолюбив и очень редко отступает от задуманного.

Кедров решил предпринять попытку связаться с девушками и убедить их согласиться на предложение абверовцев. Надо было подсказать им, что такое согласие ни к чему не обязывает, что это не измена, а необходимый тактический ход в их положении.

Но Энгельгардт неожиданно передал советских разведчиц головорезам из карательной группы и приказал их расстрелять. Виктора потрясла их гибель. Он строго судил себя, считал, что обязан был спасти девушек любой ценой, и болезненно остро переживал собственное бессилие.

...Уйдя в дальний конец сада, он прилег на траву в тень старого развесистого дуба и попытался вспомнить и восстановить в памяти события последних дней. Какое-то неясное предчувствие тревоги неотступно преследо-

вало Виктора с тех пор, как он узнал о гибели разведчиц. Сначала он думал, что это последствие нервного потрясения, которое ему пришлось испытать, но ощущение опасности не проходило, а все усиливалось. Интуитивно он чувствовал какую-то угрозу, но не мог понять, откуда она исходит.

Он смотрел на широкую зеленую крону и темный ствол старого дерева. По его корявой коре быстро сновали крупные рыжие муравьи. Они деловито бегали вверх и вниз по изломам и трещинам коры и, наверное, выполняли какие-то свои очень важные обязанности. Под легким ветерком шелестела листва старого дуба, и сквозь густую крону пробивались солнечные лучи.

Погруженный в свои мысли, Виктор смотрел на трещины и причудливые изломы коры старого дерева, заполненные вереницами муравьев, и вдруг ему показалось, что эта кора смутно напоминает ему человеческое лицо.

«Ну вот, только еще галлюцинаций не хватало»,— подумал он с досадой и тут вспомнил: темное лицо писаря Лазарева покрыто такими же глубокими морщинами и складками!

Он вспомнил обращенные в его сторону узкие заплывшие глаза, темные и злые. В тот тяжелый вечер они смотрели на него с удивлением и холодной ненавистью.

Да, в тот момент у Виктора, как видно, сдали нервы, и это заметил враг. Но теперь он по крайней мере знал, откуда исходит угроза.

В тот вечер он забыл про ужин, и когда пришел в столовую, там никого из курсантов уже не было. Лишь за одним из столов сидел повар Христофор, толстый осетин с пышными усами, его земляк Амиров, высокий сутулый брюнет, командир отделения карательной группы, и писарь Лазарев. Амиров что-то рассказывал, а повар и писарь громко хохотали. Особенно резал уши тонкий визгливый смех Лазарева.

— А, это ты! — недовольно встретил Кедрова Христофор и погладил усы. — Думаешь, я и ночью варю и жарю?

Следуя своему правилу ни с кем не ссориться и не обострять отношений, Виктор небрежно махнул рукой:

— Могу и не ужинать, фигура будет тоньше. А то зондерфюрер говорит, что полнеть начинаю. Не беспокойся, кацо! — и, лихо повернувшись, Виктор уже шагнул было к выходу, но Христофор остановил его:

— Ай, какой быстрый! Ай, какой горячий! Шутки не понимаешь, — и подойдя, дружески ухватил за рукав: — Брось, дорогой, садись с нами, все найдется! Слушай, чего Муса рассказывает, он сегодня именинник — ром и марки заработал.

Только теперь Виктор заметил, что все они уже изрядно пьяны. Амиров из плоской широкой бутылки налил в стаканы густой зеленоватой жидкости и придвинул один стакан Виктору:

— Говорят, ты смелый. Не пили еще с тобой. Давай сейчас выпьем.

— Давай, — сказал Виктор. — Только здесь, сам знаешь, все смелые.

— Нет, — упрямо тряхнул головой Амиров. — Многие только делают вид, что смелые. А ты уже доказал это.

— Ладно, пусть будет так, — Виктор чокнулся с ним. — А над чем вы гогочете-то?

Писарь захихикал, а Христофор, ставя на стол жареную колбасу, пояснил:

— С советскими девками Муса занимался. Устал, бедный. Расскажи ему, Муса, как они тебя замучили.

На какой-то миг у Виктора перехватило дыхание, он мгновенно понял, что случилось непоправимое, что он опоздал. Но сознание еще отказывалось верить и с какой-то долей надежды в душе он вопросительно повернулся к Амирову. Тот с благодушным видом принял — видимо, не в первый уже раз — излагать подробности:

— Понимаешь, друг, вызвал сегодня гауптман и приказал списать этих двух девок. Ну, разрешил, конечно, позабавиться с ними, как нам хочется. Отвезли мы их

к шахте, раздели... Ух, царапались как! А у одной рука была в гипсе...

Девушки были еще живы, когда их сбросили в ствол старой заброшенной шахты...

Невероятным усилием воли Виктор подавил в себе желание разрядить пистолет в гогочущие рожки своих «собеседников». Опустив глаза, он тыкал вилкой в тарелку, набивал рот, чтобы только не разговаривать. Перед глазами мелькали какие-то круги. И тут он почувствовал на себе внимательный, пыливый взгляд писаря Лазарева. Понимая, что плохо владеет собой и может совершить непоправимую ошибку, он встал, покачиваясь и гремя стулом. Он нашел еще в себе силы громко рассмеяться, хлопнуть одобрительно Амирова по плечу, сказать завистливо:

— Везет же некоторым, — и не спеша вышел из столовой.

Завернув за угол, Виктор почувствовал слабость. Прислонился к стене, не в силах совладать с дрожью в руках и коленях, а в голове билась одна мысль: «Опоздал, не успел.. Я обязан был спасти их, обязан... Как же так?»

Все это Кедров вспомнил сейчас очень отчетливо. Да, писарь опасен. Он явно что-то заподозрил.

Семен Лазарев принадлежал к старым сотрудникам абвергруппы. Сорокалетний человек, внешне ничем не примечательный, невидный, он один стоял многих опытных диверсантов. Лазарев собственноручно готовил все документы для диверсионных групп, забрасываемых в советский тыл. Обычно такие документы — паспорта, разного рода удостоверения и справки — готовили специалисты абвера по особым заявкам. На одно лишь оформление заявок уходило много времени. Лазарев справлялся с такой работой не хуже классных специалистов, а главное — выполнял ее быстро. Он мог подделывать любой почерк, скопировать любую подпись. Ему ничего не стоило вырезать гербовую печать. Кроме того, как бывший полковник писарь Красной Армии, он хорошо знал образцы воинских документов и систему их оформления.

Подозрительный и недоверчивый, он ни с кем не дружил, курсанты его не любили, побаивались и поговаривали между собой, что он «капает» Энгельгардту на каждого. Алкоголик с многолетним стажем, он страдал сердечными приступами и астмой. Немцы оберегали его, запрещали ему употреблять спиртное, но Лазарев разными путями доставал шнапс и пил.

Кедров решил проверить свои опасения. Вечером Гриша Бакланов, притворившись выпившим, завел с Лазаревым разговор о своей будущей выброске в советский тыл. Он уверял писаря, что теперь имеет опыт и все пытался выяснить, могут ли его после успешного выполнения нового задания наградить серебряной медалью. Лазарев рассеянно слушал, посмеивался, а затем неожиданно с ухмылкой сказал:

— А ты спроси об этом своего друга.

— Какого друга? — удивился Бакланов. — Когда у меня есть деньги, тут все мои друзья.

— Рязанов, — сказал писарь. — Только вот нервы у этого героя что-то стали слабовать, — тут Лазарев оборвал разговор и попросил Бакланова достать ему самогона или шнапса.

Посоветовавшись, друзья приняли рискованное, но необходимое в их положении решение — уничтожить Лазарева.

Самый естественный и относительно безопасный способ расправиться с этим выродком — подсунуть ему самогон, настоенный на крепкой махорке. Сердце старого пьяницы может не выдержать такой нагрузки. Все зависит от того, сколько выпьет Лазарев. Пришлось Виктору однажды этой дряни хлебнуть — целый день мучился.

Передать писарю адскую настойку Бакланов поручил Денисову.

Лазарев обычно пил в одиночестве, после рабочего дня. И это было очень на руку нашим друзьям.

— Выпьет все до капли, — высказал уверенно Де-

нисов. — Я ведь ему еще жареного цыпленка купил. ...У пьяного человека сон тяжелый, глубокий, он даже не спит, а погружается в небытие. Напрасно на следующее утро стучался к писарю дежурный унтер. Оporожнив две бутылки, Лазарев так и не проснулся.

Не было проведено вскрытия умершего, не было и расследования причин смерти. Абверовцам было в эти дни не до того: советские войска начали наступление, и группа «Черный туман» срочно меняла свое месторасположение. Врачебное заключение гласило: «Алкогольное отравление. Смерть наступила от паралича сердца вследствие приема чрезмерной дозы спиртного».

Яростно, по-немецки и по-русски, ругал покойника капитан Энгельгардт. Он был крайне раздосадован неожиданной потерей нужного ему человека. В эти дни, судя по всему, намечалась выброска очередной группы диверсантов и надо было срочно готовить документы. Теперь всю документацию приходилось запрашивать по инстанциям.

Стоя у грузовика с телом Лазарева, Энгельгардт раздраженно постукивал своим стэком по крышке гроба. Виктор подошел, вежливо поздоровался и выразил сожаление:

— Нелепый конец.

— Да, да,— рассеянно взглянул на него Энгельгардт.— Все вы пьете самогон и прочее дерьмо и не думаете о последствиях.

— Идет война, герр гауптман,— почтительно сказал Виктор.— Каждый знает, что в любую минуту может погибнуть. Как тут думать о здоровье? Но лично я предпочел бы другую смерть.

— Выпить иногда и не мешает, а порой даже необходимо для психической разрядки,— строго глядя на Виктора и погрозив ему пальцем, наставительно произнес капитан.— Но только иногда!

А Кедров думал: «Судя по всему, капитан ничего не подозревает. Покойник не успел накапать на меня».

ГЛАВА 6

«Взрыв последует через восемь минут...»

Вскоре Кедрову пришлось расстаться с Баклановым. Уже долгое время Григорий недомогал, мучил его жестокий фурункулез — следствие лагерных невзгод. Фурункулы появлялись периодически, высыпали целыми сериями и доставляли могучему парню множество неприятностей. Порой он с трудом мог передвигаться.

Узнав об этом, Покровский и Бунгеллер решили отправить Бакланова на лечение в немецкий армейский госпиталь. Там ему должны были сделать переливание крови. Предполагалось, что лечение будет длиться около месяца.

Кедрову пришлось срочно входить в контакт с Денисовым. Сомнений в его надежности у Виктора уже не оставалось, но вспыльчивость, и невыдержанность Денисова вызывали некоторые опасения.

Однажды вечером, незадолго до отбоя, Кедров подошел к Леониду, когда тот одиноко сидел на скамейке у ворот и курил, глядя на закат. Кедров присел рядом и тоже закурил. Денисов неприязненно покосился на него, но остался сидеть.

— Красивый закат,— вздохнул Кедров.— Здесь какой-то он особенный: голая степь. У нас под Омском тоже степи, но в перелесках.

Денисов молчал.

Тогда Кедров произнес условленный пароль:

— В Подмосковье, я слышал, леса очень густые, особенно к северу. И грибов полно.

Денисов вздрогнул, повернулся к Кедрову, какое-то время внимательно смотрел ему в глаза, потом тихо-отчетливо ответил:

— Леса там разные, и хвойные, и лиственные, а грибы больше белые, — и скупое улыбнулся, с интересом продолжая рассматривать Кедрова.

— Слушай внимательно, Леня, и вопросов пока не задавай,— тихо сказал Виктор.— С сегодняшнего дня ты действуешь со мной. Любое мое задание — это боевой приказ. Самостоятельно ничего не предпринимай. Теперь скажи: фамилия твоя настоящая?

— Настоящая, менять не захотел,— вздохнул Леонид.

— Родные есть?

— В Москве мать с сестренкой живут.

— Дашь потом адрес. Может, будет возможность известить их.

— Неужели возможно?

— Думаю, что да,— твердо сказал Виктор.

— Ну, Витя,— растроганно прошептал Денисов,— да я горы сворочу!

— Гор тут нет,— улыбнулся Виктор,— а вот дров постарайся больше не ломать. Если бы тогда полицейский, которого ты учил уму-разуму,— помнишь? — оказался поумнее да поумнее, он дал бы делу ход, и загремел бы ты, друг, как миленький. Чувствами своими надо владеть, тут всякое бывает,— и, увидев, что к ним направляется инструктор Беккер, Виктор примолк.

Кедров не забывал своего «земляка» Волкореза и время от времени навещался к нему в гости. После того, как Виктор вернулся из советского тыла и был награжден немецкой медалью, Волкорез стал встречать его еще радужнее и частенько в состоянии подпития выбалтывал довольно ценные для советской контрразведки сведения. Так, однажды он рассказал о готовящейся карательной операции, в которой главную роль должны были сыграть его «орлы».

У Волкореза Виктор нередко встречал его закадычного дружка Александра Дроздова, того самого курсанта, который был награжден медалью — одновременно с Кедровым и Баклановым — за выполнение «особого задания» в Краматорске.

Однажды Волкореза куда-то срочно вызвали и он оставил их вдвоем в низенькой полутемной хате за столом, уставленном бутылками и разной снедью. И Виктор из первых рук — от самого Дроздова — узнал, что это было за «особое задание».

В Краматорске начала активно действовать подпольная группа. За сравнительно короткий срок было совершено несколько крупных диверсий, регулярно разбирались листовки со сводками Совинформбюро. Однажды ночью в машину армейского подполковника была брошена граната. Подполковник и один из сопровождающих его офицеров были убиты. Агенты городского гестапо сбились с ног, но выйти на след подпольщиков им никак не удавалось.

Тогда за дело взялся Энгельгардт.

По той безрассудной смелости, с которой совершали подпольщики свои диверсионные акты, шеф абвергруппы предположил, что это наверняка ребята комсомольского возраста. Поэтому для внедрения в группу и был выбран двадцатидвухлетний Александр Дроздов, парень с ничем не примечательной внешностью, имеющий опыт такого рода работы. Несколько дней и ночей он терпеливо вел наблюдение на улицах города. И однажды рано утром выследил одну молоденькую девушку, расклеивавшую листовки. В нужный момент помощники Дроздова подняли шум. Дроздов побежал вместе с девушкой, помог ей скрыться от «патруля». Затем они вместе расклеили оставшиеся листовки. Дроздов назвался девушке бывшим военнопленным, работающим на немецком военном аэродроме (на нем была соответствующая форма).

Девушка поверила ему и через несколько дней познакомилась со своими товарищами. Подпольщиков, как и рассчитывали абверовцы, интересовал военный аэродром и они были рады воспользоваться помощью новичка. Дроздов был принят в подпольную комсомольскую организацию, которая состояла всего из шестерых парней и двух девушек.

Руководила группой Мария Чернова, так она назвала себя на допросе. Молодые патриоты не имели связи с партийным подпольем, не было у них и опыта конспиративной работы. Это их и погубило.

Когда группа собралась на очередное созвращение в своем штабе, в глубоком подвале, где находились приемник, пишущая машинка и склад оружия, сюда нагрянули каратели. Во время схватки погибли двое.

Оставшиеся в живых были подвергнуты жестоким пыткам.

Дроздов присутствовал на всех допросах.

Присутствовал он и во время расстрела, которым командовал Волкорез. С тех пор и пошла их дружба.

Как-то после занятий с группой новичков Виктор остался в учебном классе. Неожиданно открылась дверь, и своей неслышной походкой вошел Покровский. Он как-то странно хохлился и с озабоченным видом разглядывал перед собой пол. Лишь бегло взглянув на Виктора, он молча остановился у окна. Виктор вскошил на ноги и, вытянувшись, ждал, что последует дальше.

Покровский нашел что-то для себя любопытное за окном и теперь смотрел туда, на улицу, тихо барабанил по стеклу пальцами. Вдруг он резко повернулся к Виктору:

— Прут большевики, прут, сволочи! Техники у них много появилось, своей и американской,— он затейливо выругался, подошел к карте Украины и некоторое время молча ее рассматривал. Виктор чувствовал сильный запах спиртного и настрожился: такое редко бывало, чтоб Покровский пил в часы занятий. Значит, случилось что-то из ряда вон выходящее...

— Вот что, Рязанов,— не отводя глаз от карты, начал Покровский.— Есть серьезная новость. Слушай меня внимательно. Штаб армии поставил перед нами ответственную задачу: любой ценой взорвать вот здесь железнодорожный мост,— Покровский ткнул пальцем в то место на карте, где должен был находиться мост.— Не может его разбомбить авиация. Три «юнкерса» сбьют, а толку пока нет никакого, слишком много у большевиков зенитных установок, да и истребителей хзатает... Разведотдел армии располагает данными, что через мост непрерывно идут эшелоны с техникой и людскими резервами. Видимо, готовится крупное наступление. Понял? Так вот, мы должны срочно послать туда группу. Четырех человек. Возглавить операцию придется тебе. Если задание выполните, будете обеспечены на всю жизнь вот так,— Покровский провел рукой по горлу и впервые взглянул в глаза Виктору.

Тот молчал.

— Впрочем, можешь отказаться. Думаешь, но недолго: я могу ждать только три минуты,— закурил пахучую сигару, Покровский снова отвернулся к окну и легонько забарабанил пальцами.

Виктор смотрел в спину своего начальника и думал о том, что, если он согласится возглавить группу, то обратно пути ему сюда уже не будет: вряд ли немцы поверят его новой легенде, как бы правдоподобно ни объясняла она исчезновение некоторых членов группы (кого-то непременно придется обезвредить), а главное — стопроцентное невыполнение задания (мост не должен быть ни взорван, ни поврежден). Отказаться от руководства группой он тоже не мог: во-первых, абверовцы не простят ему малодушия, а во-вторых, группу все равно пошлют, и возглавит ее кто-то другой — может быть, даже Дроздов. Кто знает, сумеет ли Виктор своевременно предупредить центр об этой диверсии... Надо соглашаться, решил Виктор, но особого рвения тоже не следует показывать.

Глядя Покровскому в затылок, Виктор почтительно спросил:

— Можно с вами откровенно, Владимир Алексеевич?

— Конечно,— быстро обернулся тот и, пыхнув сигарой, посмотрел на Виктора сквозь сизые клубы дыма.

— Задание, что и говорить, не из легких,— медленно заговорил Виктор.— Ведь мост охраняется не только с воздуха, но и на земле, все подходы к нему наверняка перекрыты...

— А к мосту подходить не придется,— сказал Покровский.— Все продумано, не беспокойся. Мешки со взрывчаткой надо выбросить из поезда прямо на мост. Взрыв последует через восемь минут после включения взрывателя. За эти восемь минут поезд проскочит мост, и вы успеете уйти, воспользовавшись паникой. Трудность в другом: как проникнуть в воинский эшелон. Сделать это придется на ближайшей от моста станции. Лучше всего ночью.— Покровский снова закурил сигару.

— Владимир Алексеевич,— улыбнулся Виктор,— но это же меняет дело!

Покровский усмехнулся:

— Значит, такой вариант тебя устраивает?

— Во всяком случае, он выполним,— немного помедлив, сказал Виктор и тут же нахально спросил: — А какая будет награда?

Хлопнув Виктора по плечу, Покровский громко засмеялся:

— Ты малый не промах! Награду намерен объявить сам гауптман. Но так и быть скажу. Во-первых, звание унтер-офицера. Во-вторых, серебряная медаль. А деньги на этот раз будут в рейхсмарках. И, кроме того, месяц отдыха в санатории в Карпатах. Устраивает?

— Вполне,— кивнул Виктор.

— Поскольку ты назначаешься старшим, давай свои предложения: кого ты хотел бы взять с собой? Ты должен хорошо знать этих людей.

Говоря это, Покровский опять отвернулся к окну.

Виктор не спеша, как бы взвешивая достоинства каждого, стал называть кандидатуры:

— Пожалуй, подойдет Дроздов. По-моему, он парень достаточно смелый и, главное, с большим практическим опытом. На такого можно положиться.

— Не возражаю,— кивнул Покровский,— но последнее слово скажет гауптман.

— Затем... Ну, вот хоть Денисов — в настоящем деле пока еще не был, но силен и ловок, к тому же весельчак, в воинский эшелон в компании с ним проще будет попасть,— неторопливо рассуждал Кедров.

— Да, это тоже имеет значение,— согласился Покровский.— Ну что ж, пусть идет. А четвертый?

— Даниленко пойдет,— назвал Кедров курсанта, о котором ходили слухи, что у себя дома он выдал гапстаповцам семью секретаря райкома партии — жену и троих детей, которые скрывались в деревне у родственников.— Старательный, исполнительный, такие тоже нужны.

— Ну, хорошо,— заключил Покровский,— я передам гауптману твои рекомендации. И еще одно: времени у вас в обрез, выброска завтра ночью,— и ободряюще улыбнулся: — Ничего, все будет в порядке!

Оставшись один, Кедров задумался. Что-то не нравилось ему в поведении Покровского, что-то настаивало. «Почему он все время отводил взгляд? Почему так нервничает?»

Виктор попытался сосредоточить мысли на главном. На самой диверсии. Гарантирует ли тот план, в который его посвятил Покровский, стопроцентный успех задуманной диверсии? В чем слабые места этого плана? Конечно, не так просто проникнуть в воинский эшелон, проходящий через мост стратегического назначения. Но это все-таки возможно. Солдаты жалостливы, не откажут в просьбе фронтовикам, следующим из госпиталя. Теперь другое. Мешки со взрывчаткой. Сбросить их с поезда на ходу тоже не особенно сложно, тем более ночью. Но за восемь минут охрана моста может их заметить и

свырнуть в воду, подальше от моста. Значит, в этом случае диверсия сорвется, а немцам надо взорвать мост во что бы то ни стало. Нет, восемь минут для полной гарантии — что-то слишком уж много... — и вот мелькнула догадка: взрыв должен последовать не через восемь минут, а раньше! Через сколько? Этого Виктор не мог сказать. Скорее всего, через одну-две минуты после включения часового механизма. Чтобы эшелон только-только прошел через мост и часовые еще не успели сделать обход... Но зачем давать поезду время сойти с моста? Здравый смысл подсказывает, что лучше всего, проще всего, вернее всего взорвать мост вместе с воинским эшелоном! Вот почему Покровский отводил глаза! Он знал, что разговаривает со смертником.

Весь следующий день четверо диверсантов под руководством Покровского, Рунге и Енекке отработывали детали предстоящей диверсии. И тут Кедров узнал новую подробность: после приземления в советском тылу диверсанты должны разделиться на две группы, и каждая группа будет действовать самостоятельно.

— Это необходимо для полной гарантии успеха, — сказал Кедрову Покровский.

Еще одна неожиданность! Значит, старшим в группе он будет только до момента приземления. И как бы теперь не упустить Дроздова и Даниленко, не дать им уйти сразу после приземления.

С любопытством диверсанты рассматривали контейнеры со взрывчаткой. В своих металлических овальных футлярах эти контейнеры напоминали небольшие баулы и свободно помещались в солдатском вещмешке. Обложенные продуктами и различными мелкими вещами, они не вызывали подозрения. На боковой стороне каждого контейнера, под колпачком, находился переключатель часового механизма.

— Вам достаточно будет вот так повернуть переключатель по ходу часовой стрелки, — объяснил Енекке, — и через восемь минут последует взрыв. Какие-либо неточности или ошибки в аппарате исключены: фирма, изготавливавшая часовые механизмы, находится под особым покровительством рейхсфюрера.

В левом верхнем углу контейнера виднелись два белых рунических знака, две составные части свастики — эмблема СС. Там же, под клеймом, стояла цифра 8 и надпись «Ахт минутен». «Все разыграно как по нотам», — подумал Кедров.

При пересечении линии фронта «юнкерс» нащупали советские прожекторные установки. В кабине стало светло, как днем, совсем близко рвались зенитные снаряды, осколки стучали по фюзеляжу. Машину то и дело встряхивало, светящиеся ленты трассирующих пуль порой проходили так близко от борта, что Кедров и его спутники невольно отшатывались от иллюминаторов. Лишь Денисов держался с невозмутимым спокойствием. Но вот разрывы остались позади — пилоту удалось вырваться из смертельных лучей, и самолет стал круто набирать высоту. В ушах заломило. Стало очень холодно.

Шел второй час полета. Вот вспыхнула над кабиной пилота зеленая лампочка — сигнал готовности. Все, как в тот, первый, раз.

Махнув рукой сопровождавшему их инструктору, Виктор прыгнул в темную сырую мглу. Резкий рывок, и он плавно закачался на стропе. Ночь была холодная, ветреная, моросил мелкий дождь.

Виктор быстро шел к земле. «Много груза в рюкзаке», — мелькнула мысль. Только бы не сломать ноги.

И вдруг он увидел внизу светлые блестящие пятна. Вода! Еще не легче: сесть на воду тяжело нагруженному парашютисту равносильно гибели. Захватив стропы обеими руками, Виктор начал лавировать куполом, но его неудержимо несло к предательски блестящему большому светлому пятну. Еще несколько мгновений, и, обреза стропы, Виктор шумно, с плеском погрузился в воду.

Но тут ему неожиданно повезло: он попал на мелкое место, вода не доходила до плеч. Парашют распластался на воде. Быстро освободившись от него и обрезав шнуры, которыми был привязан мешок со взрывчаткой, мокрый, в хлюпающих сапогах, Кедров выбрался на берег и подал сигнал сбора. Из разных мест донеслись крики ночных птиц — отозвались все трое. Первыми подошли Дроздов и Даниленко, за ними Денисов, тоже мокрый и грязный.

Теперь Кедров был спокоен: пока все шло по плану, который они с Денисовым продумали заранее.

Оба спокойно, не торопясь, переобулись и выжали одежду. Стрелки на светящихся циферблатах показывали три часа. Виктор приказал собрать в одно место мешки с взрывчаткой и парашюты. Дроздов настороженно оглядывался вокруг, шарил взглядом по кустам, темнеющим деревьям, чутко прислушивался. Кедров предложил ему уточнить место приземления. Тот развернул карту и, подсвечивая фонариком, склонился над ней.

В тот же миг Виктор сильным ударом по голове сбил его с ног и выхватил у него из кармана пистолет. Одновременно у него за спиной от удара Денисова рухнул на землю Даниленко. А дальше произошло непредвиденное. Кедров не оглушил Дроздова, удар пришелся вскользь, тот сразу сумел вскочить на ноги. В следующее мгновение Кедров увидел совсем близко искаженное злобой лицо врага и блеснувший в руке «вальтер».

«Запасной!» — мелькнула мысль. Отшатнувшись, Виктор успел толкнуть Дроздова в плечо. Почти в упор бухнул выстрел. Лицо обожгло пороховыми газами. Виктор мертвой хваткой заломил руку Дроздова и выбил у него пистолет. Но тут же получил сокрушительный удар по голове. Теряя сознание, успел подумать, что сейчас Дроздов прикончит его. Но придя в себя, увидел обоих врагов поверженными: Денисов молча вязал Дроздова парашютными стропами, а Даниленко лежал уже связанный.

Над озером стелился белесый туман, небо на востоке слабо светлело, начинался новый день, не похожий на прошедшие.

Только под утро удалось связаться со своими. Изменники Родины были доставлены в советские органы безопасности. Оба были расстреляны по приговору трибунала фронта.

Подтвердилась догадка Кедрова: советские специалисты-минеры установили, что часовые механизмы должны были сработать не через восемь минут после включения, а мгновенно.

После подробного доклада сотрудникам контрразведки Кедров был вызван к командующему фронтом. Генерала интересовала эсэсовская танковая дивизия, в расположении которой дислоцировалась абвергруппа «Черный туман», и Кедров сообщил все, что ему удалось узнать о состоянии ее материальной части, подвижных базах горючего и ремонтных тылах — там находилось много восстанавливаемых танков.

В абвергруппу Кедров больше не вернулся. Таково было решение командования — в связи с изменением военной обстановки. Да и диверсионная школа вскоре прекратила свое существование. В районе города Винницы она была преобразована в «партизанский» отряд. По замыслу Энгельгардта, после освобождения этого района советскими воинскими частями бывшие курсанты школы должны были под видом партизан влиться в ряды нашей действующей армии. Командовал лжепартизанами Покровский.

Кто знает, чем бы кончилась эта затея, если бы не Бакланов. Вернувшись после лечения обратно в диверсионную школу, он оставался там до конца и своевременно сообщал о «действиях» лжепартизан.

Все трое — Кедров, Бакланов и Денисов — были отмечены правительственными наградами. И День Победы они встретили вместе, а после войны каждый занялся своим мирным делом.

И когда через много лет люди, работающие с ними, неожиданно узнали, что их скромные пожилые сослуживцы в годы Великой Отечественной войны вели опасную игру в самом логове врага — немало удивились этому: в самом деле, кто бы мог подумать! Ведь они совсем обыкновенные — и Кедров, и Бакланов, и Денисов. Такие же, как все другие советские люди.

■ Нынче исполняется 275 лет уральской металлургии.

Было давно известно о богатствах Урала. В 1696 году Петр I повелел прислать с Урала на пробу образцы железной руды. Через полгода верхотурский воевода Д. Протасьев сообщил о результатах поисков: в горе над рекой Тагил найден железный камень-магнит, а по берегам реки Нейвы — железные руды.

Взятые образцы руды сначала испытали в Верхотурье, где выплавили около фунта железа и вместе с рудой отправили в столицу. Московские мастера-бронники Тимошка с товарищами 20 февраля 1697 года из присланного железа сделали два ружейных винта и сказали, что железо сходно или одинаково с тульским и лишь труднее к плавке шведского. Испытания образцов руды дали еще более благоприятные результаты. Тимошка заявил, что то железо одинаково со шведским и «во всякие оружейные стволы и замки годится».

Камень-магнит послали в Голландию, откуда получили ответ, что «железо в деле так презрительно, что отнюдь лучше того добротой и мягкостью быть невозможно».

Присланная из Верхотурья невьянская руда была отдана 5 марта 1697 года для испытания «тульскому железных заводов мастеру» Никите Антуфьеву. Он переплавил руду, получил два пуда железа, сделал из него две фузеи с ружейными замками и два копыя и писал: «железо самое доброе, не плоше шведского, а к оружейному делу лучше шведского».

11 сентября 1698 года Петр I издал указ, в котором предлагалось

ПЕРВЕНЦЫ

**Николай
МЕЗЕНИН**

строить на Урале заводы на основании советов местных знающих людей. В Верхотурье были направлены мастера с других заводов, которым надлежало еще раз осмотреть места будущих заводов.

По именному указу от 23 апреля 1699 года было «велено в Верхотурском уезде, по рекам Тагил и Невье, где сыскана железная руда, завести вновь железные заводы, а мастеровых людей взять с разных железных русских заводов по человеку или по два...»

16 февраля 1700 года на реке Каменке, на месте монастырских домниц, начали строить казенный чугуноплавильный завод. Строили его боярский сын Иван Астраханцев и присланный из Москвы плотинный мастер Ермолай Яковлев. За 20 месяцев построили плотину, доменную печь, молотовую фабрику с двумя горнами, кузницу. В конце 1701 года из первого чугуна здесь отлили первые орудия.

Строительство Невьянского завода началось в марте 1700 года, и через 20 месяцев домна дала первый чугун. Первое железо было выковано в январе 1702 года. Доменным мастером был Яков Фаддеев, а молотовыми Семен Петров и Аверкий Томасов. Железо было послано в Москву на пушечный двор и признано годным.

В 1702 году Каменский завод отлил 182 пушки, а в следующем году оба завода дали стране большое количество пушек, снарядов и припасов. Уральские первенцы металлургии, оправдав себя, дали толчок к дальнейшему развитию экономики края, к строительству новых заводов.

В апреле 1703 года с Уткинской пристани по реке Чусовой отпра-

вился первый караван с пушками, мортирами, железом производства Каменского завода. Уральские орудия участвовали в знаменитом сражении под Полтавой — к этому времени на Урале было изготовлено свыше 850 орудий и более 2700 пу- дов снарядов.

Целое столетие Каменский завод оставался основным поставщиком пушек и ядер для русской армии. Во время Отечественной войны 1812 года завод отлил свыше 1400 орудий.

Работные люди Каменского казенного завода эксплуатировались так же безжалостно, как и на частных заводах. Недаром во время Крестьянской войны под предводительством Пугачева каменцы не только радушно встретили восставших, но и оказали им помощь, изготовив для них немало оружия.

Каменский завод, как и другие уральские заводы, в XIX веке уж не был передовым — все оборудование устарело. После 1861 года завод стал выдавать чугуна намного меньше, чем столетие назад. В 1915 году, в разгар мировой войны, когда потребность в металле возросла, завод смог выплавить всего лишь 379 тысяч пудов чугуна. Во время гражданской войны Каменский завод еще выплавлял немного чугуна, изготовлял водопроводные трубы. Но, наконец, было принято решение вовсе остановить завод с примитивным и изношенным оборудованием. Старый Каменский завод прекратил свое долгое существование в апреле 1926 года.

Судьба старинного Невьянского завода была такой. Он всего лишь 2,5 месяца принадлежал казне и был отдан 4 марта 1702 года промышленнику из Тулы Никите Антуфье-

ву, или Демидову. Он построил на Урале ряд других заводов. И стали с тех пор Демидовы королями уральской металлургии. Вскоре Невьянский завод стал крупнейшим металлургическим предприятием России. На заводе действовала самая мощная в мире доменная печь. Именно здесь впервые в мире в 1747 году невянский мастер Григорий Махотин предложил двухфурменную систему подачи дутья в доменных печах.

К середине XIX века и Невьянский завод утратил свое былое значение. В начале XX века завод сменил свою специализацию. Основной его продукцией становятся чугунные водопроводные трубы.

Урал и сегодня край-богатырь, воплощение современной индустриальной мощи нашей Родины.

В десятой пятилетке на Урале получит дальнейшее развитие металлургия и другие отрасли тяжелой промышленности. Урал остается опорным краем державы. Начало этому положили металлургические заводы, основанные 275 лет назад.

класса Павел Григорьевич приучил своих питомцев к «дорожной жизни», воспитал на краеведческих походах. Здесь нет сильных и слабых, прилежных и лентяев; сорок человек в классе — и никто не отсиживается, и никого не «отстраняют». Все на колесах, все в пути. Потому что классный руководитель считает: историю края каждый ученик должен знать, исключения ни для кого не может быть.

В туристских походах ребята собрали материалы о пути одного из гвардейских авиаполков, создали музей славы. А о туристских навыках и о здоровье уж и говорить нечего. Давно все походные премудрости освоены. И здоровье в порядке!

Кем была бабушка Олеся? Была трактористкой, шофером первой в МТС легкой машины, потом начальником автоколонны, и снова водила трактор, уже после войны... Для наших дней ничего удивительного в этой женской судьбе. Но ведь годы-то были тогда тридцатые! Кое-кто считал трактор «антихристовым детищем», парней не всякие родители отпускали в трактористы — не то что девчат. А Олеся убежала из дома на курсы трактористов...

Вот о какой судьбе узнали юные следопыты Миргородской средней школы. Началось все с песни. Вернее, со стихотворения. Сочинил его украинский поэт Павло Тычина и назвал «Песня трактористки», а под заголовком была строчка: «Как Олеся Кулик убежала на курсы в 1930 году». В 1933 году приехал П. Тычина в Миргородскую МТС и за рулем машины увидел девушку. Удивился еще больше, когда узнал, что Олеся закончила курсы, работала тракторист-

кой. Тогда и пообещал ей написать песню, а потом прислал из Киева книгу с дарственной надписью.

Так Александра Федоровна Корчагина — Олеся Кулик и попала в песню.

«Малая космическая школа» есть в 39-й школе города Дзержинска. Каждый из пятнадцати отрядов носит имя «своего» космонавта. Есть и свои традиции: в день космонавтики начинать учебу в классах «Уроком Гагарина», к традиционным праздникам относится и 17 сентября — день рождения Циолковского, проводятся общешкольные праздники «Космос для мира».

В старших классах ребята защищают проекты космических кораблей, орбитальных станций, космодромов.

Выпускников «Малой космической школы» космонавты приглашали к себе, в Звездный городок.

Старинная казачья станица Раздорская... Краеведы местной школы создали здесь краеведческий музей. Предметы быта обитателей Донского края, старинное оружие — всего около пяти тысяч экспонатов — хранится в его залах. Есть экспозиция, рассказывающая о художнике В. И. Сурикове, который работал в станице Раздорской — здесь им написана великолепная картина «Покорение Сибири Ермаком». Все экспонаты найдены ребятами, взрослыми краеведами-любителями в окрестностях станицы или подарены старожилками.

Поиск материалов о журналистах, жителях города, ушедших на фронт в первые дни войны, начал детский клуб «Ракета» города Дзержинска Горьковской области. Судьбы некоторых из них стали известны ребятам. Ратные дела минометчика П. Д. Сидорова, политбойцов М. А. Расстригина, П. П. Намедниина, полнтрика К. В. Важаева, танкиста В. Г. Носкова и других журналистов, погибших на войне, теперь навсегда будут в памяти жителей города.

За последние пять лет в Российской Федерации создано около 30 000 школьных музеев. Их активисты не только собирают экспонаты и обрабатывают их: школьные музеи, выполняя основную задачу дня, включаются в учебно-воспитательный процесс, дают богатый материал к самым разным урокам.

Гостями Ленинградского профтехучилища № 113 были нынче школьники Волгограда. Коллеги по следопытской работе, учащиеся ПТУ и волгоградские школьники изучают боевую биографию 284-й стрелковой дивизии, стоявшей насмерть на Мамаевом кургане во время обороны Сталинграда.

Открылся краеведческий музей в школе села Иваново Янтиковского района Чувашской АССР. В нем — семнадцать разделов: дружбы народов СССР, героики, археологии, этнографии. Особый раздел посвящен выпускникам школы.

Министерство морского флота СССР присвоило новому океанскому теплоходу имя Вити Новицкого. Витя — новороссийский школьник, погибший во время войны. О нем рассказывал вице-адмирал Г. Холостяков, бывший командир военно-морской базы в Новороссийске: среди матросов, защищавших важный ру-

беж, был мальчик-пионер, погибший в неравной схватке с фашистами... Имя мальчика установил военно-патриотический клуб «Шхуна ровесников» в Новороссийске, ведущий следопытскую работу.

В бывшей Обуховской — ныне 337-й — школе Ленинграда осенью 1918 года заседал штаб питерских рабочих, решивших основать «Первую российскую коммуну землеробов». Каждый год юные следопыты школы проводят конференции. Тема нынешней конференции: «Ленин и питерские рабочие». На ней будут представлены материалы десятилетнего поиска, рассказывающие о том, как на Алтае была заложена первая коммуна.

Партизанский музей открыт в школе № 20 Ленинграда. На открытии музея присутствовали ветераны Волховской партизанской бригады, вместе с которыми ребята добывали материалы о боевых действиях народных мстителей.

Имя Анатолия Мерзлова известно всей стране. Подвигу комсомольца, погибшего в схватке с огнем, но спасшего хлебные поля, посвящают свою следопытскую работу школьники Михайловского интерната на Рязанщине. В школьном музее хранится комсомольский билет А. Мерзлова.

Бывшая Симбирская мужская гимназия, ныне Ульяновская средняя школа № 1 награждена высшей наградой Родины — орденом Ленина. Знаменитый Ленинский музей школы, который включает залы истории гимназии, интернациональной дружбы, подарков, класс-музей, картинную галерею и другие, посетил нынче 4-миллионный посетитель.

СКАЗЫ О ЖИГУЛЯХ

**Виктор
БАНЫКИН**

*Рисунки
А. Кирникова*

На моей родине Жигулевские горы издревле звали краем свободолюбивой вольницы. Со всей Руси подневольной тянулись к Жигулям отчаянные, непокорные люди. С горных неприступных утесов разлетались во все концы земли русской гневные призывы к непокорности. Наперерез тяжелым купеческим расшивам неслись по Волге быстрые, увертливые струги, и клич атамана вольницы: «Сарынь на кичку!» — приводил в ужас толстосумов. В легендарных Жигулях нет утеса или горного кряжа, о которых не были бы сложены сказка, предание или удаляя песня. «Сказы о Жигулях» написаны по сохранившимся в памяти легендам, услышанным от деда Игнатия и местных старожил — жителей деревень Самарской луки.

МОЛОДЕЦКИЙ КУРГАН И ДЕВЬЯ ГОРА

Старые люди сказывали, будто давным-давно это было.

Живал тогда в Жигулях удалой атаман по прозванию Семен Кольцо-Молодец с ватагой храброй. А прозвали атамана так за силу богатырскую, удаль молодецкую да кудри тугие.

Колечками-завитушками вились кудри на голове атамана. И уж, понятное дело, не одна красна девица по тем кудрям вздыхала, белыми рученьками во сне перебирала. Только не заглядывался атаман на красных девиц и ватажникам своим постоянно говаривал такие слова:

— Не дело, молодцы, нам женами-любушками обзаводиться. Крута наша дорога, не по ней с детьми малыми хаживать.

Об атамане том добрая слава в народе гуляла.

— Молод да безус Семен-атаман, а ума в нем палата, — сказывали старики. — Заступник наш. Последний кусок отдаст, не пожалеет.

Случится, скажем, в какой деревне пожар. Останутся семьи мужицкие без кола и двора. Что тут делать, как жить-быть? Насоветуют люди погорельцам:

— К атаману наведайтесь. Выручит из беды.

Пойдут мужики к Семену Молодцу. А он усадит мужиков вокруг себя, обо всем расспросит, а потом и подмогу окажет. Глядишь, выстроили погорельцы избушки новые, лошадемок опять завели — встали, словом, на ноги.

И беглым тоже поддержку оказывал атаман. А таких тогда немало было. Горько жилось подневольному люду. Терпит-терпит мужик притеснения боярские, да и сбежит. Ежели не поймают беглеца царские слуги, проберется в Жигулевские горы — его счастье.

Притеснителей да обидчиков народных строго наказывал атаман Семен Молодец. Никому спуску не давал. И ватажников своих в строгости держал.

— Наше дело о людях обездоленных думать, — говаривал атаман. — Им посылно помогать.

Купцы как огня боялись Молодца. Ну, а ежели какой купчина захнет шибко притеснять бурлаков, да разведает про то Молодец, говори — конец обидчику. Вздернет атаман купчину толстопузого на мачту, товары всякие промежду бурлаками поделит, а посудину подожжет и вниз по Волге-матушке пустит.

Царевы слуги стороной обходили Жигули. А бояре да управители ихние из окрестных с

Жигулями деревень в усадьбах своих за бревенчатыми заборами высокими отсиживались под охраной холопов. Скрипнет ночью ставень, и боярину страшно: не Семен ли Кольцо-Молодец с ватагой удальцов нагрнул?

Дошел как-то до Семена Молодца слух: будто в Усольских горах, за речкой Усой, объявился еще атаман. И будто ватажка у того атамана смелая, увертливая, хотя и малая. И нет от нее покою тамошним богатеям. А если верить слухам, атаман тот — девица ненаглядной красоты.

«Славно бы с тем атаманом силами соединиться да на крепость Печерскую нападение сделать и воеводу боярина Толстошеева усмирить, — думал Семен Молодец. — А то поедом ест воевода лютый своих подневольных. Да похваляется: «Не боюсь-де я атамана Сеньку, у меня стража сильная».

Совсем было надумал Молодец в горы Усольские съездить, атамана того проведать. Но как вспомнил, что люди сказывали: атаман усольский — девица, будто бы, и загордился.

«Не к лицу мне, парню, на поклон к девке ехать», — подумал Молодец и ждать стал, когда она сама к нему заявится.

А девица не пожелала первой кланяться. Не хочет-де атаман Семен Кольцо-Молодец в гости к ней пожаловать, его на то воля. Может не приезжать.

Долго ли бы еще упрямылись атаману, кто знает, только раз такой случай произошел. Привели к атаману Семену старика горбатого. Еле на ногах стоит старец: кожа да кости. И одежка на нем одна видимость — заплатка на заплате.

— Из крепости Печерской я, — сказал старик. — Спаси нас, атаман, от воеводы злодея... Ни за что ни про что засекал вчерась шестерых мужиков. А завтра опять собирается казнить ни в чем не повинных. Найди на воеводу управу!

И упал в ноги атаману. Семен встал, поднял старца, накинул на его плечи свой суконный кафтан и за стол усадил, угощать принялся.

А потом так сказал:

— Ложись-ка да отдохни с дороги. А я подумаю, что делать, как беде помочь.

Собрал атаман вечером свою ватагу, оглядел всех и спросил:

— Готовы ли, молодцы, за дело народное постоять?

— Готовы! — ответили ватажники.

— У всех ли ружья чищены, кистени при себе и кони поены-кормлены? — опять спросил Семен.

— У всех! — ответили ватажники.

Взгорячил тогда атаман коня своего доброго, крикнул:

— За мной, молодцы!

Ватажники за атаманом припустились.

У речки остановился атаман. Повелел большинству спешиться.

Взял с собой несколько ватажников и к берегу поспекал. А время летнее стояло, обмелела Уса, и ватажники вброд ее перешли.

Зарысили частелью по узенькой тропе, по сторонам поглядывают. По слухам, где-то тут находился стан атаманши — красной девицы. Когда к горе Грунин курган стали подходить, вышли на дорогу пятеро бородачей:

— Стой! Кто такие?

— К атаманше нас проведите, — сказал Семен.

Привели Молодца на поляну. А на поляне костер, и возле него на ковре девица красная.

Увидела Молодца, встала, поклонилась:

— Рада видеть дорогого гостя, атамана храброго. Присаживайтесь, угощать буду.

А Семен говорит:

— По делу я к тебе. Слыхала ты про воеводу лютого, обидчика народного...

— Про воеводу из крепости Печерской? — спрашивает девица. — Знаю. Сама из неволи от него бежала. Хотел воевода замуж меня за урода племянника насильно выдать.

Вздохнула девица, подняла на Семена печальные глаза.

— Замучил воевода батюшку и сестрицу мою любимую... Не расквиталась я с воеводой-благодетелем за его ко мне милость, а он новую удумал. Собирается поутру матушку плетью засечь... Размышляю, атаман, как мне воеводе отплатить, да ватажников у меня маловато.

Говорит Семен:

— Мои люди неподалеку.

— Мне тоже недолго своих созвать, — отвечает атаманша.

— Ну и созывай. Да в путь-дорогу. Чтобы врасплох захватить воеводу, — кивнул Семен и поглядел на девицу.

На белом лице щеки пламенем разгорелись, словно бы заря взошла.

Созвала атаманша ватажку свою, и тронулись они к речке Усе, где Семена Молодца поджидали его ребята удалые.

В полночь глухую окружили ватажники крепость Печерскую. Навалились на крепостные ворота, а они ни в какую не поддаются.

— Пустите-ка, я попробую, — сказал атаман и плечом надавил на ворота.

Затрещало дерево, сломались запоры железные, и настезь распахнулись тяжелые ворота. А в это время красна девица на коне своем вихрем понеслась в крепость, а за ней следом ватажники, кистенями размахивая.

Вскочил Семен на коня и прямо к хоромам воеводы помчался. А там уже жаркий бой разгорелся промежду стражей и ватажниками.

— А ну, молодцы, бей холуев! — закричал атаман и бросился в самую свалку.

Перебили ватажники крепостную стражу. Воеводу в спальне разыскали, под периной пуховой прятался. Из подземелья темного добрых людей выпустили. Это их собирався воевода лютый поутру казнить.

Среди узников была и матушка красной девицы. Только не сразу атаманша узнала свою матушку: старуха дряхлая перед ней стояла. Прижала атаманша к груди мать, целует, приговаривает:

— Матушка моя родная! Теперь я тебя с собой возьму, и никогда мы не расстанемся.

А у матери голова вдруг набок завалилась и ноги подсклились.

— Что с тобой, матушка? — вскричала атаманша. — Что с тобой, радость моя?

А матушка молчит, улыбается. Опустила атаманша мать на землю, постояла над ней, утерла горькую слезу. Потом повернулась к Семену Молодцу, сказала:

— Дозволь мне, атаман, с воеводой расквитаться. За батюшку с матушкой, за сестрицу любимую. И за всех людей, замученных злодеем-погубителем.

Кивнул Семен и отвернулся, кулаки пудовые сжал.

— Приведите-ка сюда воеводу на суд народный, — сказала красна девица ватажникам.

Вдруг бегут ватажники, кричат:

— Утопили мужики воеводу в бочке с горячей смолой. А хоромы боярские подожгли...

Оглянулась красна девица, а усадьбу воеводы огненные языки со всех сторон подхватывают. Махнула она белым платочком, распорядилась:

— Поджигайте, молодцы, всю крепость. Пусть пеплом поднимется осиное гнездо!

И показалась она Молодцу еще краше, еще ненаглядней.

С этого часа везде они были вместе, и все с обоюдного согласия делали — атаман с атаманшей. И жили дружно, как брат с сестрой.

Полюбил Семен Молодец красну девицу с того самого раза, когда увидел ее у Груниного кургана. Чувал атаман своим сердцем, что и девица любит его, да только об этом и словом они не заикнулись.

Пожаловались бояре и купцы царю: житья-де не стало от жигулевской вольницы. Рассердился царь и прислал против Семена Молодца и красной девицы войско. Живыми или мертвыми приказал доставить в Москву.

Молодец к молодцу, храбрец к храбrecу были ватажники у атамана и атаманши, да разве устоишь тут против целого войска? Осилили царевы слуги добрых удалцов, перебили всех.

А смертельно израненный атаман лежал в тальнике у берега Волги. В то потайное место еще днем по приказанию красной девицы отнесли верные ватажники своего лихого атамана.

ПЕРСТЕНЬ

В сумерках, когда пали на землю последние удалыцы, прокралась атаманша в потайное место. Перенесла она Семена Молодца на устругу легкую и поплыла к высокому обрывистому кургану.

Высился тот курган над Усой и Волгой как крепость неприступная. А рядом гора пологая, по ней только и можно было взобраться на скалистый курган.

Низовый ветер гнал по реке барашки кудрявые, и волны, того и гляди, захлестнут углое суденышко. Да красна девица ловкая была. Она не боялась бури и устругу свою наперерез волне держала.

Причалила атаманша к подножью горы, внесла на руках Молодца на самую вершину кургана, где ветер вольный гулял, и положила на голую скалу. Последние минуты жил Семен, борясь со смертью.

Присела девица возле атамана, провела ласково ладонью по кудрям его тугим, по лицу. А лицо Молодца испариной холодной покрылось. Заплакала девица горячими слезами и на грудь атамана голову уронила.

Очнулся Молодец от забытья смертного и говорит:

— Не плачь, моя лебедушка, жалко мне наше дело, жалко и тебя, касатку...

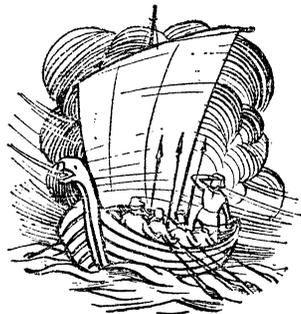
Сказал так и душу отдал. Всю ночь проплакала красна девица на груди милого, а когда стало светать, увидела она на Волге множество быстрых уструг с царевыми слугами. И все они плыли к высокому кургану.

Подняла красна девица холодное тело Молодца, подошла к самому краю обрыва и посмотрела вниз, на светлую да тихую Волгу.

— Прощай, Волга-матушка, прощайте, горы зеленые, прощайте, люди добрые и весь белый свет! — крикнула девушка и бросилась с крутого обрыва в реку глубокоую.

В это самое время гром по земле лютый прокатился, на Волге волны высокие вздыбились, и много уструг холопних потонуло. Перепугались царевы слуги да скорее к берегу поплыли, да скорее бежать из этих мест.

С тех пор, рассказывают, народ и прозвал курган Молодецким, а соседку его Девьей горой.

Жил в Морквашах парень — молодой да бодовый. Игошкой его звали. Высокий, плечистый, силушки неодолимой, а душу имел открытую, веселую.

Про Игошку сказывали, будто раз в горы он пошел и на медведя наткнулся. Встал медведь на задние лапы и хочет парня подмять. А у Игошки ничего в руках не было, дубинку и ту не успел выломать. Но не сплюшал Игошка.

— Не гневайся, — говорит, — Мишенька, на мою ласку!

И на медведя бросился.

Схватил его за лапы да как через себя бросит что есть силы. Шлепнулся медведь головой о землю, и дух из него вон.

Жил Игошка с дедом. После деда избушка в два оконца в наследство осталась. И трубка — старая, черная, с изгрызанным мундштуком.

Когда дед умирал, трубку эту Игошке отдал.

— Вот, — говорит, — Игоня, тебе все мое наследство. Коробов с богатством не оставляю, потому как не имел его. Всю жизнь долгую работал, а, видишь, богатства не накопил. Видно, правдой-то его не добудешь. Да и канитель с ним одна, с богатством. Оно и сухоту на человека наводит, и душу черствит. Одна маята!

Скончался дед, похоронил его Игошка и на Волгу в артель рыбацью подался.

В ту пору, почитай, от Новодевичья и до Царева кургана хозяйничал на Волге Чиркунов, купец морквашинский. Сказывали, будто в Жигулях Чиркунов в молодые лета босяком объявился. А потом, слышь, разбогател на темном деле. Ну, и раздул кадило.

Десятка полтора артелей на Чиркунова работало. Вся рыба, какая ни есть в Волге, за купцом оказывалась. Деньги бешеные наживал. А рыбакам, понятное дело, медяки платил. Знал, некуда людям податься. Везде бедному человеку притеснение от богатых. А жить-то, само собой, надо.

Игошка тоже в Чиркуновской артельке спину гнул. Такие молодцы купцу на руку были. Старается парень за троих, а получает, как все. Иной еще когда добавку по случаю праздника попросит, а Игошка сроду и словом о том не заикался.

— Иди-ка, парень, к приказчику. Попроси перед хозяином словцо замолвить. Чтобы, значит, отблагодарил тебя, — скажут когда рыбаки Игошке. — Если б не ты со своей силушкой, упустили бы ночью невод. Шторма-то какая враз поднялась!

Игошка ухмыльнется, рукой махнет.

— Зачем они, деньги? Мне и так бескручин-

но! — скажет. — Красно солнышко обогреет, черна ноченька приголубит, а песня-любушка душу взвеселит!

Расправит плечи широкие, поведет орлиным взглядом и песню раздольную заиграет.

А через какое-то время Игошку как подменили. Похудел молодец, веселость прежнюю потерял и людей зачал сторониться.

У купца-то Чиркунова дочка на выданье была. Русы косы до колен, мягкие, что лен. Станет чесать, а они будто россыпи золотые, так и переливаются. Глаза большие да синие. Взглянет в эти глаза добрый молодец — голова закружится. Пропадут у него сон и всякая охота на пищу, а на уме одно — как бы еще посмотреть на купеческую дочку.

Вот и весельчак Игошка не устоял.

Рыбаки смеются над Игошкой.

— Тебе ли, шальная голова, на купеческую дочку заглядываться? — говорят парню. — Чиркуновский порог богатые женихи околачивают, не тебе чета, да и то не по нраву приходится.

— Знаю, не пойдет она за меня, — вздыхает Игошка, — но ничего с сердцем поделать не могу.

На Троицу пошли девушки в лес на Красну поляну венки вить, весну провожать. За ними и парни потянулись. Игошка тоже засобирался в лес. Пришел на поляну, а там гулянье в самом разгаре. Девушки хоромы водят, парни пляшут, песни поют. А больше всех купеческая дочка резвится.

Привалился Игошка спиной к молодому дубку, скрестил на груди руки и стоит мрачнее тучи, глаз с красавицы не сводит.

Купеческой дочке смешно, что бедный парень так изводится, подходит к Игошке, говорит:

— Ты, черноглазый, замуж меня возьмешь?

Побледнел Игошка, губы дрожат, слова вымолвить не может.

— Что молчишь, аль язык проглотил? — спрашивает красавица, а сама ленты на груди одергивает, прихоращивается.

Кругом смех поднялся.

Шагнула красавица к парню, провела белой ручкой по его плечу.

— Если любишь, — говорит, — достань мне перстень, какие царицы носят. Тогда и сватов присылай.

Да так посмотрела на Игошку, что у молодца от ее взгляда душа перевернулась.

Замолчали все. Понять не могут: правду ли сказала купеческая дочка или посмеялась?

Пошел Игошка домой, голову повесил. За думами не заметил парень, как к самой околице подошел. А у околицы девушка гусей пасла. Говорит она парню:

— Пожалей себя, Игошка. Не надо печалиться, а то, неровен час, и голову потеряешь.

Оглянулся Игошка, лицо у девушки загорелое и все в веснушках, а глаза добрые и грустные.

— Откуда тебе знать, что у меня на сердце? — спрашивает Игошка.

Посмотрела девушка на парня, голову опустила.

— По дочке купеческой тоскуешь, а она над тобой смеется, не любит тебя... Красавица она, слов нет, все это видят. А что душа у нее злая и черная, как головешка, об этом никто не догадывается.

— Напрасно хулу возводишь, — говорит Игошка. — Не может такая пригожая злой быть.

— Как хочешь, можешь верить, можешь нет, — сказала девушка и отвернулась.

С этого дня совсем лишился рассудка парень. Дума покоя ему не давала: где перстень дорогой добыть?

«Может, и полюбит меня красавица, если я перстень желанный ей достану? — мечтал Игошка. — Да где его сыскать?»

И лето пришло, и пора горячая настала: самый лов. После ильинской прибыли дело было. Вода на спад пошла, а в это время рыба всегда шибко ловится. По пяти тоней за ночь вытаскивали.

К рассвету совсем умучаются рыбаки. Развезят на колыях невод для просушки и в талы. Повалятся на песок и спят как мертвые. Из пушки стреляй — глаз не откроют. А поутру придет приказчик:

— Вставайте, лежебоки! Хватит дрыхнуть. Порвали невод, а чинить кто за вас будет?

А если невод в исправности окажется — приказчик другую найдет работу. Одно слово — холуй.

Раз как-то после лова лежал Игошка у самого берега, в сторонке от других рыбаков, и на Волгу да Жигули смотрел. Стан-то артельный на песках был — насупротив Морквашей. Все спят, а Игошку и сон не берет. Купеческая дочка из головы не выходит. Недели уж две не заявлялся парень в деревне. Совсем истосковался по красавице.

Лежит это себе и видит — лодчонка вдоль берега плывет. Старик на веслах сидит. Поравнялась лодчонка с Игошкой, старик к берегу ее поворачивает.

Глядит Игошка — Пахомыч из лодки вылезает. Жил в Морквашах такой дед. Годов, должно, за девяносто ему перевалило, а он крепешенек себе. Слово его и время не берет.

Про Пахомыча в народе разные разговоры ходили. Кто намекал: старик с чертями знается, а кто другое. Пристукнул, дескать, Пахомыч в давние года купца богатого, тем и живет. А охотой да рыбалкой так, для одной видимости занимается. И еще такое говорили: будто случается, когда Пахомыч из беды да нужды иного

выручит. Но многие в это не верили. Откуда у старого таким деньгам взяться, чтобы других оделять!

Ну, подошел Пахомыч к Игошке. Картуз над лысой головой поднимает и говорит:

— Здорово живешь, Игнатий!

— Присаживайся, Пахомыч, покурим, — отвечает Игошка и вместе с кисетом трубку дедову из кармана достает.

— Дедов поминок? — спрашивает Пахомыч.

— Он самый.

— Работящий старик был. Бывало — сыт ли, голоден, а всегда веселый. — Курил, курил да на Игошку пронзительно поглядывал. Тому даже не по себе.

— Плохи, парень, дела? — спрашивает.

— Плохи, — отвечает Игошка.

— Не разлюбил купеческую дочку?

— Нет, больше прежнего она мне любя.

— А перстень достал? — спрашивает старик.

Ничего не ответил Игошка, уронил на руки голову, молчит.

— Так уж и быть — помогу твоей беде, — сказал Пахомыч. — Гору Два брата знаешь?.. В полночь под воскресенье будь на дороге к тому месту. Навстречу тебе конь вороной примчится. Если поймашь коня за серебряную уздечку, откроется тебе клад в горе. Бери, что душа пожелает. Там и перстень найдешь, какой тебе надо. Только смотри — ни слова про то.

И опять седые брови принакупил, на Игошку в упор поглядел. Достал из своего кисета щепоточку табаку и высыпал парню в его мешочек.

— Когда отправишься, — говорит, — иди смело. А чуть робость нападет — табачку моего покури.

Попрощался старик. Пахомыч в лодку еще не успел сесть, а парня уж сон сморил.

Под воскресенье отпросился Игошка у приказчика в Моркваша. Один рыбак из артели пересунул парня на лодке через Волгу.

Пошел Игошка в деревню избушку дедову проведать. А когда полночь настала, Игошка по дороге к горе Два брата вышагивал.

А вокруг темень да глушь. Сроду эдакой ночи не доводилось парню видеть.

«Ну и ночка! Ни живой души, будто все вокруг вымерло», — подивился про себя Игошка. И такой страх на него напал, что пот холодный на лбу выступил. Вспомнил он про наказ Пахомыча, достал кисет с трубкой, закурил. И вроде как полегчало на душе.

Вдруг слышит — топот. Скачет кто-то. Остановился парень, смотрит в темноту, ничего не видит, а сердце так и заходило в груди.

«Померещилось?» — подумал Игошка, а сам глаз с дороги не спускает.

Топот сильнее. И увидел Игошка: в розовом

облаке конь на него вихрем несется, земля под ним дрожит, из-под копыт искры летят.

Конь заметил Игошку и на дыбы свечой взвился. Не сдобровать бы молодцу, но вовремя он в сторону отскочил. Изловчился и схватил коня за уздечку.

Мигом присмирел конь, стоит как вкопанный. Вскочил на него Игошка, хлестнул шелковым поводом и помчался к горе.

Около того места, где гора отвесной стеной обрывалась к Волге, конь остановился. И только спрыгнул Игошка на землю, конь ударил передними копытами о каменную глыбу, и нет уж его. А в горе вход в пещеру открылся и свет из нее чародейный в глаза Игошке ударил.

Постоял молодец возле входа, пока глаза свыклись, потом в пещеру вошел.

Поглядел Игошка влево — бочка с золотом на цепях висит, поглядел вправо — бочка с серебром на цепях висит. Глянул парень прямо — на каменном полу ковер персидский разостлан. А на ковре — гора всяких драгоценных камней и свет от нее во все стороны, будто костер веселый полыхает.

«Вот это клад! — подивился Игошка. — Тут-то перстенок дорогой и надо искать».

Присел на ковер, запустил руку в драгоценности. А там чего только не было: и ожерелья дорогие, и алмазы по куриному яйцу, и кольца — одно другого краше. Долго рылся Игошка и выбрал самый наилучший перстень с большим камнем. Сверкал тот камень, будто солнышко.

Завернул Игошка перстень в холстяную тряпочку, спрятал за пазуху.

«Неужто, — думает, — не по душе придется красавице такой подарок?»

Подошел к выходу, оглянулся назад, чтобы в последний раз на клад богатый посмотреть, да и спрашивает себя: «Разве насыпать в карманы золота и драгоценностей всяких? Уж тогда богаче меня во всех Жигулях никого не будет!»

А золото и серебро так и сверкают в бочках, а камни-самоцветы так и горят, манят к себе.

«Да на что оно мне, богатство?» — думает Игошка. И вспомнились ему слова покойного деда: «Канитель с ним одна, с богатством...»

Махнул парень рукой, засмеялся: без золота, мол, проживу. И с легкой душой из пещеры вышел.

А как в Моркваша возвращался и что еще потом делал — ничего не помнил.

Очнулся Игошка дома на печке. Посмотрел в окно — на дворе вечер.

— Ну и поспал, — сказал Игошка. — И сон чудный видел: будто в горе Два брата клад мне открылся, и чего только там я не видел!

Дотронулся парень до груди и вздрогнул, как ужаленный. Под рубашкой сверточек плотный ущупал.

Развернул тряпочку, а перстень — вот он, так и засверкал рубиновым камнем. Вся изба пламенем малиновым осветилась, и на печке до того светло стало, что тараканы напугались и в щели попрятались.

Положил Игошка перстень в карман и стал на улицу собираться.

У церковного садика на бревнах девушки и парни сидели. На самом же видном месте купеческая дочка в новом сарафане. Подошел Игошка, поклонился. Говорит красавице:

— Исполнил твое желание. Подарок тебе принес.

Взглянула на него строго купеческая дочка: — Ну, покажи.

Вынул Игошка дивный перстень из кармана и на ладони красавице преподнес.

А она как схватится руками за глаза, словно обожгло их. Ногами затопала, закричала:

— Чего это ты принес, несуразный?

— Перстень, сударыня, — ответил Игошка. — Такой, какие царицы носят.

— Надень мне на палец, — сказала красавица и правую руку парню протянула, а левой все еще глаза прикрывает.

И только надел Игошка перстень купеческой дочке на палец, а ее, как бересту на огне, закрутило: задрожала она вся, лицо злое сделалось, морщинистое, рот ощерился и зубы из него клыкастые показались.

Все так и ахнули. И девушки в испуге в разные стороны разбежались.

— Ой! Ой! — истонным голосом завопила купеческая дочка. — Сними скорей кольцо, а то рука у меня отвалится.

Снял Игошка с ее руки перстень, и купеческая дочка снова красавицей стала.

— Нахвалился, парень, а зря, — засмеялась она. — Кольцо твое, верно, чугунное, руке от него даже больно.

Побледнел Игошка, ничего не сказал. Повернулся и пошел к Волге. И грустно ему стало.

Спустился он под берег, а уж совсем стемнело. Остановился у самой воды, бородку в раздумье теребит. И уж не мила стала Игошке красавица, и нисколько он об этом не тужит. Только себя жалко.

Вдруг слышит Игошка, будто кто-то плачет: тихо, жалобно. Оглянулся и видит — невдалеке на камне девушка сидит.

Подошел к ней парень, тронул за плечо, спрашивает:

— Чего ты тут одна сидишь, обидел тебя, что ли, кто?

— Жизнь меня обидела: сирота я, — отвечает девушка, — нет у меня ни кола, ни двора, ни милого суженого. По богатым хожу, поденную работу делаю.

Жалко стало Игошке бедную девушку, вынул он перстень и говорит ей:

— Возьми вот, может, пригодится.

Засверкал рубиновый камень, осветил лицо девушки. Узнал ее сразу Игошка: это она пасла гусей у околицы.

Надела девушка перстень на палец и стала краше самой писаной красавицы на свете.

— Какое хорошее колечко, — улыбнулась девушка и на Игошку ласково посмотрела.

У парня от этого взгляда так и забилося со-колом сердце. И на душе посветлело.

— Только ни к чему оно мне, — сказала девушка. — Дорогое оно, с ним ни стирать нельзя, ни полы мыть — испортишь. Подари-ка колечко невесте своей.

Сняла она с руки перстень и снова прежней стала. А для Игошки уж и нет краше и милее девушки.

Пожились они и зажили в любви да согласии. А перстень дорогой Игошкина жена в шкатулочку спрятала, он там и лежал, пока исправник про драгоценность не прослышал.

Сказал ему староста, что у Игошки штучка дорогая-предорогая есть, он и приехал в Морк-ваши. Кричит на Игошку:

— Показывай, мошенник-вор, какие ты вещи нагребил?

— Никого я не грабил, чужих вещей у меня нет.

Исправник свое:

— Обыскать избу.

В сундуке шкатулочку разыскали, открыли ее, а там перстень с рубиновым камнем.

Выпучил глаза исправник, слова молвить не может: никогда красоты такой не видел. Опять грозит Игошке:

— Кого ограбил, душегубец, сказывай! Сибирь по тебе, видать, давно плачет.

— На берегу Волги нашел, — сказал Игошка.

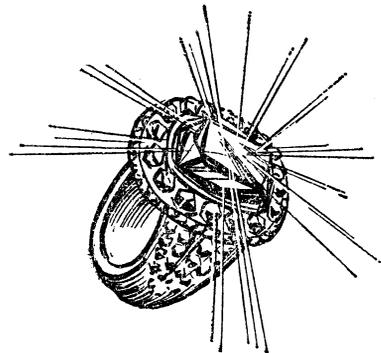
А про гору Два брата ни слова. Помнил, что говорил ему старик Пахомыч.

Покричал-покричал исправник, забрал перстень и уехал.

Плачет Игошкина жена, а он утешает:

— Мы и без него проживем. Господам — другое дело, они жадные, им все надо...

Да сказывали потом — не воспользовался исправник Игошкиным добром, пропал у него всл-шебный перстень.

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

**Борис
ВАЙСБЕРГ**

Везде сейчас пишут и говорят об автоматизации и механизации ручного труда. В Директивах XXV съезда КПСС этому посвящено немало слов. И не только пишется — многое делается: внедряются новые станки, автоматы, целые механизированные и автоматические линии. И получается, что профессия слесаря не имеет перспективы? Ведь слесарь — это человек, работающий преимущественно вручную. Стоит ли овладевать приемами ручного труда, если все будут делать машины и механизмы?

Все, да не все. Кто изготовит эти машины и механизмы? Их изготовят на других станках, скажете вы. И будете правы процентов на семьдесят пять. Но ведь кто-то же должен сделать и те станки! И тут, как ни крути, без слесаря не обойтись.

С другой стороны, безусловно, меняется сам характер его труда. Все, что можно механизировать в труде слесаря, — механизмуется. И в немалой степени.

Есть такая операция: запрессовка одной детали в другую. Допустим, оси шатуна в поршень мотора. Брал слесарь молоток и забивал ось в отверстие. При этом сила требовалась изрядная, и грохот стоял тоже порядочный, оглохнуть можно с непривычки. Додумались заменить ручной молоток механическим. Слесарь настраивал молоток и включал сжатый воздух. Силы требовалось меньше, а умения больше.

Потом вместо ударного механизма поставили гидравлический пресс. Совсем хорошие условия стали у слесаря — исчез оглушающий стук. Теперь от слесаря потребовалось очень тщательно измерять диаметры оси и отверстия: может разорвать поршень, если диаметры чуть-чуть не совпадают.

Но и это не все. Сейчас вообще никакого пресса у слесаря нет. Вместо пресса стоит... печка. Нагревательное устройство. Поршень кладут в печь, нагревают до определенной температуры. При этом отверстие расширяется. Слесарь свободно вставляет ось и оставляет поршень в покое. Остыв, металл поршня намертво зажимает ось. Никакой силы извне прилагать не требуется, все

делают так называемые силы внутренние, силы теплового расширения. Зато от слесаря теперь требуется знание основ металловедения, физики тепла: перегреешь — испортишь поршень, недогреешь — не вставишь ось.

Вот такие изменения происходят в профессии слесаря-сборщика. То же можно заметить и у самого обычного слесаря-универсала. Тиски у него не просто зажимаются винтом, а поджимаются гидравликой, а вместо напильника в руках у слесаря пневмо- или электромашинка с абразивной головкой. И еще: тиски не жестко крепятся к верстаку, как мясорубка к столу, а на шарнире. Такие тиски можно развернуть под любым углом.

Кстати, у вас дома мясорубка стала плохо проворачивать мясо. Сумеете ли вы сами подточить лезвие ножа? Вряд ли, это довольно тонкая слесарная работа. Сначала надо шлифовать лезвие на станке, затем довести брусочком и притереть к решетке.

Потек кран на кухне — надо звать слесаря-сантехника, потому что не каждый сумеет самостоятельно перекрыть воду, свернуть кран с трубы, намотать на резьбу пеняковую нитку, заменить в кране кожаное уплотнение клапана и снова навернуть кран на трубу.

Но вернемся на завод.

Что еще делает здесь слесарь? Настраивает станки, оборудование, автоматические линии. Ремонтирует электроизмерительные аппараты. Изготавливает инструмент, режущий и измерительный, а также приспособления.

Согласны теперь, что это удивительная профессия? Куда ни пойдешь, всюду ее найдешь. Когда говорят: мастер на все руки, — имеют в виду в первую очередь именно его, слесаря.

КОЛЫМСКОЕ ЗОЛОТО

Александр
ИВАНЧЕНКО

Рисунки
Л. Смирновой

В далекие доисторические времена, когда человек носил одежду из звериных шкур и все орудия делал из камня, был у него один особый камень-божество. Если его бросали в огонь, он не чернел, как другие, а делался ослепительно ярким. Тогда люди не знали, что этот редкий камень, который они одухотворяли,— самородный металл.

Самородное золото — первый идол человека.

От каменного века мир ушел вперед на тысячелетия. Люди разгадали многие тайны природы, узнали формулу золота, но как было оно идолом в доисторические времена, так и остается им по сей день. Теперь, правда, ему никто не поклоняется, как божееству, но еще многим оно туманит разум и толкает на самые безрассудные поступки.

В 1921 году Владимир Ильич Ленин по этому поводу писал:

«Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думаю, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым «справедливым» и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов в «великой освободительной» войне 1914—1918 годов... Пока же: беречь надо в РСФСР золото, продавать его по дорожке, покупать за него товары подешевле».

Разрушенная интервенцией и гражданской войной, наша страна приступала к созданию отечественной индустрии. У нас не хватало машин, оборудования... Все нужно было покупать за границей. Деньги молодого Советского государства большинство иностранных государств не признавало. В уплату принималась только звонкая монета — золото. Его у нас тоже не хватало. Царскую казну буржуазное Временное правительство разграбило и значительную часть золота вывезло в Англию, Францию, Японию и Америку. Старые золотые прииски Урала и Сибири давали гораздо меньше драгоценного металла, чем требовалось.

Центральный Комитет партии большевиков поставил перед геологами задачу: найти новую валютную базу...

Его все звали Бориской, хотя настоящее имя у него было Шафигулла, Шафигулла Гайфулин. Татарин, родился где-то под Казанью. В Охотск в 1914 году его занесла судьба бродяги. Дезертировал из армии и, скрываясь от властей, искал счастья на золотых приисках.

В охотской тайге золотая лихорадка в то время уже затухала, и счастье Бориску не баловало. Жил больше случайными заработками. Подался на новые прииски, в Ямск. Не пофартило и здесь. Золото плыло рекой, да все мимо. Ямские золотые прииски принадлежали дальневосточным купцам, и весь намытый металл нужно было сдавать им. Бориску такой оборот дела не устраивал. Он сам хотел стать купцом.

Дружки — Сафейка Гайфулин (однофамилец и земляк Бориски) и Михаил Канов, по прозвищу Свищ,— подговаривали идти в Америку, на Аляску. Знающие приискатели рассказывали, что золото на Юконе лотком гребут.

Бориска был отчаянным человеком и за золотом мог пойти на край света. Но тут по Ямску прошли слухи, будто богатейшие золотые жилы есть где-то на реке Колыме. Золота там якобы так много, что тунгусы¹ отливают из него пули. Благовещенский купец Шустов посылал туда своего человека — Розенфельда. Он должен был найти удобные пути сообщения между побережьем Охотского моря и Колымой и, если золото на Колыме действительно есть, разведать места для будущих шустовских приисков. Розенфельд выбрал себе попутчиками Бориску и его дружков. Они были опытными приискателями и все трое прятались от полиции — Розенфельд мог держать их в руках.

Из Ямска выехали верхом на лошадях. Ехали, распрямив дорогу у тунгусов. Добрались до речки Хупкачан. Бориска остался здесь стеречь лошадей, а Розенфельд с Кановым и Сафейкой спустился на самодельных ботиках по Хупкачану до устья притока Колымы Декдекана. По слухам, золотые жилы были там. Однако на Декдекане золота не нашли. А между тем наступила зима, и Розенфельд заторопился назад в Ямск. С ним пошел один Сафейка. Бориска и Канов отказались уходить из колымской тайги. Ожидая на Хупкачане Розенфельда и своих дружков, Бориска нашел в речных наносах несколько золотинок и решил, что где-то здесь должна быть и сама россыпь. Канова тоже поманило Борискино золото.

Прошла зима, пролетело лето, а россыпи не было. Не было и продуктов. Питались дохлой кониной — на Хупкачане пала одна лошадь Розенфельда. Когда конина подходила к концу, Бориска послал Канова в Ямск за провизией, а сам пошел на речку Среднекан. Вскоре местные якуты нашли его мертвым. Зажав в застывших руках до черенка сработанное кайло, он лежал на краю шурфа, на дне которого было богатое гнездо золота. Немного в стороне стояла палатка, почему-то опутанная нитками. В палатке — угли давно потухшего костра и две пустые жестяные банки, наполовину съеденные ржавчиной.

Смерть Бориски колымчане считали загадкой. Пред-

¹ Так называли в те годы эвенков.

полагают, что его убили. Но скорее всего он умер все же от голода. Канова в Ямске поймала полиция, и он не вернулся на Хулкочан. Оружие же для охоты у Бориски не было. Вот и пришла голодная смерть, пришла, когда цель была уже достигнута.

Дезертир и бродяга Бориска — Шафигулла Гайфулин нашел первое золото Колымы. И его по праву надо считать первооткрывателем. Судьба не дала ему ни славы, ни доброго имени. Желтый идол надругался над ним, как и над многими десятками тех, кто с лотком и кайлом шел по его следам на новую гибель. Историю золотой Колымы начали не они. Они были и ушли, как тени. А в памяти людей навсегда останутся другие имена.

Их было двадцать два: начальник экспедиции Юрий Александрович Билибин, его заместитель Валентин Александрович Цареградский, два начальника полевых поисково-разведочных партий — Сергей Дмитриевич Раковский и Эрнст Петрович Бертин, геодезист-астроном Дмитрий Николаевич Казанли и семнадцать рабочих. Безусые все парни. Окладистую рыжую бороду носил один Билибин. Он был ученым и казался старше других, хотя ему исполнилось двадцать семь лет.

3 июля 1928 года японский пароходико «Дайбошимару», развозивший по бухтам Охотского моря рыбаков, высадил их за тысячи верст от родных мест, в устье незнакомой реки.

Тощий, как вобла, капитан-японец на ломаном русском языке объяснил Билибину, что это и есть Ола, главный порт и административный центр Охотско-Колымского края.

Они должны были пройти туда, где погиб Бориска, — на речку Среднекан. Но где эта речка и как к ней добраться, никто не знал. Не было карты, не было и знатоков тунгусского языка. Двое из экспедиции — длинноносый сорвиголова Сергей Раковский и неповоротливый молчун Степан Дураков — немного понимали по-якутски, но в Оле жили тунгусы. Был один и русский, председатель РИКа, но он с трудом помнил родную речь. Однако, по его словам, дальше Олы он не бывал и толком сказать ничего не мог, а поговорить с тунгусами не соглашался, ссылаясь на то, что они все равно ничего не скажут.

За несколько дней до прибытия экспедиции, через Олу в тайгу ушли две группы вольных старателей. Они разузнали, что на Колыму собирается государственная экспедиция, и всякому, кто покажет геологам дорогу на Среднекан, грозили смертью. Тунгусы боялись, и говорить с ними действительно было бесполезно.

После многодневного похода по штормующему Охотскому морю все чувствовали себя уставшими, но в первую ночь спать никто не ложился. В наспех раскинутой на морском берегу палатке праздновали прибытие в Олу. Бородатый начальник экспромтом провозглашал стихотворный тост:

Выпьем, друзья, за просторы таежные,
Выпьем за наши дела...

Он поднял указательный палец, многозначительно уточнил:

— Будущие, разумеется, граждане колумбы!

Геологи с жаром ему аплодировали. Он смотрел на товарищей с победоносным великодушием и щедро сыпал новыми рифмами:

Где человек и не ступал,
Где холодом все мертвит зима,
Среди угрюмых черных скал
Течет спокойно Колыма.

— Ваш прогноз относительно географического положения Колымы, Юрий Александрович, несколько неточен. По имеющимся у меня сведениям, она проходит восточнее границы Якутии и, говорят, течение у нее довольно бурное, — подал голос застенчивый, как девушка, и педантичный, как английский джентльмен, Казанли. На него сразу же зашикали.

И в глазах Билибина снова засветилось торжествую-

щее мальчишеское счастье. Видимо, придумывая что-то новое, он с хитрой ухмылкой пощипал всклокоченную бороду и вдруг неожиданно заключил:

— Дмитрий Николаевич прав, стихи — вздор! Давайте лучше поемчаем.

Он любил мечтать вслух. Эту северную страну, с ее суровой и дикой природой, запуганными, погрязшими в первобытной нищете тунгусами он видел краем, где в грохоте моторов и зареве электричества победно будет шествовать новая жизнь. Только ступив на землю Колымы, еще не зная ее недр, он сказал, что здесь таятся сокровища, в миллионы раз превосходящие то, что нашел Бориска. Борискино золото лишь зацепка, тот клубочек, который нужно взять и распутать по всей Колыме. Пусть распутать его будет нелегко, потом все окупится, как ни где в мире.

Листки из тетради Валентина Александровича Цареградского:

«13 июля 1928 года.

Видно, в Оле застрянем надолго. Никак не найдем проводника. Вся надежда на Раковского. На Алдане (там формировалась экспедиция Билибина) ему говорили, что где-то возле Олы живет столетний якут Килланах, прогрессивно настроенный, сильный и хорошо знающий весь Северо-Восток. Сергей решил разыскать его и уговорить повести нас на Среднекан.

17 июля...

Раковский все еще не возвращается. Ждем его и изучаем пока ольское побережье. Ничего примечательного, но в общем район с геологической точки зрения интересный. Билибин по обыкновению поглощен сбором коллекций. Вечером возвращается с поля, нагруженный тяжеленным рюкзаком и изнуренный до предела, но все равно шутит, злословит и плетет рифмы. Вчера рабочие попросили его прочитать доклад. Стал в позу, спрашивает:

— Тема? На сколько рассчитан?

— Ну... минут на сорок, что-нибудь про золото.

Слушали, разинув рты, и ровно сорок минут. Казанли, естественно, в восторге. Докладчик тоже, как всегда, опьянен успехом.

19 июля...

Выходной. От нечего делать копался в архивах РИКа. Нашел любопытную статью в старом журнале. Какой-то журналист описывает Колыму девяностых годов прошлого столетия. Привожу выдержки:

«В начале октября, как только замерзнут «бадараны» (болота), из Якутска отправляются вьючным порядком транспорты купеческой клады. Главный груз состоит из кирпичного чая, листового табака, бракованных ситцев и водки. Якутские кони очень выносливы, во все время пути они довольствуются подножным кормом, который выбивают из-под снега. В марте кладь прибывает в Средне-Колымск. Часть ее продается тут же, но большая часть на собаках отправляется на Анию, на чукотскую ярмарку...

Купцы выменивают пушнину и мамонтовые клыки на чай, табак и, самое главное, — на акамень (водку), которая хотя официально и запрещена для провоза, но доставляется целыми флягами. За полторы бутылки разведенной водой водки, настоенной для крепости на махорке и на медном купоросе, купец берет у чукчи песцовую шкурку...

Все население берегов Колымы — вековые рабы купцов: обыватели и дикари в вечных долгах, которые, как мертвая петля, все больше и больше схватывают шею...

Жизнь летом вполне зависит от улова рыбы. Впрочем, как бы хорош последний ни был, к концу весны запаса обыкновенно не хватает. Река очищается от льда очень

поздно, — лишь в начале июня. Неводить начинают около Петрова дня.

В мае обыватели съедают кожаные обутки, ремни, налимьи кожи, которыми летом вместо стекол затянуты окна. Жить тогда в Средне-Колымске — пытка. Желтые опухшие лица, горящие голодные глаза — буквально могут обезуметь. Тощие, едва живые собаки, шатаясь, бродят, разыскивая трупы своих околевших товарищей, и жадно пожирают их...

20 июля...

Наконец-то вернулся наш «Длинный нос», хотели уже идти искать его. Грязный, как черт, и оборванный, только кожаная куртка целая. Неделю прошатался по тайге. Пришел с проводником. Доволен, хохочет:

— Ну, что, каков Раковский?

Похвалили. Заслужил сто граммов неразведенного. Чистяков салютнул из винчестера. Билибин выдал эпиграмму:

Коль страуса находим мы яйцо,
Там, где песцы должны бы размножаться,
Лишь компетентное Раковского лицо
В вопросе этом может разобраться.

Не очень удачно, но сошло. Билибина не обидели — поаплодировали.

Проводник стоял в стороне и улыбался. Такой народ ему в диковинку.

Килланах идти на Среднекамск отказался, сослался на больные ноги и порекомендовал другого якута — Макара Захаровича Медова. Раковский нашел его в Элекчанском районе. Охотник. Шестидесять лет, но крепкий, как дуб. Сносно говорит по-русски и все понимает. Элекчанские кулаки-якуты сразу заявили, что если он будет помогать красным геологам, то пусть в своем районе больше не появляется, иначе пристрелят. Не поддался старик на угрозу, молодец! Заслуга здесь, конечно, прежде всего Раковского — сумел убедить.

27 июля...

Новая проблема — транспорт. В Оле с трудом удалось заарендовать восемь лошадей. Капля в море, нужно в три раза больше. Макар говорит, что где-то в стойбище Маякан, километрах в шестидесяти от Олы, у зажиточного звена можно купить оленей. Для наших грузов они мало подходят, слабые, но если Раковский купит десятков пять-шесть, будет неплохо.

Поедут верхом вдвоем с Макаром. Денег будет полрюкзака, все полтинниками. Местное население бумажных купюр не признает. Мы это знали и серебра захватили достаточно.

3 августа...

Раковский и Макар привели тридцать оленей. Двадцать пять из них дикие, не обьеженные. Обучать их некому. Сделали загородку, загнали туда пастись. Проблема транспорта по-прежнему остается острой.

Сергей предлагает плыть на плотах. Оказывается, до Среднекамска есть водный путь по рекам Малтану, Бохаче и Колыме. Схему этих рек Сергею дали звены — выложили спичками на брезенте. Но они предупредили, что Бохачка несплавная. Макар тоже плыть не советует. При упоминании Бохачки лицо его искажается ужасом.

— Вода быстрый, камень много — все мертвый будешь!

Показали схему ольским тунгусам. Появление в экспедиции Макара развеяло их страхи, они теперь нас не дичатся. Сбежались всем поселком, полочут по-своему, но жесты понятны: на Бохачке сплошные пороги и сильное течение, сплавляться по ней — самоубийство. Макар сияет:

— Макарка ходил, все видел, хороший река сам сказал бы.

Сергей стоит на своем:

— Чепуха, проплывем!

Билибин его поддерживает. Другого выхода, впрочем, нет. Пока одомашним наших оленей, наступит зима, и по-исковый сезон будет потерян. Да олени и всего груза не поднимут. Лучше использовать их на мясо.

5 августа...

Совещались. Решили всей экспедицией не рисковать. Поплывут шестеро: Билибин, Раковский, Дураков, Алехин, Чистяков и Луненко. Сельным будет наш общий любимчик Демка — пес Дуракова. Макар поведет их до Малтана и вернется с лошадьми назад. Мне, Бертину, Казанли и остальным рабочим Билибин приказывает оставаться в Оле. Будем объезжать оленей и пойдем с Макаром на Среднекамск санным путем.

О предстоящем сплаве от кого-то узнал председатель РИКа. Сразу примчался:

— Христом-богом молю, повесят за вас, не предупредил, скажут. Вы погибнете!

Фрукт! Раньше говорил, что нигде не бывал и ничего не знает, а сейчас дрожит.

8 августа...

Простились с товарищами. Расставались с грустью. На душе тревожно. Что-то их ждет там?

Взяли самое необходимое: по две пары белья, легкую одежду, жесткую норму питания, оружие, инструменты. Сеет мелкий дождь. Холодно.

26 августа...

Вторую неделю пытаемся с Казанли попасть на вельботе в бухту Нагаева. В лоции Охотского моря она описана, как наиболее удобная на всем этом побережье. «Единственный недостаток этой бухты, — пишет автор лоции, — отсутствие человеческих поселений на берегу». Он дает и карту, грамотную и весьма подробную. Если верить ей, бухта Нагаева лучше Ольского рейда. Здесь нет подходов для разгрузки судов. Если мы откроем на Колыме большое золото и нужно будет строить порт и город, то Нагаево нам, вероятно, подойдет.

1 сентября...

Разбили вельбот. Чудом не разбились сами. Несчастный Казанли даже стал заикаться. Сидим в палатке мокрые до последней нитки и, съезжившись, лягаем зубами. Бертин острит:

— Ну что, морские волки, закаляемся?

Идти в бухту Нагаева на вельботе он нас отговаривал и теперь злорадствует.

5 сентября...

Вернулся Макар. Большой, по-медвежьки нескладный и трогательный. Размазывает слезы, всхлипывает:

— Сергей симбир саха, Билиба веселый, Степашка хороший, все мертвый будут, крепко уснут Бохачка.

Рассказывает, что наши построили два плота и спустили их на Малтан недалеко от Элекчана. Билибин передал записку, пишет, что в Элекчане до зимы нужно построить перевалочную базу и перебраться всем нам из Олы туда, ближе к Среднекану. Спрашиваю Макара:

— А ты, Макар, как, не боишься переезда в Элекчан?

Перестал плакать, смотрит сердито:

— Зачем, Царь-город, говоришь такое? Плохой люди пугал Макарку, не боится Макарка!

11 сентября...

Бертин и восемь рабочих ушли в Элекчан строить базу.

20 сентября...

Время тянется томительно. Работы все меньше. Ольское побережье облазили вдоль и поперек. Каждый день приходят в гости тунгусы. Сидим и молча пьем чай. Ни они нас не понимают, ни мы их.

Часто вспоминаем Ленинград. Казанли читает Блока. Мне больше нравится Маяковский.

Шумит ливень. Сумрачно за палаткой и в палатке. Освещает ее только раскаленная «буржуйка». Наша брезентовая конура, как монашеская келья. Жизнь, любовь и человеческие страсти бурлят где-то далеко. Завидую нашим сплавщикам. Хотя путь их и опасен, зато не такой нудный, как это вынужденное сиденье.

7 октября...

Третий час ночи. Отчаянно хочется спать, но уснуть невозможно. Медведи до того обнаглели, что подходят к самой палатке. Им не дают покоя наши олени. Вчера утром одного задрали, теперь покушаются на остальных. Бедные олешки сбились в кучу, жмутся к нам. Приходится жечь костер и стоять на страже.

Мы на левом берегу бухты Нагаева. Обошли ее всю. Лодия охарактеризовала ее верно. Место для постройки порта годится. Берега гранитные, но в основном пологие. Причалы строить удобно. Сама бухта тихая, имеет форму вытянутого мешка, со стороны суши защищена от ветров подковообразной грядой сопков.

18 октября...

Выпал снег. В тайге он лежит уже давно. Мороз еще небольшой, но ветрено. Завтра возвращаемся в Олу. Результаты проведенных здесь работ меня радуют. Нет никаких сомнений, что первый город Колымы будет именно здесь, на берегу бухты Нагаева. Во всяком случае я на этом буду настаивать. Думаю, Билибин меня поддержит.

23 октября...

Ушел с тунгусами в Элекчан Казанли. Голубоглазый мой Казанли... Остались вдвоем с Макаровым. Работы много, скучать некогда. Макар нашел себе помощника и в темпе объезжает оленей. Я привожу в порядок летние записки, документирую собранные коллекции. Сделал новую карту бухты Нагаева и Ольского побережья.

17 ноября...

Знакомый ороч принес из Элекчана тревожное письмо от Бертина. Пишет, что предсказание Макара, видимо, сбылось. Там, где спустились на Малтан плоты, элекчанские охотники встретили Демку, очень изурненного и худого. Должно быть, он возвращался от самых порогов... Бросить в тайге собаку они не могли...

19 ноября...

4 часа утра. Через час выезжаем. На сборы потеряли целых два дня. С большим трудом удалось подрядить пять собачьих упряжек с каюрами и одну без каюра. Никогда не каюрил, но придется вести собак самому.

Взяли теплую одежду, чистый спирт и продовольствие. Может быть, наши товарищи разбились на порогах и теперь сидят там голодные и холодные, не имея возможности сообщить о себе.

10 часов утра. Ехали без единой остановки, но прошли не больше шестидесяти километров. Навстречу дул резкий ветер, собаки шли плохо.

20 ноября...

Остановились в Элекчанском зимовье. До порогов осталось проехать километров сто пятьдесят. Там, по рассказам, живет какой-то якут, может быть, он что-то знает о нашем отряде.

Казанли просится ехать с нами, доказывает, что в направлении бохапчинских порогов ему необходимо установить несколько астропунктов. Это только предлог.

В доме — на полу, на нарах и скамейках — уснувшие люди. Кто в чем был, в том и спит. Казанли — в полушубке, Бертин — в тулупе, Макар и каюры — в своих пестрых меховых одеяниях. Только обувь сушится у «буржуйки». Душно, пахнет махоркой, овчиной, крепким настоем пота. Света копилки едва хватает, чтобы различать строчки. Когда пурга через печную трубу врывается в дом, мой светильник затухает совсем. Зажигать его вновь не хочется. Долго сижу в темноте, слушаю вой пурги.

21 ноября...

Прошли километров двадцать. Глубокий снег и бесперывная пурга.

22 ноября...

Добрались до Мантана. На тополях видели несколько затесей с надписью «28/VIII-28 г. Отсюда состоялся первый пробный сплав К.Г.Р.Э. Билибин, Раковский, Дураков, Алехин, Чистяков, Луненко».

Возле топей остановились на ночлег. Ночь тихая и звездная. Морозно. По Цельсию 56 градусов.

Дмитрий все же остается верен астрономии. И меня втянул в это дело. Помогаю ему производить астрономические определения.

Не могу представить, что наших уже нет. Сергей говорил, что у него «планируется» жена — Анна. Любит петь.

Ветер начинает посвистывать. Кажется, снова запуржит...»

Они были живы.

Листки из тетради Сергея Дмитриевича Раковского:

«29 августа 1928 года.

Вчера простились с Макаром. Сидел на берегу и сквозь слезы тянул свое якутское олонхо:

Большая да большая, страшная река Бохапча,
Плохие да плохие пороги в ущелье,
Бедные да бедные русские, однако,
Все покойники будут.

На прощанье мы угостили его спиртом из нашего «расходного» запаса и заверили, что не погибнем.

У нас два плота: четыре метра на десять и четыре на двенадцать. В каждом по шестнадцать сухих бревен. Скреплены хорошо.

Большой плот ведем мы с Дураковым. Нам помогает Луненко. На втором плоту кормчим Билибин и Чистяков. Помощником у них Алехин. Демка постоянной прописки не имеет: то с нами сидит, то, улучив удобный момент, перескакивает к Билибину.

Малтан течет быстро, но спокойно. Берега красивые, крутые и лесистые.

30 августа...

Смирненский Малтан устроил нам веселую жизнь. Возле устья берега вдруг сузились и превратились в хмурое ущелье. Вода то ласково журчала, а тут понеслась с оглушительным ревом. Впереди она кипела и клубилась белыми хлопьями пены. Сначала мы приняли эту пену за обыкновенный бурун и плоты не тормозили. Сидим себе, покуриваем. Пороги! Вся река перегородена здоровенными валунами. Хорошо, что Дураков вовремя заметил справа протоку, мы успели свернуть в нее.

О малтанском пороге нас никто не предупредил, и мы единогласно решили окрестить его Неожиданным.

В протоке намучились. Она сплошь в перекатах. Плоты пришлось тащить волоком по поясу, а то и по груди в ледяной воде. Так как я считаюсь начхозом, то выдал по этому случаю по двойной порции «чистого». Мной, однако, остались недовольны. Просили еще. Я сказал:

— Все, расходный кончился, энэ трогать не буду!

6 сентября...

Уже неделю плывем по Бохапче. Пустынно, сурово, по бокам у нас гранитные берега. Растительность чахлая, кое-где стоят полуобсыпавшиеся тоненькие лиственницы и зеленеют кусты стланика. Зелень тусклая, уже прихвачена осенью. Кругом тишина и промозглая сырость.

Мы стараемся идти по центру реки. Она не очень широкая, метров сто — сто двадцать. Течение быстрое и бурное. Часто попадаются водовороты, шиверы и мели.

Пережили очередные страсти. Поздно вечером наш плот сел на одном месте на скрытый под водой камень. Пока мы возлились с ним, нас догнал плот Билибина. Когда он проплывал мимо, Билибин вдруг крикнул:

— Медведи!

Мы, конечно, моментально снялись с «якоря» и снова вырвались вперед. Смотрим: на берегу в тумане два медведя. Я вскинул винчестер и только хотел нажать курок, как в эту минуту порывом ветра сорвало дымку и стало видно, что это не медведи, а люди. Меня даже в холодный пот бросило, кричу, что есть силы:

— Не стреляйте, не медведи это, люди!

А они увидели нас и, не подозревая, что им грозило, тоже давай кричать:

— Кер, кер, догор! Тас бар — смотри, смотри, камень!

И тут плот Билибина налетел на шиверу.

В общем все обошлось благополучно, только на билибинском плоту все намочило. Шиверу, на которую они налетели, в честь чуть не разыгравшейся здесь трагедии назвали порогом Двух Медведей.

Сидим на берегу, сушим груз и разговариваем с нашими «медведями». Это якут Амосов и его сын. Они тут живут в юрте. Оба не понимают по-русски ни слова. Я переводчик. Старик говорит, что до основных порогов Бохапчи осталось три кеса, километров двадцать. Билибин спросил его, плывал ли он там. Мотаает головой и, заикаясь, кричит мне в ужасе:

— Суол суох! Бары ага елеххит! Дороги нет! Все утонет!

8 октября...

Вот оно, наше страшилище! Камень на камне. От рева воды ломит уши. Ключья пены, кажется, висят в воздухе, так сильно здесь кипение бурунов. Река зажата в узком сумрачном коридоре.

Нас пугали не зря. Будем все же рисковать. Кто не рискует, тот не выигрывает.

9 сентября...

Утро. Товарищи еще спят. Я поднялся первым. Погода стоит хорошая. Светит солнце и тихо. На душе немножко тревожно — скоро начнется главный сплав. Мы нормально отдохнули и все должно обойтись благополучно. Я затеял этот сплав и в удаче сомневаться не имею права. Раньше я и не сомневался, а теперь вдруг стало страшно. Целую ночь мне снились всякие кошмары. И Аня приснилась...

Я обещал на будущий год забрать ее на Колыму. Мы тогда сидели до самого утра и мечтали, как будем вместе ходить по тайге и жить в шалашах. Следом за нами пойдут строители и понастроят везде городов, но мы из тайги не уйдем. Купим патефон и будем ездить в города только за новыми пластинками. Институт, правда, не мешало бы мне закончить, а то как ушел со второго курса в старатели, так и пробавляюсь таежной наукой.

Вечер. Прошли пять порогов. Окрестили их по нашим именам: Ивановский — по имени Алехина, Степановский — по имени Дуракова, Михайловский — по имени Луненко, Юрьевский — по имени Билибина. Пятый порог был самый длинный и в честь моего носа его назвали Сергеевским. На нем мы чуть не погибли. Мы шли впереди и застряли на камнях, а позади неся плот Билибина. Наскочит — расшибется сам и нас разобьет вдребезги. Начали лихорадочно пилить бревна. Отпилили часть сбоку — плот сдвинулся, пошел дальше.

На камни сажались трижды. Снимались с большим трудом. Нужно было залезать по плечи в воду и толкать плоты впереди себя. Если говорить честно, то живы мы остались случайно, а еще честнее — единственно благодаря Дуракову. Наши «корабли» мы рубили под его руковод-

ством, и он устроил их так, что они сидят в воде всего на несколько сантиметров. Налетают на камень с силой страшной, но удар получается мягкий. Маленькая осадка, и бревна не ударяются об камень в лоб, а выскакивают на него и скользят.

Я Степана знаю еще по Алдану. Молчун и увалень, а нет такого дела, с которым он не справился бы. В руках вроде у него ничего не горит, а выходит быстро, и если что делает, — будь спокоен. И слово у него такое: сказал — закон! На Алдан я пришел зеленым, все таежные азы он преподавал мне. И якутский язык заставил выучить. Для нас — это вторые глаза.

Сегодня у Степана несчастье. Сидит, пьет чай, и губы дрожат. Куда-то пропал его Демка. Видно, утром он замешкался где-то в тайге и не попал к отплытию, а мы думали только о порогах и не угладили. Билибинцы считали, что он на нашем плоту, а мы решили, что он у них.

Степана всем жаль. Кроме Демки, у него никого нет. Главное, мы не можем против течения вернуться назад, чтобы поискать его. И не догонит он нас, по обе стороны реки прижимы, нет прохода даже для собаки.

Траурно молчим. Седьмого товарища потеряли.

10 сентября...

Плывем с неплохой скоростью, без приключений. В Колыму часто впадают притоки. По схеме, которую дали мне в Маякане звены, определить всех не можем. Знаем, что должны быть две большие реки: Таскан и нужный нам Среднекан. Остальным даем свои названия. Одну назвали Утиной — там было много уток, другую — Запятой, в честь того, что ошиблись и приняли ее за Среднекан.

12 сентября...

Новое устье. Как будто Среднекан. На берегу опять увидели человека. Оказалось, известный на Колыме охотник, древний старик Лягилев. Убегал от нас, я едва догнал. Спрашиваю:

— Это Среднекан?

Трясется весь:

— Хириникан... Хириникан...

Угостили старика чаем. Он попил, собрал в платок все, что дали ему к чаю, и — «ча, прощай, догор». Ушел в тайгу, так ничего и не сказав.

14 сентября...

Идем с котомками по талому снегу. Нужно найти место для зимовки. Юрий Александрович поднимает дух, читает нам Омара Хайяма и сочиняет эпиграммы. С ним всегда весело.

17 сентября...

Решили остановиться на каком-то ключе, окрестили его Безымьянным. Лес для зимовья приличный. И дрова есть, сушняк много.

Встретили здесь тех старателей, о которых нам говорили еще в Оле. Две артели. Один артельный мой давний знакомый, Туркин, его вся тайга знает. В Бодайбо и на Алдане нашумел. Бандит первой статьи. Увидел нас и ленивенько так, будто ни в чем не бывало, пошел вперевалочку к шурфу.

— Как золото? — спрашиваю его.

Напустил на себя блатное удивление. Мнет в пальцах камушек и плечами пожимает, словно видит меня впервые. А я же его, красавца, насквозь вижу. Винчестер мой ему глаза мозолит. Он у меня на груди, а его оружие, наверное, в бараке было. Имел бы он его при себе, не так бы нас встретил. Но я сделал вид, будто не понял его мимики, снова ему вопрос:

— Не ходил выше по ключу, лес там еще есть?

Опять плечами пожимает. Но тут вступили в разговор его люди. Сказали, что лес есть, и спросили, кто мы такие.

— Экспедиция, — говорю.

— Откуда такая?

— Государственная.

— Золото искать, что ли?

— Не красивые глазки.

— И что, тут остановитесь?

— Где остановимся, туда просим в гости.

Такой получился у нас разговор. Я говорил и недвусмысленно поправлял на груди винчестер, а товарищи стояли в сторонке и наблюдали, но были готовы ко всему. Эти головорезы прекрасно знают, кто мы такие, разыграли протачков.

В общем, жить придется в соседстве с волками, но выть по-волчьи мы не будем. Они хищники, пришли сюда грабить землю, а мы посланы властью, на нашей стороне право. Им на закон, конечно, наплевать, они бандиты. Но у нас еще есть сила: Чистяков и Луненко бывший красноармеец, Дураков — таежник. Алехин и Юрий Александрович тоже не из трусливых. И я не из теста слеплен. Сумею постоять и за себя, и за землю. Тут мы хозяева. Пусть зарубят это себе на носу раз и навсегда. Анархия кончилась. Советская власть пришла на Колыму.

21 сентября...

Начали рубить барак и уже ведем поиски. Золото пока не ахти какое, мы надеялись на большее, но месторождение явно промышленное. Билибин говорит, что это еще не основной участок россыпи, надо прощупывать ключ дальше.

Соседи присмирели. Но здороваются и к Билибину обращаются по имени-отчеству. Я никогда не думал, что Юрий Александрович умеет разговаривать с людьми сухо и официально. С этими он на такой ноге, что его они боятся больше, чем моего винчестера.

Мучаемся с посудой. На бохапчинских порогах потеряли все ведра и ложки. Из посуды остались только кружки, один чайник и кастрюля. Обед приходится готовить дважды. И «буржуйку» нашу на Бохапче посеяли. В палатке жуткая холодина.

5 октября...

Чистяков и Алехин ходили на охоту. Принесли пятьдесят белок. Из шкурок сошьем рукавицы и чулки, а мясо я выкинул на крышу барака. Пригодится.

17 октября...

Сделал себе лоток и выменял у старателей банку для согревания воды.

Артель Туркина смыла при мне 180 лотков, намыла 165 граммов металла. В другой артели работают хабаровские корейцы. У них дело идет хуже.

20 октября...

Бьем шурфы. Земля уже окаменела. Морозы с каждым днем сильнее. Вчера было 16 градусов, ночью перевалило за 30, сейчас — 43.

В бараке сделал печь каменную и трубу каменную. Топит хорошо, не дымит.

У Юрия Александровича, кажется, температура. Шутит и с остервенением долбит кайлом землю, но глаза подозрительно воспалены. Этой ночью во сне разговаривал, звал Наташу — жену. Поднялся раньше всех, сидел на чурке и курил. Переживает. У нас плохая одежда и мало продуктов. С Цареградским договорились, что они придут сюда первого декабря, а еды осталось недели на две.

25 октября...

Утром в градуснике замерзла ртуть. Сделал приспособление из разных смесей спирта и воды для измерения температуры. Действует нормально.

У Юрия Александровича лихорадка. Меня не слушает. Работает каждый день. Дураков заставил его выпить горячего спирта. Немного ожил.

7 ноября...

Сегодня годовщина Октябрьской революции. Юрий

Александрович пригласил в наш барак людей Туркина и артель корейцев. Побычились, но пришли. Получилось вроде производственного совещания. Обсуждали перспективы и теперешнее состояние работы. Билибин предложил вольным сдавать все намытое золото нам, так как мы здесь представители государства и золото тоже государственное. Туркин чвиркнул слюной:

— Чихать мне на ваше государство!

Юрий Александрович ответил спокойно:

— Прошу вас удалиться.

— Чаво?

— Помещение, говорю, освободите.

— А, может, я не желаю?

— Мы желаем.

Старатели притихли. Туркина никто не поддержал. Ушел. Собрание закончилось мирно. Акт на сдачу золота все подписали.

10 ноября...

Продолжаем шурфовку. Мороз 50 градусов. Ночью вокруг луны было сияние. Наверное, к перемене погоды. Тайга вся в изморози, тихая и красивая.

Едим один раз в сутки. На обед расходуем банку тушенки и граммов двести муки. Пару недель, может, продержимся. Корейцы говорят, что где-то в этом районе есть две павшие лошади. Хотят идти туда и жить там в палатках. Думают обеспечить себя пищей дней на двадцать.

14 ноября...

Мороз 60 градусов. Золота с каждым днем промываем меньше. Солнца уже не видно, оно освещает только противоположные горы.

Окончательно обносились. Вид у всех, как у цирковых клоунов. На мне, например, брезентовые брюки, у которых одна штанина сантиметров на тридцать короче другой. Отрезал от нее кусок, чтобы положить заплаты на ягодицу, штаны рвутся без всякой совести. Сегодня зашью, а завтра опять дыра. И непременно на новом месте.

С обувью не лучше. Сапоги давно развалились. Ходим в торбозах. Голенища скроили из рюкзаков, подошвы — из войлока. Дураков оказался предусмотрительным, захватил в Оле для этой цели два лошадиных потника. Сейчас и торбоза в аварийном положении. Если не продержатся до прихода Цареградского, придется расставаться с моей курткой. Кожа на ней прочная, можно шить из нее на всех таежные постолы. Но тогда мне оставаться в одной рубашке?

20 ноября...

Замерзла смесь воды и спирта. Значит, мороз за 60 градусов.

Тушенки десять банок. Артель Туркина тоже голодает.

21 ноября...

Встретили в тайге тунгуса. Говорит, живет в поселке Сеймчан, отсюда 57 верст. Билибин и Дураков решили пойти туда. Может, добудут продуктов. Мы остаемся работать.

4 декабря...

Наших еще нет.

Ходили с Алехиным на охоту. Ничего не убили. Последний хлеб съели вчера.

7 декабря...

Вернулись хабаровчане. Лошадей съели, завтра принимаются за собаку Собольку.

Юрия Александровича и Степана по-прежнему нет. Где они застряли — неизвестно. Уже должен бы прибыть Цареградский. Почему он задерживается — тоже не знаем.

9 декабря...

Утром Чистяков и Алехин ушли на охоту. Мы с Лу-

ненко сидим голодные. Думаем, как-нибудь просуществоем до возвращения Билибина. На крыше нашего барака лежат тушки пятидесяти белок, убитых еще в октябре. Двумя тремя белками можно наестся. С сегодняшнего дня примемся за них.

Мороз свирепый, но тихо. Все будто вымерло. Иногда только трещат в тайге лиственницы, лопаются от мороза.

10 декабря...

От Собольки у хабаровчан осталось на одно варево. Артель Туркина ругает их за жадность. А в Собольке было фунтов тридцать, могли бы и поделиться. Мы отдали Туркину половину своих белок.

12 декабря...

Пришли наши охотники. За три дня всего 60 белок и несколько кедровок. Другой дичи не попадалось.

Билибин и Дураков не возвращаются.

13 декабря...

Вернулись наши из Сеймчана. Ничего не принесли, привели только двух лошадей. В Сеймчане прошел какой-то мор, и все олени тунгусов погибли. В стойбище голодно. Там почти одни старики, остальные охотятся. Живет там одна старуха чуть ли не времен Екатерины Второй. Хлеба в глаза не видели и просят, когда придет наш транспорт, показать, что это такое.

Билибин и Дураков сильно обморозились. Пришли еле живые. Юрия Александровича снова треплет лихорадка. Глаза ввалились и покраснели. На ногах держится с трудом.

Одну лошадь убили и раздали мясо. Себе взяли голову и ногу. Старатели растрогались, даже Туркин прослезился. Таскается за Билибиным и назойливо просит прощения. Юрий Александрович сердится, гонит его от себя.

17 декабря...

Мороз начал сдавать — теперь 45 градусов. Ходил вверх по ключу, смотрел капканы и пасти. Пусто.

Старатели с голодухи набросились на лошадь и уже всю сожрали. Сегодня пришлось пристрелить вторую.

21 декабря...

Распределили остатки потрохов между артелями. Продержимся не больше недели. Если к тому времени транспорт не прибудет, всем нам здесь крышка...

25 декабря...

Все съедено, вывариваем лошадиные кости и кипятим чай из мха. Морозы снова усиливаются — 58 градусов. Часто пуржит. Бить шурфы труднее. Ослабли. Старатели все работы приостановили, даже не топят в бараках. Лежат на обледенелых нарах. Начинает погуливать цинга. В артели Туркина два человека умерли. Выносить из барака трупы никто не хочет, валяются среди живых.

Обе артели ждут наш транспорт. На что же они надеялись, когда шли сюда? А вдруг бы нас не было, тогда что? Погнались за наживой, нам готовы были глотки перерезать, и вот тебе результат. Золото кровь любит, самоутжкой его не возьмешь. Пора бы это всем понять.

1 января 1929 года.

Новый год. Лежим опухшие. Все прошлые сутки пуржило, барак замело до крыши. Так теплее, но снег придется расчистить. Когда придет транспорт, нас могут не найти.

2 января...

Степан строгаёт топорища, жалуется на безделье. Были бы патроны, пошел бы, говорит, на охоту.

Юрий Александрович читает северные рассказы Джека Лондона. Быстро устаёт и кладет книжку под голову. Вздыхает:

— Мужественный, товарищи, писатель, надо на Колыме что-нибудь назвать его именем.

Алехин и Чистяков разговаривать уже не могут, делают вид, будто спят.

Луненко ворочается. Когда лежит тихо, кусает ногти.

Я лежу на верхних нарах и вижу всех. Мы давно не умывались, трудно топить снег. Все стали бородатыми. Луненко среди нас самый молодой, и борода у него жиденькая. У Степана — могучая, у Алехина — клином. Чистяков отрастил окладистую и рыжую, как у Юрия Александровича. У меня — русая, растет клочьями. Одежда на всех одинаковая — лохмотья неопределенного цвета. Вошла бы сейчас в барак Аня! В обморок бы упала...».

Они остались живыми.

Еще несколько листов из тетради Валентина Александровича Цареградского:

«23 ноября. 1928.

Наконец-то спокойнее на душе. Встретили ороча. Едет на оленях от устья Бохапчи. Был там на охоте. Говорит, видел в тайге охотника Лягилева, который рассказал ему, что шесть нючка (русских) сплыли на плотах до устья Хириникана (Среднекана) и, высадившись там, пошли с котомками вверх по реке. Это наши. Демка, вероятно, где-то отстал от них и не сумел догнать, поэтому и вернулся.

Умный и ласковый пес, а вот сколько задал нам тревоги! Самое важное — мы потеряли много времени. И к нашим попадем еще не скоро. Дальше, чем до бохапчинских порогов, мы не доедем, собакам не хватит корма. Надо возвращаться в Элекчан, снаряжать олений транспорт и двигаться на Среднекан уже всей экспедицией. Не знаю, выдержат ли билибинцы, продукты у них должны быть на исходе.

13 декабря...

Выезжаем только сегодня. Лошади сейчас до Среднекана не дойдут, а олени поднять весь груз не смогли. Пришлось искать еще пять упряжек. Это забрало целых две недели.

Дорога будет тяжелой. Метет — света белого не видно.

15 декабря...

Удивительное явление — горячие источники! Три маленьких лужицы. Камни и галька около них покрыты лишь тонкой корочкой инея. Снега нет в радиусе около ста метров.

Местность холмистая, окруженная высокими, цепляющимися краями друг за друга сопками. В ложбинах и на склонах холмов растут роскошные для Колымы лиственницы, упругий тальник и стройные тополи. Невдалеке протекает небольшая речушка, Макар называет ее Талой. Она покрыта льдом, но тонким и не везде. Температура воды в лужицах 90,4 градуса.

Уголок совершенно райский. Не ожидал найти такую прелесть на Колыме. Со временем мы обязательно построим здесь курорт. Было бы неплохо обосновать на этом месте и будущий центр Колымы, но далеко от моря, побережье бухты Нагаева подходит больше.

21 декабря...

Движемся медленно, километров 15—20 в сутки. Глубина снега достигает двух и более метров, олени едва плетутся. Макар, Казанли и я идем на лыжах впереди, пробиваем им дорогу. Лыжи выстрогали на Талой сами. Они сырые и тяжелые. К вечеру ноги словно налиты свинцом. Если бы не мороз и пурга, было бы еще ничего.

31 декабря...

Подшли к перевалу на Среднекан. Дня через три-четыре будем у наших.

Одиннадцать часов вечера. Макар ушел в палатку рабочих. Мы сидим вдвоем с Казанли и по случаю Нового года читаем стихи. Опять Маяковский и Блок».

Начало.... Губительные пороги на реках, снега, злые морозы и пурги, безграничная, окутанная холодным таинством тайга и двадцать два человека. Лицом к лицу с жестокой природой, лицом к лицу с недобрым бродячим людом. Они сказали: будет порт, и вот он, порт Нагаево: литые бетоном причалы, катера и лодки, баржи, трудяги-буксиры и океанские лайнеры-гиганты. Они сказали: будет город, и вот он, белокаменный Магадан. Они сказали: будет дорога, и вот она, опоясавшая всю Колыму автогасса — тысячи километров и тысячи машин. Они сказали: будет курорт, и вот он, курорт Талая, самый северный в нашей стране, бальнеологическая лечебница в районе вечной мерзлоты!

Каждому человеку дорог тот уголок земли, где он родился. И, наверное, так же дорога ему та земля, которую он согрел своим сердцем и мечтами, по которой проложил тернистую тропу первооткрывателя. Едешь по колымской трассе и невольно ловишь себя на мысли, что смотришь на все глазами первых разведчиков этого края. Плывут навстречу придорожные поселки, мелькают за окном машины телеграфные столбы, уходят в тайгу линии электропередач. Часто по сторонам трассы роятся в земле драги. Они громадны, как могучие морские дебаркадеры, и так же громадны и гряды насыпанных ими холмов. Драги медленно ползут по ручьям между ними, и с дороги видны только высоко поднятые жерла транспортеров и верхние палубы. Случается, из-за холмов внезапно выскакивает на дорогу машина, нагруженная зелеными металлическими контейнерами. Это везут добытое драгами золото, везут открыто, точно бидоны с молоком. Провожаешь взглядом такую машину, и хорошая радость рождается в душе, будто ты сам сделал возможным, чтобы вот так шли по дорогам машины, нагруженные миллионами.

ГОРОД НА ИСЕТИ

В. ПЕТРОВ

Дорогу за Каменный Пояс русским проложил Ермак. В 1644 году на речке Каменке был основан Далматовский монастырь. Предприимчивый игумен Исаак построил при монастыре первый в Зауралье небольшой железный заводик. Он-то и положил начало промышленному освоению края. В том месте, где Каменка впадает в Исеть, был поставлен казенный чугуноплавильный завод и новый город — Каменск-Уральский.

Город на Исети сразу прославился на всю страну, как кузница оружия для русских армий.

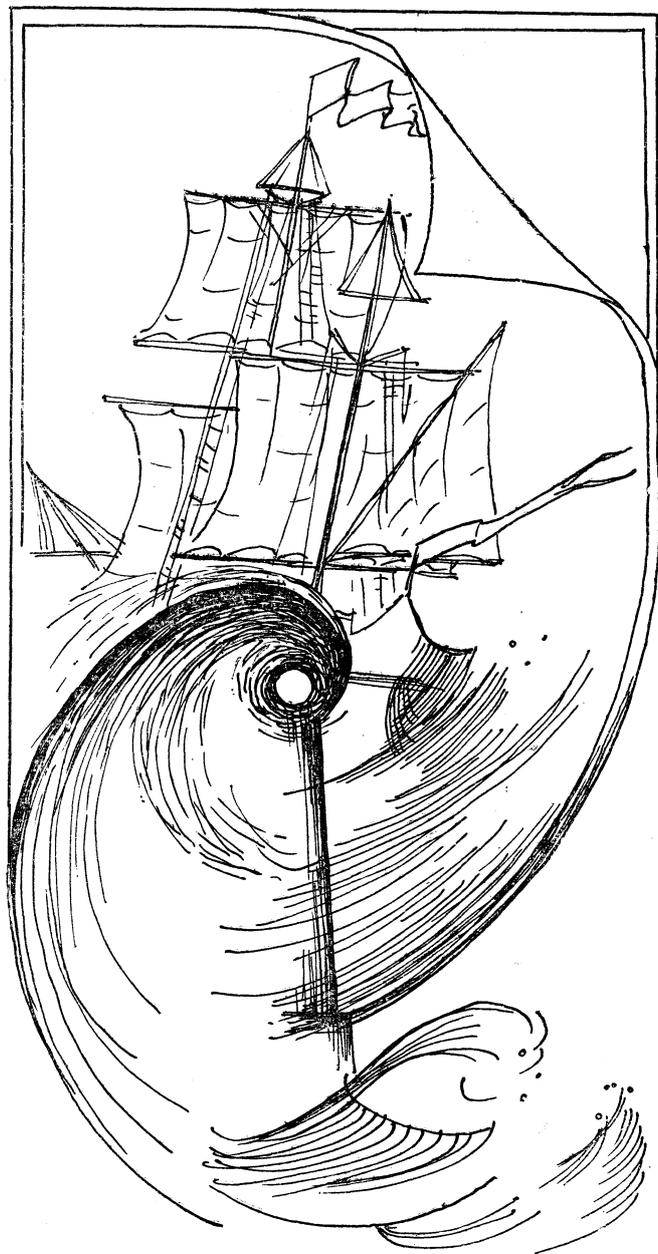
С веками завод обветшал, и закрыли бы его на замок, как случилось с иными старинными уральскими заводами. Но на берега Исети пришла новая жизнь.

При Советской власти, в годы индустриализации, на месте ветерана выросло современное предприятие — Синарский трубный завод. Рядом поднялись корпуса гиганта по производству крылатого металла XX века — Уральского алюминиевого завода. Металл с маркой «УАЗ» известен теперь всюду в стране, в десятках зарубежных государств.

Металлургический завод, Красногорская ТЭЦ — крупным индустриальным центром страны стал город Каменск-Уральский, отмечающий ныне свое 275-летие. С тех пор, как сюда пришли первые русские мастеровые люди, город изменился неузнаваемо. Только за последние десятилетия он вырос в 30 раз. Сейчас в Каменске-Уральском живет около 200 тысяч человек.

Привольно раскинувшийся на четырех берегах, среди сосновых боров и березовых колючих, город-труженик красив, зелен...

**Борис
ВОДОПЬАНОВ**

*Рисунки
С. Малышева*

Двенадцать парусников

Потапово — небольшой рыбацкий поселок в низовьях Енисея. Мне довелось побывать в нем один-единственный раз, да и тому я не рад — такой там приключился конфуз. С виду пустяк, шутка, но если вдуматься...

Собственно, конфуз приключился не в самом поселке, а на борту теплохода «Истра», на котором мы застряли во льду как раз против Потапово. Шли с грузом леса из Игарки, с трудом пробивались по замерзшей реке навстречу ледоколу, а ледокол, как на грех, задержался в Дудинке. Потихоньку-полегоньку, мы и намотали на счетчике лага девяносто две мили — как раз от Игарского причала до Потапово. А уж тут и застряли, вмерзли в лед как раз против поселка...

Настенный английский календарь смутил мое спокойствие еще в Игарке, ранним утром, когда мы только собирались отходить от грузовой стенки. Вот это был календарь! Он висел в штурманской рубке под судовыми часами. Двенадцать месяцев, двенадцать ярких глянцевых листов, и на каждом — по знаменитому старинному паруснику во всем великолепии полностью оснащенных фок, грот и бизань-мачт, пенных бурунов под форштевнями и длинных вымпелов, гордо вознесенных в беспокойное океанское небо.

— Это нам в Гулле снабженец, мистер Хартли, презентовал, — похвалился молодой капитан, щеголеватый и ироничный. — Купили у него двести тонн пресной воды, так он нам в знак благодарности...

— Между прочим, — в шутку заметил я; — год уже кончается. Через два месяца календарь свое отслужит. Вам не жалко будет выбрасывать за борт такую красоту?

— Намек понял, — засмеялся капитан. — Отказать, лоцман, отказать! Сейчас по всем морям осенние шторма, ненастье, а на этих картинках, полюбуйтесь-ка, волны какие синие. Глянешь, и сразу на душе веселей...

Потом началась проводка, и стало не до пестрых картинок. А к моменту, когда наш теп-

лоход застрял во льду против Потапово, календарь успел уже примелькаться, и я просто забыл о его существовании...

День был солнечный и остро-морозный. Судно едва успело остановиться, как к нему со всего поселка сбежались ездовые собаки и принялись дружно облаивать непрошенных гостей. С борта прямо на лед спустили рабочий трап, и всем свободным от вахты было разрешено прогуляться на берег.

От первой группы я отстал, вторую не стал дожидаться — пошел один. Обрывистый берег Енисея в этом месте прогибается пологой безлесной седловиной, на склонах которой и приютилось два десятка деревянных изб. Спрятав руки в карманы меховой шубы, я без всякой конкретной цели шагал от одной избы к другой.

— Вы с парохода? — раздался вдруг красивый женский голос. Подстать голосу была и его обладательница. Она стояла на крыльце длинного многооконного барака, смущенно улыбалась чуть раскосыми коричневыми глазами. В бараке, я знал, размещалась школа-интернат.

— С парохода.

— А вы случайно не капитан? — Поводом для заблуждения служил, видимо, золотой «краб» у меня на шапке.

— Нет. А в чем дело?

— Я старший воспитатель. Мы хотели бы устроить экскурсию для ребят. Сейчас у них кончаются занятия, потом обед, а после обеда вместо сна и прогулки...

Коричневые глаза спрашивали, ждали, надеялись.

— Это вполне осуществимо, — ответил я, в самом деле уверенный, что отказа со стороны капитана быть не может.

Последовали радость, горячие благодарности и наконец — деловой разговор о времени и прочем.

Капитан не только не отказал, но даже и обрадовался.

— Запишем это дело в графу культмероприятий, — сказал он, довольно потирая руки. — А там, глядишь, и в годовой отчет закатим. Для весу...

Их было без малого шестьдесят человек — детей прибрежных, лесных и тундровых стойбищ. Помножьте детскую любознательность на первозданную новизну всего, что они увидели на борту океанского судна, и многое вам станет понятно.

Правда, вначале, когда детей разделили на три группы и повели осматривать машинное отделение, ходовой мостик и жилые каюты, все шло гладко и пристойно.

Потом с официальной частью было покончено, и капитан, подкупленный смиренностью юных экскурсантов, разрешил им вольно и самостоятельно побродить по судну. Свой широкий

жест он сделал, не посоветовавшись с воспитательницей, и был за это жестоко наказан. Через какие-нибудь полчаса нацелесовоз напоминал собой большое и доброе животное, с мудрой терпеливостью сносящее любые детские шалости. Гвалт стоял от нижних машинных решеток до марсовых площадок на мачтах. Бронзовый колокол беспрерывно отбивал склянки. Штурвал, предусмотрительно отключенный от рулевой машины, вращался десятками рук вправо и влево до упора. Газированную воду из питьевых установок глотали по пять-шесть стаканов на брата.

Кто-то из матросов подарил ребятам фотографию судна, а старший помощник принес им списанную штурманскую карту: борьба за обладание подарками порядку не содействовала. Обойденные удачей горевали недолго. Сперва робко, потом все уверенней принялись они за самоодаривание. Первой жертвой стала схема звездного неба из астрономического справочника.

— Это можно взять, товарищ капитан?

— Ладно, берите.

Затем очередь дошла до самого справочника, благо был он прошлогодним и для вычислений уже не годился.

— Берите, чего уж там.

Потом подвернулись под руки гербовые бланки для радиограмм. И пошло, и поехало:

— А это можно? А это? А вот это?..

— Пойду-ка я к себе в каюту, — сказал капитан вахтенному помощнику, малодушно, но честно капитулируя. — Пересажу взаперти это лихолетье. Главное — следы, чтоб хронометр и компас на части не разобрали... Тащите, грабьте, — на ходу отмахнулся он от ребят, не обращившись и даже не интересуясь, о чем там идет речь...

Не было никакой возможности собрать ребят вместе, чтобы разом увести их с судна. Напрасно вахтенный помощник расточал через судовую трансляцию свое красноречие. Старшая воспитательница с раскрасневшимся лицом металась по всему теплоходу в тщетной надежде урезонить своих питомцев. Ее прекрасные раскосые глаза влажно блестели. Только появление ледокола могло бы избавить нас от беспощадного рукасто-глазастого нашествия.

Решив последовать примеру капитана, я заперся в своей крошечной лоцманской каюте, благо дверь ее выходила прямо в штурманскую рубку. Впереди предстояла трудная бессонная ночь, и теперь было не лишним часик-другой «посидеть на спине», как выражаются моряки...

Когда вахтенный помощник деликатным стуком в дверь разбудил меня, ледокол только еще показался из-за дальнего поворота реки. Через лобовые стекла рубки было видно, как ребята тесной гурьбой удаляются по заснеженному

льду в сторону поселка, на ходу продолжая разрешать свои споры.

— Ушли, — подтвердил вахтенный помощник, вытаскивая из стола путевую карту и расстилая ее на штурманском столе. Похоже, он и сам еще не до конца верил в свершившееся чудо.

Минуту спустя на мостике появился капитан. По-хозяйски осмотрев хронометр, барограф и прочую хрупкую технику, он с облегчением вздохнул:

— Слава богу, кажется, действуют.

Я испытывал некоторую неловкость перед капитаном. Черт меня дернул выступить ходатаем во всей этой затее. Хорошо, хоть кончилось все благополучно...

— Н-даа, — многозначительно протянул капитан, барабанив пальцами по крышке штурманского стола и не сводя глаз с переборки под судовыми часами. Я глянул туда же, и настроение мое окончательно скисло. Место под часами пустовало. Английский календарь исчез, все его двенадцать парусников уплыли далеко и навсегда.

— Ну и детки пошли, — покачал головой капитан и с двусмысленной усмешкой уставился мне в глаза. — На ходу подметки режут. Придется заказывать мистеру Хартли еще двести тонн воды...

К счастью, у меня хватило ума и выдержки ничего ему не доказывать, никого не звать в свидетели. Не мог же капитан и в самом деле заподозрить меня...

Он шутил, конечно.

Ржавая бочка

Вообще-то я лоцман, и мое главное занятие — водить морские суда по Енисею. Но вот беда — зима у нас в Заполярье очень длинная. Как уйдет в ноябре последний караван с лесом из Игарки, так и до самого июля ни дымка, ни звука над рейдом. Скучно.

А всего скучнее — ночные дежурства в портовой диспетчерской. Спать нельзя, не положено. Да и попробуй уснуть, если каждые полчаса дежурный радист звонит тебе по телефону, сообщает речные глубины по водомерным постам. Читай книги, учи английский язык. А то еще

придумало начальство, чтоб мы составляли графики глубин за прошлые годы. Вот и роешься в журналах десятилетней давности, елозишь локтями по миллиметровке. Одна точка, вторая, сотая. Ночь длинная, за окном пурга. А в диспетчерской тепло, и вдоль стены, увешанной картами трассы, мягким соблазном вытянулся диван. Веки тяжелеют, точки на миллиметровке начинают мельтешить надоедливой мошкой...

Стоп! В старом журнале глубин, листая его страницы, натыкаюсь на забытую кем-то закладку — сложенный вдвое, пожелтевший от времени листок, исписанный четким, уверенным почерком. Читаю:

«Начальнику Игарского морского порта от капитана лоцмейстерского судна «Иней» Татаринцева П. В.

Рапорт.

17 сентября 1934 года через судовую радиостанцию мною получено сообщение о выходе из Игарки английского парохода «Игл», в связи с чем мне предписывалось принять все возможные меры к исправлению проблесковых огней на створных знаках Сопочного острова. По прибытии к месту работ было установлено, что из-за крутой волны при сильном восточном ветре и снегопаде высадка маячного мастера невозможна без риска для его жизни. Однако необходимость высадки была очевидной, так как неисправность огней влекла за собой дорогостоящий простой иностранного судна. Хорошо сознавая это, маячный мастер Егоров добровольно вызвался высадиться на остров и произвести всю необходимую работу. Кроме инструментов и приборов тов. Егоров взял с собой трехдневный запас продуктов и комплект меховой одежды. Команду вельбота, с которого производилась высадка, возглавлял мой старший помощник.

В 11-25 по судовому времени вельбот достиг острова, приблизившись к нему насколько позволял накат. Тов. Егоров, раздевшись догола, прыгнул в воду и направился к берегу, держа над головой прорезиненный мешок с инструментами и одеждой. При этом волна подкатывала ему под самую грудь. Выйдя на берег, тов. Егоров оделся во все сухое и направился к ближайшему створному знаку.

Ремонт занял два с половиной часа. Проблесковая аппаратура на обоих знаках была исправлена и отрегулирована, после чего тов. Егоров, действуя в обратном порядке, возвратился на ожидавший его вельбот. При этом из неплотно завязанного мешка нечаянно выпал в воду и утонул судовой секундомер марки «Омега» за № 62784, каковой и прошу списать с моего подотчета».

Следовали дата и подпись капитана.

Сорок лет! Меня в ту пору и на свете еще не было, а неведомые мне люди водили кораб-

ли по Енисею, лезли в ледяную воду, чтобы зажечь маячные огни на низком пустынном острове, и были озабочены списанием утонувшего секундомера.

Где оно теперь, лоцмейстерское судно «Иней»? Покоится где-нибудь на дне? Или, переплавленное и перекованное, разбросано из пушечных жерл по бесчисленным полям минувшей войны? Или тихо ржавеет гвоздями в этих вот теплых деревянных стенах, укрывающих меня от непогоды?

А сам Егоров, отважный маячный мастер, — что стало с ним? Был ли он молод в ту пору и жив ли теперь? А если жив, то где, под каким солнцем отогревает свои старые кости от ледяных купелей, которых, наверное, немало было на его веку? Спасибо тебе, товарищ Егоров! Хоть и не для меня зажег ты маячные огни, все равно спасибо. Жаль, что фамилия у тебя такая заурядная: теперь и захочешь, так не вдруг разыщешь твои следы...

Тут я невольно улыбнулся. У нашего хозяйственного коменданта тоже была фамилия Егоров. Петр Васильевич, дядя Петя. Егоров, да не тот. И все-таки забавно было вообразить, как наш Егоров, обрюзгий и тучный, карабкается по узкой отвесной лестнице на верхнюю площадку маячного знака...

Вредный старик, чего уж там. Без нужды век бы не имел с ним дела. Но комендант есть комендант, никуда от него не денешься. Сгоревшая лампочка в лоцманской дежурке, постельное белье, отказавшая батарея парового отопления — все к нему на поклон. И стоишь в притворном почтении перед густосединным дядей запенсионного возраста, ворчливым, вечно настороженным и не всегда трезвым. Просьбу он в конце концов уважит, но сколько перед этим выслушаешь ворчливых нравоучений, с какой неприязнью успеешь разглядеть и отеки под его глазами, и каждую трещинку на лацканах его затрапезного кожаного пальто. И эта любимая присказка: «Не глупее нас с вами...»

Нет, не позавидуешь такому однофамильцу. Да и может ли быть иной натура человека, жизнь которого течет среди всех этих мелочей — рукомойников, простыней, щитов с пожарным инвентарем...

Но довольно о нем, о нашем занудном коменданте. А то, чего доброго, легок на помине, явится с ночной проверкой, начнет окурки в пепельнице разглядывать. Случалось и такое.

А потемневший листок с капитанским рапортом я взял себе на память. Документ, история...

Было уже лето, конец июня. Яркое круглосуточное солнце высушило и прогрело наш деревянный город, но с Енисея еще тянуло про-

хладным запахом льда, в несметном количестве вынесенного на берег весенним половодьем.

В один из выходных дней в Игарке проходил комсомольский воскресник по сбору металлического лома. Лом предназначался для постройки морского лесовоза.

Был воскресник и у нас в порту. И вот в поисках металла наше беспокойное внимание остановилось среди прочего на железной бочке для «пожарной воды». Стояла эта бочка около портового гаража — красная, с белой надписью: «Емкость № 1». Точнее сказать, бочка не стояла, а лежала. Она была невероятно длинной, ее пропорции напоминали гигантскую папиросу. Сколько помню, бочка всегда была яркой и неприменной деталью околопортового пейзажа. И вот теперь обнаружилось, что она в нескольких местах проржавела, лежит сухая и заброшенная.

Обратились к коменданту.

— Мешает?! — недовольно фыркнул дядя Петя, ощупывая бочку по клепаным швам и заглядывая внутрь ее. — Пустая?! Для вас — железка. А эта железка, между прочим, когда-то была трубой парохода.

— Какого? — спросили мы.

— А вот такого... Волоките свой автоген, режьте!..

Он тяжело распрямился, безнадежно махнул рукой и вытер ладони о штаны. Мы глядели ему в лицо, ждали.

— «Иней» был пароход. По Енисею ходил, маяки зажигал для моряков. Вас, умников, тогда и во сне еще не было.

— А вы на «Инее» не работали? — невольно вырвалось у меня.

— Какая вам разница? Люди работали. Не глупее нас с вами...

САБЛИ АТАМАНА

Юрий
НЕМИРОВ

Сж. 2-ю стр. обложки

3 мая 1918 года на соборной площади Новочеркасска генералу Краснову вручили символы атаманской власти. Устроители обставили церемонию как можно пышнее: ради этого из музея взяли «на прокат» знамена донских казаков.

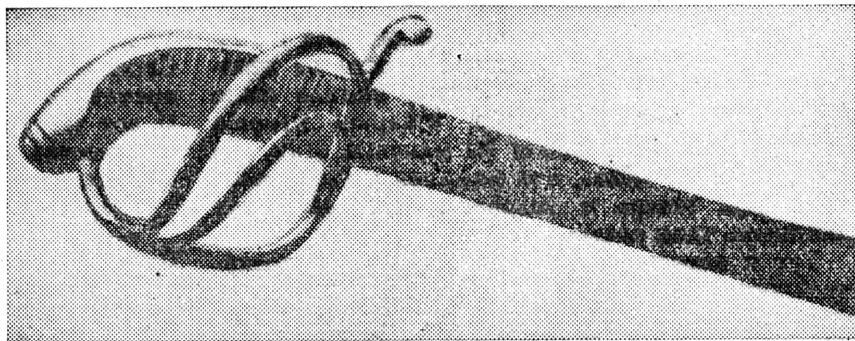
В первый раз это произошло несколько дней спустя после самоубийства генерала Каледина в атаманском дворце. Каледин застрелился 11 февраля 1918 года, а две недели спустя Новочеркасск был взят казачьей бригадой Донревкома. Вскоре в город приехал писатель А. С. Серафимович, напечатавший 10 апреля в газете «Известия» очерк «На родине».

Белогвардейская Добровольческая армия завоевала репутацию армии грабителей и убийц. Серафимович так написал об этом:

«Целую ночь добровольцы под страшной тайной возили что-то. На улицах были расставлены часовые. Показывавшихся убивали. Утром добровольцы со штабом, с генералами исчезли. К ужасу чистой публики и особенно родителей, отдавших своих сынов в Добровольческую армию, в город вступили советские войска.

Нашли семнадцать трупов дрогалеи, которых ночью, оказывается, добровольцы заставляли перевозить захваченное в банках золото. Когда они перевезли, их убили, чтобы они не выдали тайны. Думают, что всего золота добровольцы не могли с собой увезти; часть зарыли и скрыли в Новочеркасске, а возчики были убиты».

Второй раз белогвардейцы стали взломщиками в декабре 1919 года, когда стало ясно, что Новочеркасск придется в скором времени сдать наступающим частям Красной Армии. Началась спешная эвакуация вой-

сковой казны, ценностей Донского музея и музея лейб-гвардии Казачьего полка, стоявшего до революции в Петрограде. К сожалению, невозможно установить, что же именно было вывезено из Новочеркасска сначала в Ростов, а потом — в Новороссийск и погружено на суда, идущие в сторону Турции. Описи ценностей, украденных у народа, не существует. Да и не было ее, судя по всему: слишком торопился атаман Богаевский. Бригада Дмитрия Жлобы уже подходила к окрестностям города, и поздним вечером 7 января 1920 года Новочеркасск снова стал советским.

Что же было украдено тогда из запасников и экспозиции Донского музея, созданного в 1899 году? Нет сомнения, что прежде всего воров в офицерских мундирах денкинской армии привлекли такие явные ценности, как атаманский пернач из чистого золота, золотые венцы скифских царей и другие археологические находки из благородного металла, раскопанные в тех самых донских курганах. Коллекция холодного оружия, собранная в Донском музее, тоже была погружена некоторое время спустя в Новороссийском порту в трюм итальянского парохода «Чита ди Венеция». Эта коллекция

стоит того, чтобы сказать о ней особо.

В дальний путь по европейским странам отправилась роскошная парадная сабля императора Александра Первого. Она была жалована славному Войску Донскому за его подвиги в войне с Наполеоном. Сделана сабля мастером из Златоуста Петром Тележниковым. Слева и справа золотом на клинке нанесен орнамент. В наши дни, вернувшись после многолетнего отсутствия в Новочеркасск, эта сабля, как и раньше, хранится в позолоченном ларце, на котором изображено четыре барельефа на темы войны с наполеоновской Францией: Бородинская битва, освобождение Москвы, «битва народов» при Лейпциге, взятие Парижа.

Две сабли из числа самых почтенных по возрасту в коллекциях музея в Новочеркасске принадлежали казаку Федору Машлыкину и старшине Андрею Максимовичу Харитонову.

Из трех сабель атамана Матвея Платова, вернувшихся в постоянную экспозицию Новочеркасского музея, одна подарена ему Лондонским городским советом с такой памятной надписью на клинке: «Городской совет, заседавший в ратуше города

ПЛАТОВА

Лондона в среду, 8 июля 1814 года, единогласно решает, что сабля стоимостью 200 гиней презентуется герману графу Платову в знак высокого уважения, которое совет питает к непревзойденному мастерству, блестящим талантам и неустрашимому мужеству, проявленным им во время длительных конфликтов, в которых он принимал участие для обеспечения свободы, мира и счастья Европы».

Сказано довольно витиевато, но верно. Матвей Иванович Платов не жалел себя ради победы над врагом, пришедшим на русскую землю. Он и дочку свою Машеньку обещал отдать за того из донских казаков, который сумел бы взять в плен Наполеона. И приданое было определено на этот случай атаманом в 50 тысяч золотых червонцев. А Наполеон, рассказывают, говорил: «Дайте мне лишь одних казаков, и я пройду с ними всю Европу».

Вторая сабля Платова некогда принадлежала его отцу. На клинке выгравирована такая надпись: «Божью милостью, мы, Екатерина Вторая — императрица и самодержавица Всероссийская и прочая, прочая, прочая, пожаловали сею саблею Войска Донского походного сотника Ивана Платова». С этой саблей Матвей Иванович Платов, создав ополчение донских казаков, пошел воевать с Наполеоном, с нею он был и на Бородинском поле.

Наконец третья сабля атамана была подарена Матвею Платову за участие в Персидском походе 1796 года. На рукояти иранского типа с гнездами для драгоценных камней выведена надпись: «За храбрость».

Пришлось бы очень долго перечислять, что же именно было украдено белогвардейцами в Донском

музее. Примерная стоимость ценнейших экспонатов и боевых реликвий, уплывших из России, — девять миллионов рублей золотом...

А как можно оценить тогда же пропавший войсковой архив?! Его судьба и раньше складывалась трагически. Он хранился в первом, по определению генерала Н. Н. Раевского, «гнезде донских казаков» — в городе Черкасске (ныне это станция Старочеркасская в 25 километрах выше Ростова-на-Дону). 27 августа 1744 года в старой казачьей столице произошел взрыв порохового погреба. Seriously пострадал Воскресенский собор, где находился войсковой архив. Погибло много документов эпохи Степана Разина и Кондрата Булавина, сгорели все боевые регалии Войска... Оставшуюся часть архива хранили в соборном подвале, и только в 1885 году бесценные документы были перевезены в Новочеркасск. Отсюда они и были похищены белыми...

...Вместе с директором музея истории донского казачества Петром Ивановичем Молчановым идем по залам, посвященным участию казаков в Отечественной войне 1812 года и русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Молчанов рассказывает:

— Почти ничего из того, что вы видите здесь, у нас не было. Знамена и штандарты казачьих полков, сабли Платова, Александра Первого и безвестных ныне героев разных сражений — все это было украдено и увезено за границу. Золото пропало в кабаках Константинополя, Белграда, Варны... В 1927 году Донская историческая комиссия (была такая комиссия у белоэмигрантов) передала на хранение в Пражский Национальный музей многое из того, что было увезено белогвардейцами из нашего города. Большую

помощь в розыске реликвий нам оказали работники музея в городе Праге. При их активном содействии в июле 1946 года мы получили из Праги 2726 единиц хранения (есть у музейных работников такой термин).

...Итак, сабли вернулись в родные пенаты. Но сколько же ценностей, сколько свидетельств доблести донских казаков на полях сражений с врагами России так и пропало бесследно?

Время от времени в зарубежных белоэмигрантских кругах устраиваются выставки казачьей одежды, оружия... Не там ли надо искать следы пропавших сокровищ донской истории?

Критическая ситуация, как нередко бывает в жизни, возникла до ужаса просто и нелепо...

— А теперь сфотографируй меня здесь, Стен! — весело прокричала Глен и легко взбежала на причудливо изогнутый ажурный мостик, переброшенный через узкую щель каньона.

Внизу, в головокружительной глубине, крутятся и пеняясь, неся стремительный горный поток.

Глен тряхнула головой, отбросив на спину волну золотистых волос, и, улыбаясь, облокотилась на перила.

— Ну...

Фостер поймал ее в прямоугольник видоискателя и приготовился нажать спуск.

Он знал, что произойдет через мгновение...

Глухой треск. Прогнившие перила не выдержали.

— Глен! — дико закричал Стенли Фостер.

Но было поздно. Теряя равновесие и цепляясь за рассыпающиеся перила, Глен закачалась над пропастью.

Выпустив из рук фотоаппарат, Стенли в два прыжка взлетел на мостик и успел ухватиться за изогнувшуюся полированную рейку в тот самый момент, когда она готова была оторваться от последнего крепления. Мышцы его, ощутив тяжесть, мгновенно напряглись. Там, внизу, над пустотой, ухватившись обеими руками за другой конец рейки, беспомощно висела Глен.

— Держись, Глен... — прохрипел Стенли, осторожно подтягивая к себе рейку вместе с девушкой. — Держись...

Он видел, как ее руки медленно скользят по полированной поверхности. Только бы успеть...

Стенли знал, что не успеет!

Продолжая подтягивать рейку одной рукой, он перегнулся через край настила и попытался дотянуться до Глен. Ему не хватило каких-нибудь сантиметров...

Пальцы Глен соскользнули к самому концу рейки. Торопясь, Стенли рванул рейку к себе, и его рука почти коснулась руки Глен. Отчаянным усилием девушка попыталась подтянуться

ему навстречу, но рейка вырвалась у нее из рук, и Глен с пронзительным криком унеслась в бездну...

Словно вдогонку, с дерева, низко нависшего над мостиком, сорвался большой, рано пожелтевший лист. Плавно кружась в застывшем полуденном воздухе, он коснулся мостика, проскользнул под сохранившейся частью перил и, на мгновение неподвижно повиснув над пропастью, ринулся вниз, видимо, попав в нисходящий поток воздуха.

С трудом удержав равновесие на покачивавшемся настиле, Фостер мгновенно выпрямился, продолжая держать в руках ненужную теперь рейку. В его ушах все еще звучал последний крик Глен.

Он слышал этот крик в четвертый раз...

А день начинался чудесно. После недели нудных дождей впервые появилось солнце, и они с Глен забыли о недавней ссоре.

Между ними нередко вспыхивали споры об отвлеченных предметах, незаметно переходившие, к неудовольствию Стенли, в обсуждение их собственных отношений, что почти всегда оканчивалось взаимными обидами.

— Не могу понять, — сказала Глен, — зачем это нужно — поворачивать вспять время?

— Люди многое бы отдали, чтобы прожить минувший день еще раз и не повторять ошибок, которые они совершили.

Глен с сомнением покачала головой:

— Нет... От человека мало что зависит. У каждого свой путь, и он должен по нему пройти...

— Ты веришь в судьбу?

— Свою судьбу я, во всяком случае, знаю... Томиться в одиночестве, пока ты дни и ночи проводишь в своей лаборатории.

— Ведь ты знаешь, на какую идею я натолкнулся!

— Но уходят месяцы и годы, — грустно заметила Глен, — и не вернуть их никаким хроноскопом.

— Потерпи, — мягко сказал Стенли. — Осталось совсем немного... Пойми — это мой долг перед людьми...

Это было вчера... А сегодня утром, когда Глен еще спала, Стенли удалось справиться с последним препятствием. Он закончил монтаж и теперь мог позволить себе передышку.

Правда, сделан был только самый первый шаг: построенный Фостером вариант хроноскопа позволит возвращаться в прошлое всего на какие-нибудь два часа... Но преграда, веками казавшаяся совершенно неприступной, наконец, была преодолена!

Глен предложила провести этот день в Шаленском парке...

КРУГ

Рассказ

**Виктор
КОМАРОВ**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

Оставив машину у подножья горы, они вскарабкались по узкой тропинке на верхнюю террасу, и тут Глен захотелось сфотографироваться. А потом этот роковой мостик...

Несколько мгновений Стенли стоял, оглушенный случившимся, ничего не видя вокруг. Потом его пронзила мысль, которая неизбежно является каждому, кто стал свидетелем или жертвой несчастного случая: ведь этого могло и не быть. Если бы вернуть назад всего несколько минут и проявить совсем немного осмотрительности и осторожности...

Стенли вздрогнул. Для всех остальных людей, живших на Земле, подобные сожаления были, увы, запоздалыми. Но у него... У него был хроноскоп!

Еще не успев ничего обдумать, Фостер, скользя по усыпанной сосновыми иглами крутой тропинке и обдирая руки о колючий кустарник, помчался к оставленной внизу машине.

Прежде всего — успеть! Сюда они с Глен добирались часа полтора. Не меньше пятнадцати минут понадобится на то, чтобы аппаратура вошла в режим. Сейчас около полудня...

Значит, он во что бы то ни стало должен попасть в лабораторию не позже половины второго. И то времени останется в обрез, ведь необходимо сдвинуть его вспять настолько, чтобы захватить момент, предшествовавший несчастью. А подвластны Стенли всего два часа...

Вскочив в машину, он чуть ли не с места дал полный газ. Вообще Стенли не любил слишком быстрой езды, и по этому поводу у него тоже нередко возникали споры с подвижной, экспансивной Глен. Но сейчас он развил бешеную скорость, выжимая из машины все, что можно...

Когда позади осталась большая половина пути, Стенли вдруг показалось, что, создавая хроноскоп, он допустил элементарную непоправимую ошибку. Ведь каждому мало-мальски грамотному физику отлично известно, что вторгаться в прошлое, изменять его — ни в коем случае нельзя! Последствия таких изменений могут прийти в противоречие с уже совершившимися событиями и создать неразрешимые парадоксы. Путешествующий на машине времени, возвратившись в свою эпоху, рискует встретить катастрофические перемены. И, уж конечно, абсолютно недопустимо возвращать к жизни человека, который ушел из нее...

Но тут же неожиданное затмение прошло, и Стенли облегченно вздохнул. Ведь он десятки раз обдумывал эту проблему. И давно пришел к выводу, что к его хроноскопу все это не имеет ни малейшего отношения.

Хроноскоп — не машина времени, перенося-

щая путешественника в различные эпохи. Это аппарат, возвращающий вспять само время. После его включения мир мгновенно оказывается в прошлом. Правда, пока только на два часа... Такой переход как бы стирает все, что успело за эти два часа совершиться. И если в повторном варианте какие-то события будут развирываться иначе, парадоксов все равно не произойдет...

Фостер на мгновение оторвал взгляд от летящей навстречу дороги и посмотрел на часы. Как он ни спешил — времени оставалось в обрез.

Перескакивая через ступеньки, Стенли взлетел по лестнице, дрожащей рукой повернул ключ, рванул дверь и, метнувшись к пульту, одну за другой нажал пусковые кнопки. Лабораторию наполнило мерное гудение.

Потом он снова посмотрел на часы. Осталось минут двадцать — не больше. Но теперь он успеет!..

Гудение постепенно нарастало. В него вступил новый свистящий звук, словно откуда-то рвалась упругая струя пара. Стрелки на многочисленных шкалах плавно оторвались от нулевых отметок и поползли, отсчитывая деление за делением. Положив руку на пусковой рычаг блока управления временем, Фостер напряженно ждал. Медленно уходили минуты...

Сейчас ему не хотелось даже думать о том, что будет, если установка не сработает.

Разумеется, прежде чем приступить к сборке хроноскопа, Фостер проделал сотни экспериментов. Однако сдвиг времени в тех опытах не превосходил миллионных долей секунды. На полную мощность он включал хроноскоп впервые... Предстоял прыжок сразу на два часа... Впрочем, Стенли был уверен в том, что его расчеты не содержат ошибок. Мысль о возможности неудачи он постарался загнать в глубь сознания...

До критического срока оставалось только четыре минуты. Стараясь сохранить спокойствие, Фостер прибавил напряжение. Потом еще. И еще...

Наконец, последняя стрелка коснулась контрольной черты. Через минуту темпоральное поле должно было достигнуть расчетной величины.

Плотно сжав губы, Фостер до отказа перевел рычаг...

Гудение оборвалось сразу — и наступила необычная глухая тишина. Потом Фостеру показалось, что лаборатория наполнилась странным голубым туманом. Но сам он не испытывал никаких необычных ощущений... Туман мгновенно сгустился до полной черноты, а когда рассеялся, Фостер увидел себя снова в парке на

берегу каньона у знакомого мостика. Рядом с ним была Глен.

— А теперь сфотографируй меня здесь, Стен! — весело прокричала она, вбегая на роковой мостик.

С беспощадной отчетливостью Фостер представил все, что должно за этим последовать. И... не смог даже крикнуть, предупреждая об опасности. Как и в первый раз, он поднял аппарат, поймал Глен в прямоугольник видеоискателя...

Всеми его движениями и поступками сейчас словно руководила некая внешняя неумолимая сила. Он ощутил себя безвольной марионеткой. Это было невыносимо: казалось, он вполне мог помешать трагическому исходу и, тем не менее, поступал вопреки такой возможности.

Все повторилось точь-в-точь, словно эпизод, записанный на пленку видеомэганитофона.

И падение... И крик...

И снова Стенли, обдирая лицо и руки, мчался вниз, к машине, снова в безумной надежде бешено гнал ее по дороге, страшаясь потерять хотя бы минуту. Чтобы вновь, на самой грани критического срока, нажать рычаг хроноскопа...

И опять он оказался вблизи рокового мостика в тот же самый момент, и вновь пережил ужас катастрофы, и вновь ничего не мог сделать.

И опять этот ужасный крик. И тот же сорвавшийся с дерева желтый лист, медленно оседающий в пропасть...

А потом гонка на автомобиле, лаборатория, хроноскоп, красный рычаг...

Круг, заколдованный круг!

Только что несчастье повторилось в четвертый раз.

И Фостер понял, что попал в ловушку, из которой нет выхода. Как он мог не подумать об этом раньше?

Ведь если все однажды совершившиеся события должны повторяться с железной неумолимостью, то в их число входит и включение хроноскопа!.. И значит, теперь он, Фостер, обречен весь остаток жизни мчаться сломя голову в машине, врываться в лабораторию, включать хроноскоп, — и все только для того, чтобы еще и еще раз присутствовать при гибели Глен... Заколдованный круг, из которого ему никогда не выбраться.

Впрочем, что значит — остаток жизни? Время фактически остановилось — теперь оно вечно будет кружиться в пределах двух роковых часов: катастрофа, машина, лаборатория, хроноскоп, снова катастрофа... И опять, и опять... И так веки вечные!..

Его точно пронзило током: а Глен? Каждые два часа она будет возникать из небытия, чтобы

через несколько секунд умереть, — умирать не-счетное число раз!

Смерть ужасна — все в человеке восстает против нее, но умирать целую вечность!..

И тут же эта мысль уступила место другой, неизмеримо более страшной.

Ведь в том же самом заколдованном двухчасовом круге обречено теперь вращаться и все человечество... Нет, впрочем. Мощность хроноскопа не так уж велика, чтобы воздействовать на всю планету. И все-таки — а вдруг?..

Стенли похолодел, живо представив себе, как многие тысячи людей на Земле будут вечно умирать, а другие тысячи вечно страдать от болезней. И даже те, у кого в течение этих двух часов произошли радостные события, вряд ли станут счастливы от их бесконечного повторения. Ведь за этой радостью ничего не последует!

Фостеру мучительно захотелось проснуться и стряхнуть с себя немыслимое наваждение. Но он отчетливо сознавал, что это не сон, что ему вообще не суждено больше видеть снов, его ждет вечное бодрствование в несокрушимых пределах между двенадцатью и двумя пополуночи...

В этот момент мрачные размышления Стенли были прерваны: контрольная стрелка достигла красной черты, и водоворот времени вновь подхватил, закружил его, вынес в то же трагическое место — к змеящейся среди пышной зелени щели глубокого каньона...

Еще один неотвратимый круг... И еще один... и еще... От непрерывного калейдоскопа изнурительно повторяющихся событий Стенли постепенно терял способность мыслить. Он уже почти не реагировал на происходящее, а лишь тупо и бессмысленно продолжал автоматически играть снова и снова свою двухчасовую роль...

И все же, несмотря на липкий густой туман, обволакивающий его мозг, Фостер натренированным глазом физика-экспериментатора отметил странную деталь...

Он не мог бы сказать, на каком это случилось круге. Но он увидел, как желтый листок, сорвавшийся с дерева, на этот раз упал в пропасть, не коснувшись мостика. Ничтожное различие в несколько сантиметров. Но — различие!..

Сознание Фостера, мгновенно избавившись от оков безразличия, лихорадочно заработало, словно двигатель, к которому подключили электроэнергию.

Разница в несколько сантиметров!.. Мельчайший штрих, ничтожнейшая деталь, вряд ли способная сколько-нибудь существенно повлиять на воспроизведение событий.

Но она есть, эта разница, — вот в чем глав-

ное! Фостер не мог ошибиться, он видел совершенно отчетливо... А если так, значит, в мире в самом деле нет той железной последовательности и предопределенности всех событий, которую исповедовали физики во времена Ньютона и Лапласа...

Как же он мог позабыть?.. Случайность!.. Она есть... Вселенной правит не алгебра, исключаящая любые неожиданности и непредвиденные повороты, а вероятность... Разве сам он не объяснял много раз своим студентам, что мировые процессы необратимы? И приводил пример: если, скажем, взорвать мост через реку, а затем пустить время вспять, то разлетающиеся во все стороны осколки хотя и повернут назад, но никогда не соберутся вновь в точно такой же мост...

Прошедшее и будущее связаны неоднородно!

Падающий листок... А может быть, не только листок? Просто он не обратил внимания. Был подавлен одной только мыслью о невозможности спасти Глен.

Теперь Фостер стал внимательнее присматриваться к повторяющимся событиям. И ему удалось заметить, что некоторые детали действительно различаются. Однажды тот же лист опустился не слева от мостика, а с противоположной стороны. В другой раз на одном из перекрестков, который он неизменно проскакивал при зеленом свете светофора, его едва не задержал красный сигнал. Тогда же Фостер отметил, что аппаратура хроноскопа входила в режим на одну миллисекунду дольше, чем обычно...

Разумеется, все это были только мелкие, в общем-то несущественные детали, которые мало что могли изменить. И все же у Фостера появилась надежда. Смутная, неосознанная, неясная — и все-таки надежда.

Стенли преобразился. Он обладал бесценным для экспериментатора свойством: способностью, если нужно, сотни и тысячи раз настойчиво повторять один и тот же опыт, без усталости производить повторные однообразные измерения. До тех пор, пока не будет получен желаемый результат. Именно это всеокрушающее упорство и помогло Фостеру создать хроноскоп...

Но, прежде чем действовать, надо было все продумать и взвесить. Теперь, когда он снова обрел какое-то равновесие, в голову ему пришла поразительная мысль. Настолько очевидная, что можно было только удивляться, как она не возникла раньше. Может быть, именно в силу своей очевидности?..

Только на пятнадцатом, а может быть, на двадцатом круге Фостер обратил внимание на

то, что помнит все случившееся, начиная с момента трагедии у мостика. И все, что происходило потом, все однообразные повторения событий. А ведь он считал, что обращение времени должно стирать всякую память о событиях, которые из прошедших становятся будущими.

И разве не удивительно, что в его сознании рождаются новые мысли, которые не возникали на прошлых кругах? Все действия и поступки воспроизводятся точь-в-точь, а сознание почему-то себя не повторяет. В чем же дело?

Может быть, правы те, кто считает, что мозг — это своеобразное квантово-механическое устройство, где предшествующие состояния связаны с последующими далеко не однозначно. Система, работающая на принципе неопределенности...

Но разве не сознание управляет поступками человека? Почему же, в таком случае, он ясно видит возможность спасти Глен, но не способен совершить для этого ни одного реального шага? Почему, словно бездушный автомат, он каждый раз только повторяет и повторяет одни и те же действия? Странное раздвоение разума и тела!.. Какой-то совершенно удивительный, не укладывающийся в сознании парадокс.

Парадокс!.. Но всякий парадокс — сигнал о неведомых возможностях...

«Порвалась связь времен» — почему-то пришли на память знаменитые гамлетовские слова. Если бы Датский принц был диалектиком, он понимал бы, что именно тогда, когда рвется «связь времен» — цепь привычных причин и следствий, — и создаются наиболее благоприятные условия для прогресса, для скачка в неизвестное.

Эту истину Фостер за долгие годы своих занятий физикой успел усвоить очень хорошо. Сколько раз перед ним вырастала глухая стена, которую, казалось, невозможно было ни преодолеть, ни обойти. Но стоило только обнаружить парадокс — явление, противоречащее привычным теориям, — и всегда находилась хорошо замаскированная потайная дверца, за которой открывался совершенно новый путь.

Где же та дверца, которую он должен отыскать на этот раз?

Хотя Фостер продолжал участвовать в безостановочно вращающейся карусели событий, его сознание было теперь целиком поглощено поисками решения.

Итак, предопределения нет и события необратимы. Миром правят не железные правила механики, а законы случая. Их тоже невозможно нарушить: закон природы — это закон природы, и ничего тут не поделаешь. И все же вероятность оставляет какую-то возможность

«от» и «до», какую-то, пусть даже минимальную, свободу выбора, свободу действий. Пропасть между мыслью и действием не может быть абсолютно непреодолимой.

Теперь, подумал Стенли, все зависит от меня, только от меня. От моей сосредоточенности, воли, упорства, от веры в возможность совершить то, что я должен совершить...

Он наметил план: постараться включить хроноскоп хотя бы чуть-чуть быстрее. Тогда чуть раньше он окажется там, у мостика, — у него появится дополнительное время, и можно будет попытаться что-то изменить.

В очередной раз ворвавшись в лабораторию, Фостер величайшим напряжением воли заставил себя чуть быстрее метнуться к пульту. Электронный секундомер бесстрастно отметил, что аппаратура включена на десятую долю секунды раньше...

На следующем цикле выигрыш составил уже полсекунды.

А потом пошло и пошло! Разрыв во времени по сравнению с «исходным графиком» событий быстро нарастал и скоро достиг уже нескольких секунд. Видимо, Фостеру все же удалось что-то изменить в цепи причин и следствий.

Но у мостика пока что все оставалось прежним. Только теперь Фостер с каждым новым кругом удалялся от рокового момента все дальше и дальше в прошлое. Постепенно разница достигла почти двадцати секунд. В водоворот времени включались все новые и новые события, предшествовавшие падению Глен. Однако их последовательность оставалась неизменной. И теперь Фостер сосредоточил все свои силы, всю волю только на том, чтобы нарушить эту последовательность, выбить какое-то звено из цепи событий именно в этом месте.

Он уже потерял счет циклам, вероятно, их промелькнуло несколько десятков, может быть, даже полсотни, но сейчас это его не интересовало. Лишь однажды в его сознании промелькнула мысль о том, что пятьдесят двухчасовых циклов — это четверо суток, — четверо суток он не спал, не ел — не испытывая ни голода, ни усталости. Должно быть, так могло продолжаться целую вечность, по крайней мере — пока не перегорит что-то в хроноскопе.

Но не будет продолжаться! Он, Стенли Фостер, вызвал из бутылки этот взбесившийся вихрь времени, он его и разрушит, укротит, разомкнет заколдованный круг. Теперь, после того, как в сражении с вечностью было выиграно двадцать секунд, — Стенли поверил в свою победу...

Надо остановить Глен, увести ее от этого проклятого мостика, увести раньше, чем она взойдет на него и обопрется о хрупкие обман-

чивые перила. И достичь этого нужно с помощью какого-то предельно минимального действия, которое прежде отсутствовало в цепи событий. Какого же?

Фостер не сомневался в том, что сколько-нибудь серьезного отступления от записанного однажды в анналах времени «сценария» ему при всем желании и настойчивости осуществить не удастся...

Заставить себя крикнуть «стой»? Но своевольная, экспансивная Глен просто его не слушает. Уж он-то ее знает... Схватить ее за руку? Слишком велико расстояние, их разделяющее, — о том, чтобы его преодолеть, нечего и думать...

Действие... Необходимо простейшее, элементарное единоразовое действие. Но такое, чтобы могло изменить весь дальнейший ход событий...

Фотоаппарат?.. Уничтожить фотоаппарат! Тогда нельзя будет фотографировать, и Глен незачем будет всходить на мостик. К тому же, разумеется, сам факт неожиданного и непонятного уничтожения дорогой фотокамеры не сможет не привлечь ее внимания. «Стрелка» окажется «переведенной». Глен будет вовлечена в другую череду событий...

Уничтожить! А как? Самое простое и незамысловатое в обычных условиях, сейчас это действие приобретало черты полной безнадежности. Разбить о камень? Но Стенли чувствовал, что способен совершить в лучшем случае лишь одно «незапрограммированное» движение. А камера висит у него на шее, на прочном кожаном ремне. Отбросить ее в сторону одним широким взмахом руки, одновременно освободив голову из петли ремня? Нет, и такое движение слишком сложно...

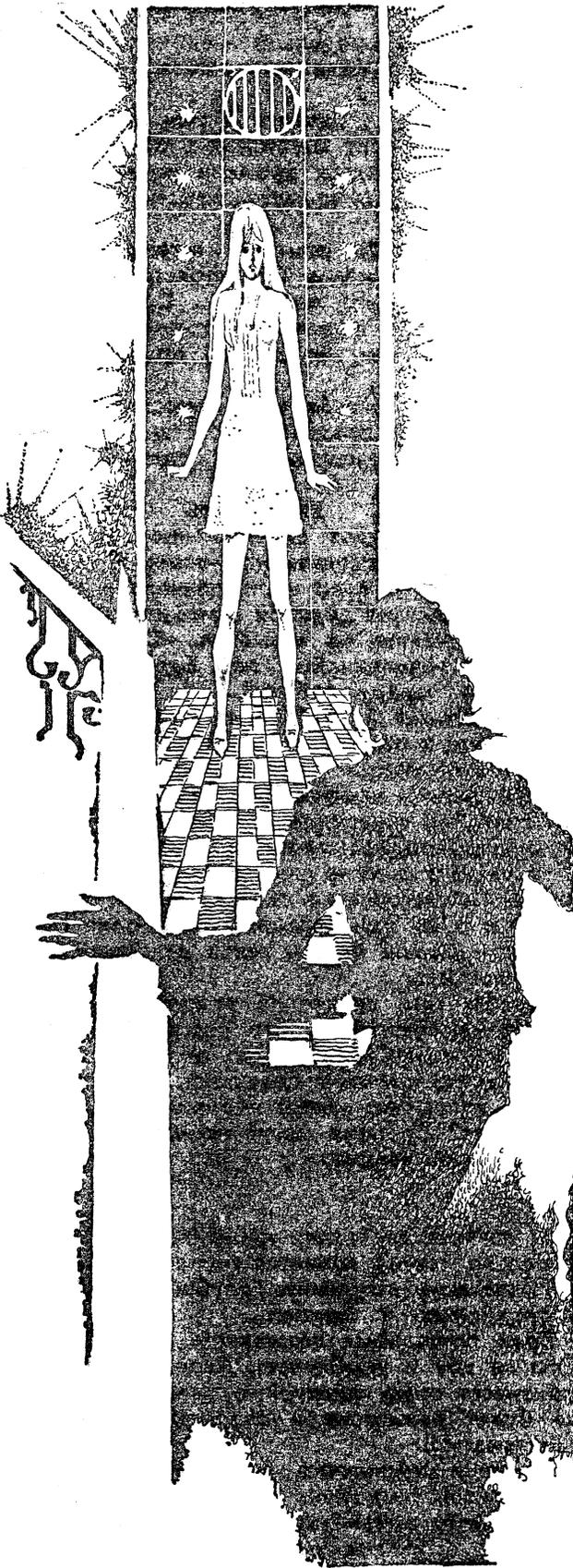
Между тем, следовало торопиться. Фостер интуитивно чувствовал, что наступил благоприятный момент. Сейчас, когда ему удалось расшатать связь причин и следствий, медлить нельзя. Кто знает, что может произойти на очередном круге? События могут принять самый нежелательный оборот.

А стрелки на пульте показывали, что через несколько секунд начнется новый цикл...

Нарастающее гудение. Голубой туман. И вот Фостер снова у мостика...

Глен привычным движением поправила волосы на лбу и улыбнулась. Через секунду она произнесет свою «дежурную реплику», и «пьеса» будет разыграна в очередной раз. Надо действовать!..

Решение сложилось мгновенно, где-то в подсознании. Во всяком случае, Стенли еще не успел ничего обдумать, а его мозг уже послал команду. Коротким резким движением руки

Стенли рванул камеру сверху вниз с нечеловеческой силой, той силой, которая рождается в критические моменты. Ремень лопнул... Стенли разжал пальцы, и аппарат врезался в каменистую тропинку. Фонтанчиком брызнули осколки стекла...

Глен повернула голову, брови ее удивленно приподнялись. Она быстро шагнула к Стенли и наклонилась над обломками фотоаппарата.

Шагнула к Стенли!.. И тем самым вышла, вырвалась из прежней своей роли, которая неумолимо вела ее в пропасть...

Новая ситуация породила и новые следствия. Хотя и теперь цепь событий во многом повторяла прежнюю.

Стенли не успел опомниться, как вновь, оступаясь и царапая лицо и руки, мчался вниз по крутой тропинке. Но на этот раз он крепко сжимал руку Глен, которая, все еще ничего не понимая, спотыкаясь и скользя, следовала за ним.

Теперь Фостеру незачем было спешить. Он достиг цели, совершил почти невозможное: вырвал у вечности жизнь Глен. Но однажды сложившаяся последовательность событий все еще влекла его по прежнему пути — к машине и в лабораторию.

И Стенли с ужасом подумал о том, что произойдет, когда, оказавшись в аппаратной и будучи не в силах воспротивиться этой неумолимой последовательности, он вновь включит хроноскоп... Чего он, собственно, добился? Снова все тот же заколдованный круг, безостановочная карусель, с той лишь разницей, что теперь рядом с ним в том же безнадежном вихре времени будет кружиться и Глен.

А возможно, все еще хуже... Появление Глен не может не внести каких-то изменений в сложившуюся цепь причин и следствий. Но каких? И какие отношения теперь могут возникнуть? Предвидеть это невозможно.

Стенли похолодел при мысли о том, что может оказаться на месте происшествия уже после рокового события. Тогда он потеряет Глен навсегда...

Если что-то можно еще сделать, то именно сейчас. Так подсказывала уже не интуиция, а логика. Благодаря появлению Глен в системе событий возникла неопределенность. Для Глен пока еще не существовало жесткого «сценария» — ведь она не принимала участия в предыдущих циклах. И ее действия зависели сейчас только от нее самой.

Пока... До тех пор, пока не замкнется круг. Следующий цикл, скорее всего, уже будет точным повторением предыдущего. Тогда и она уже ничего не сможет сделать...

Машина приближалась к лаборатории, и у Стенли почти не оставалось времени на дальнейшие размышления.

Если бы Глен хотя бы попыталась о чем-то

с ним говорить! Быть может, это помогло бы как-то повернуть ход событий и воспрепятствовать включению хроноскопа. Но она, словно загипнотизированная, всю дорогу сидела молча, вжавшись в сиденье и не отрывая испуганных глаз от несущейся навстречу асфальтовой ленты.

Впереди показался последний поворот... Взвизгнули тормоза, и Стенли, не в силах сопротивляться непреодолимому давлению «запрограммированных» событий, еще не дождавшись полной остановки машины, распахнул дверцу и выпрыгнул наружу. Момент включения хроноскопа неумолимо приближался, и теперь оставалось надеяться разве что на импровизацию...

А ноги уже несли Фостера к лестнице, ведущей в лабораторию. Но в этот момент Глен вдруг очулась от своего транса и, выскочив из машины, оказалась между Стенли и входной дверью.

— Нет! — закричала она, расставив руки и заслоняя собой дорогу. — Нет!..

Стенли остановился, словно автомат, из которого на время выключили ток. Цепь следовавших друг за другом событий прервалась.

Это было явным нарушением «сценария», хотя и не настолько сильным, чтобы Фостер освободился от его влияния и обрел собственную инициативу.

Они стояли друг против друга, замерев, неподвижные, словно статуи. А время шло...

Случилось самое худшее. Безвозвратно исчезали в прошлое секунда за секундой. А вместе с ними уходило за пределы досягаемости хроноскопа и все происшествие у мостика. Правда, оставалась еще надежда, что последующие циклы будут повторением последнего, в котором катастрофы удалось избежать. А если все вернется к исходному варианту? Когда имеешь дело с вероятностью, ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов...

Прошла минута или, может быть, несколько больше. У Фостера даже затеплилась надежда, что непредвиденная пауза затянется и окончательно разорвет цепь причин и следствий, чтобы тем самым избежать очередного включения хроноскопа.

Но тут Глен так же неожиданно отступила в сторону и бессильно прислонилась к косяку двери, освобождая путь в лабораторию...

И все вновь пришло в привычное движение.

Перепрыгивая через ступеньки, Фостер побежал вверх по лестнице.

Аппаратная... Пульт... Пусковые кнопки... Нарастающий гул генератора...

Стенли повернулся к контрольному пульту и увидел наполненные ужасом глаза Глен.

— Зачем? — чуть слышно сказала она.

Фостер не отвечал — он снова был целиком во власти «программы».

Взгляд Глен беспомощно забегал по лаборатории.

— Нет! — пронзительно вскрикнула она и, метнувшись к Фостеру, повисла у него на руке. — Не хочу...

И так как Стенли продолжал стоять неподвижно, ни на что не реагируя, она с неожиданной силой повернула его к себе.

— Слышишь? Не хочу!..

Скорее всего, этот рывок все и решил... Он словно выбросил Фостера из наезженной колеи. Стенли почувствовал себя так, будто освободился от непосильного груза. Еще не веря, что это возможно, и опасаясь, что в любое мгновение может вернуться к прежнему состоянию, он судорожно схватил лежавший на столе тестер и, торопливо размахнувшись, швырнул его в темпоральный блок хроноскопа. Туда, где с помощью хитроумной комбинации электромагнитных и гравитационных полей осуществлялось управление ходом времени.

Оглушительный треск!.. Темпоральный блок вспыхнул слепящим голубым сиянием. Аппаратная наполнилась призрачным клочковатым туманом...

Стихли генераторы...

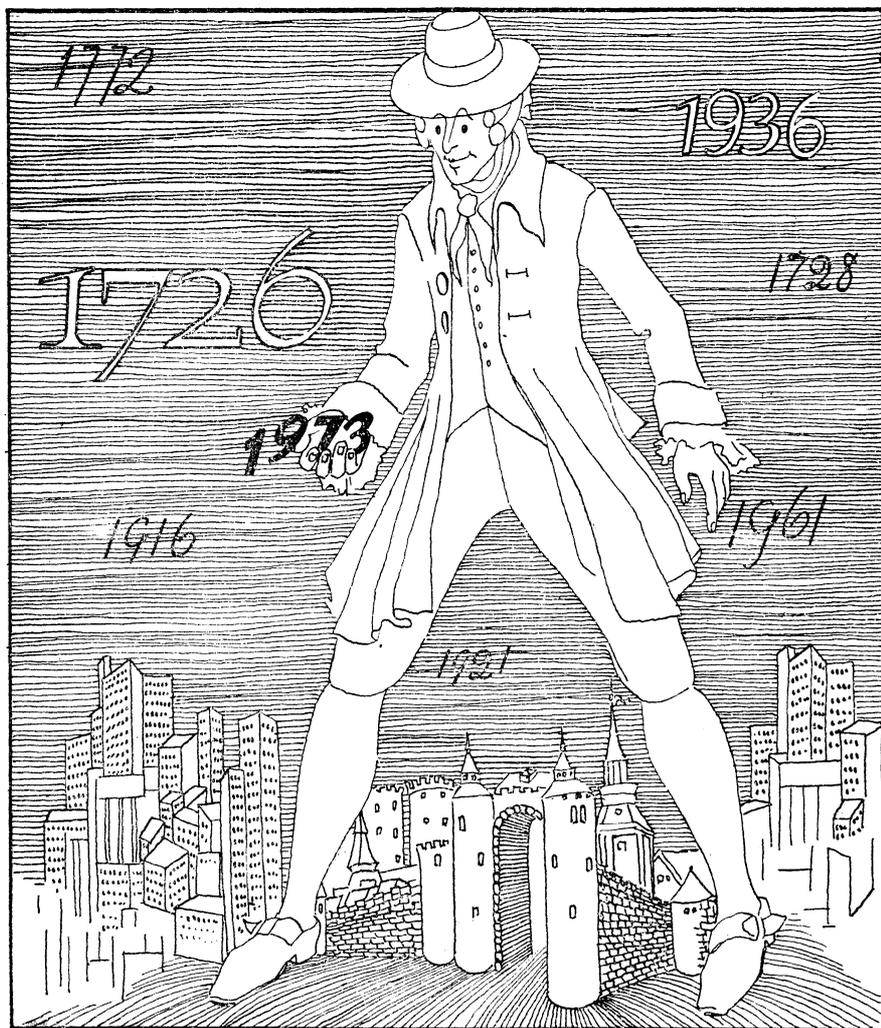
Неудержимый водоворот времени иссяк, вновь превратившись в величавый, неторопливый поток.

Стенли медленно вытер ладонью взмокший лоб и, обессилев, привалился к столу.

Дрожа всем телом, Глен прижалась к Фостеру.

— Что это было? — прошептала она.

— Ты... спасла... нас всех, — устало сказал Фостер.

Бесконечные Гулливеры

**Виталий
БУГРОВ**

*Рисунок
З. Баженовой*

В октябре 1726 года, ровно 250 лет тому назад, лондонский издатель Бенджамин Мотт опубликовал двухтомные «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера». И началось поистине триумфальное шествие знаменитого «сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей» по читающему миру. Уже в следующем году книга Свифта появилась на французском, немецком,

голландском языках, еще через год — на итальянском. С задержкой (которую, впрочем, с лихвой компенсировало количество изданий) вышли «Путешествия Гулливера» в 1772 году и на русском языке...

Однако вовсе не изобилие переводов и даже не «круглую» дату имели мы в виду, вспоминая о Свифте.

Прочтите два отрывка:

«Читатель, несомненно, удивится, что, вопреки печальному опыту и клятве никогда в жизни больше не путешествовать, я тем не менее в июле 1914 года вновь расстался с женой и детьми, чтобы в качестве военного врача двинуться на корабле «Бульверк» в воды Балтийского моря...»

«На рассвете девятого числа месяца героев 541 года нашей эры, датирующейся Октябрьской революцией в России, я с пятью другими историками вылетел на стратоплане с лондонского стратодрома в направлении Мельбурна...»

Лемюэль Гулливер только мечтал (да и то, если помните, лишь в самом начале, — по неосведомленности!) принадлежать к «струльдбругам» — бессмертным, возраст которых в отдельных случаях приближался к тысяче лет. А ведь он, герой Свифта, просто должен бы быть истинным «струльдбругом», чтобы дожить даже до первой мировой войны, — о 541-м годе коммунистической эры мы уж и не говорим! Так что не будем делать тайны: герои процитированных сочинений хотя и носят имя Гулливера, однако вышли отнюдь не из-под пера Джонатана Свифта.

Первый из них вызван к жизни Фридьешем Каринти. Венгерский юморист, снискавший себе славу искусным пародированием писательских стилей, выпустил в 1916 году «Путешествие в Фа-ре-ми-до» — фантастическую повесть о «соль-ляси», неорганических существах, населяющих будто бы одну из планет Солнечной системы. Гулливер в этой повести — современник Каринти, с болью размышляющий о нищете, страданиях, болезнях, убийствах, коварстве и лжи, которые царят в его мире и кажутся тем отвратитель-

нее, что сопоставляются с чистотой общества «соль-ля-си». (Заметим, что, не довольствуясь «пятым путешествием Гулливера», Каринти обнародовал в 1921 году и «шестое» — сатирическую повесть «Капиллария», в той же «неподдельно» свифтовской манере бичевавшую пороки буржуазной семьи).

В более позднем «Гулливере у арийцев» (1936) немецкого писателя-антифашиста Георга Борна речь идет уже не о нравах буржуазного общества вообще, а о конкретном и, вероятно, самом мерзком в истории человечества проявлении насилия — германском фашизме. «Профессор Эдинбургского университета» Гулливер в далеком будущем случайно попадает на уединенный островок, где некогда — после крушения нацистского режима — укрылись восемьсот «случших» арийцев. Печальное и смешное зрелище являет собой «великое арийское племя», в течение полутысячи лет последовательно проводившее в жизнь фашистские расовые теории. Физически выродившиеся, превратившиеся по существу в пещерных дикарей, «арийцы» тем не менее с неувядающим жаром выкрикивают сакраментальное «хайль!», традиционно чтут свастику, плетут интриги в борьбе за власть, предавая при этом всех и вся, выслуживаясь перед более сильным, слабым обрекая на полуголодное прозябание. «Здесь прогресс был невозможен, — констатирует Гулливер, — население острова было бесповоротно осуждено на вырождение и гибель». И уже не герой, а его устами автор-антифашист восклицает об ужасе, охватившем его, когда он подумал о том, «какая судьба постигла бы человечество, если бы полем для этих преступных экспериментов явился не жалкий остров, а земной шар»...

Судьба книг, получивших широкое признание читающей публики, универсальна: рано или поздно они становятся объектом для шуточных либо серьезных подражаний. Сказанное в полной мере относится и к «Гулливеру». По свидетельству исследователей, под именем свифтовского героя на одном только английском языке опубликовано до

сотни прозаических сочинений — трактатов, фельетонов, утопических, сатирических и иных «продолжений», среди которых была даже «Лилипутская библиотечка, или Гулливеров музей: полная система знаний для юношества в десяти томах, составленная Лилипутиусом Гулливером» (1782).

Практически невозможно даже перечислить все «продолжения». Потому отметим лишь, что одно из первых таких сочинений вышло из-под пера аббата Дефонтена: вначале он перевел книгу Свифта на французский (кстати, перевод его оказался необычайно живуч, он выдержал во Франции свыше 170 изданий), а тремя-четырьмя годами позже выпустил и собственное «продолжение», выдав его, как и следовало ожидать, за «перевод с английского манускрипта».

Далеко не всегда у Свифта заимствовали только центрального героя-рассказчика.

Тот же Дефонтен героем своего творения сделал не Гулливера, а... его сына. «Новый Гулливер, или Путешествия Жана Гулливера, сына капитана Гулливера», — так назывался этот типично французский «роман согласно правилам», где были и кровопролитные бои, и добродетельные дикари, и любовные приключения...

Висенте Бласко Ибаньес, достаточно известный еще и сейчас испанский писатель начала нынешнего века, среди множества других книг написал роман под названием «Женский рай». Действие романа разворачивается в свифтовской Лилипутии, куда попадает пятнадцатый, по подсчетам аборигенов, «Человек-Гора» — молодой американский инженер. В стране этой пришли к власти женщины; Лилипутия и Блефуску объединились в «Соединенные Штаты Счастья»; столица именуется отныне «Городом-Раем женщин». Но, хотя республика и «управляется как домашнее хозяйство, в котором отсутствуют беспорядок и безалаберность», новому «Куинбусу Флестрину» от этого не легче — ведь его даже переименовывают из «Человека-Горы» в «Раб-Гору»...

Не в Лилипутии, а совсем на-

оборот — в необъятной стране «Людей-Гор» происходят события повести Л. Бермана «Путешествие по стране Авто» (1961). Юному лилипуту попадают в руки древние бумаги о пребывании в его стране «Куинбуса Флестрина». В техническом развитии Лилипутия представляет собою крайне отсталое государство, и отважный Мэлли по своей воле отправляется на поиски большого мира. Движимый любопытством, он стремится разобрататься в технике «Людей-Гор», с тем чтобы, вернувшись на родину, облегчить жизнь своего народа. Собственно, уже из названия книги ясна ее утилитарно-познавательная сущность — ненавязчиво объяснить «среднему возрасту» устройство автомобиля. Крошка Мэлли, без особых хлопот проникающий в самые мелкие узлы двигателя, помогает читателю увидеть все эти узлы «изнутри». Живость изложения, обилие всевозможных приключений позволяют автору достичь поставленной цели, продемонстрировав вместе с тем, что Свифта можно продолжать не только в сатирическом жанре...

Однажды, правда, Гулливер был похоронен. Случилось это в 1911 году в рассказе Леонида Андреева «Смерть Гулливера»... Но бессмертие не так-то легко упрятать в небытие. Гулливер по-прежнему жив.

Последним по времени «продолжением» Свифта остается пока, насколько нам известно, вышедший в 1973 году «Новый Гулливер» Богумила Ржиги. Чешский писатель поднимает в своем романе остро злободневный (как это почти всегда бывало при серьезном обращении к наследию Свифта) вопрос о чрезмерной технизированности современной цивилизации, о чрезмерном ее отчуждении от матери-природы.

...Два с половиной века продолжают странствия Лемюзеля Гулливера по волнам книжного океана. Почтенный возраст едва ли сказался на неутомимом мореходе: он по-прежнему любознателен и готов к путешествиям.

ТРУЛЮ

**Феликс
КРИВИН**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

ОСТРОВ
ЧЕТВЕРТЫЙ,
с которым
знакомит
путешественников
Мазурий,
отставной
элемент
Периодической
таблицы.

— Самую правдивую и самую фантастическую? Правдивую — это не по моей части. Меня ведь, братцы, Мазурием зовут, врун я первостатейный. Меня за вранье и из таблицы выставили, из Периодической системы. Рассказать, как это было? Только не взъщичте, если чего совру: врун я, трепач, Мазурий, одним словом.

Продолжение. Начало см. в № 6, 7, 8.

ЛЮПОВЫ ОСТРОВА

Они шли по ровным улицам, которые могли бы порадовать сердце их друга Геометра своей строгой параллельностью и перпендикулярностью и пересекались только там, где это положено, давая наглядный урок недисциплинированным пешеходам.

На улице Шестого Периода дома стояли в два ряда, и один назывался Восьмым, а другой — Девятым Рядом. Таким образом, название имела не только улица, но и каждая ее сторона, что давало возможность при посылке корреспонденции указывать более точный адрес.

Мазурий между тем рассказывал:

— В отличие от некоторых элементов, известных с незапамятных времен, меня открыли только в 1925 году. До меня в сорок третьем номере Периодической таблицы элементов было пусто, и вот немецкие ученые Ида-Таке и Вальтер Ноддак решили меня открыть. Зачем? Я думаю, они просто искали повод пожениться. Потому что после того, как меня открыли, они вскоре и поженлись, вроде бы на радостях. Но, уверяю вас, они не знали, с кем имеют дело. Разве можно положить-ся на такого, как я, обманщика? Я только прикинулся элементом, а на самом деле — какой я элемент?

— А кто вы такой?

— Никто. Как элемент я не существую в природе, понимаете? Меня нет, просто нет. И никогда не было. Вот, допустим, Технеций: его поселили в сорок третьем номере после меня, — Мазурий сказал это без тени недоброжелательства к Технецию, — его тоже в настоящее время в природе нет или почти нет, во всяком случае, его получают искусственным путем, что уже само по себе унижительно для элемента. Но, во-первых, когда-то он был на земле, а во-вторых, его и сейчас можно встретить на звездах. А, братцы? Представляете? Ищут Технеций на земле, добывают искусственным путем, а он в это время где-то на звездах... Мне это нравится, по-

этому я уступил Технецию свой номер в Периодической таблице. Ведь меня-то нет ни на земле, ни на звездах, меня вообще во вселенной нет.

— Во всей вселенной? — не поверил Синт.

— В том-то и дело. Любой элемент, какой ни возьми, непременно встречается где-нибудь во вселенной, а я не встречаюсь. Потому что никакой я не элемент, я только прикинулся элементом из-за этих супругов Ноддак. Очень уж им хотелось пожениться.

У дома № 85 Мазурий остановился и постучал в дверь. Никто не откликнулся. Дверь была заперта. Мазурий попытался заглянуть в окно, однако оно было забрано густой решеткой.

— Астат! — позвал Мазурий. — Где ты там, Астат?

— Чего надо? — послышалось из глубины комнаты.

— Ты зачем посадил себя за решетку? Боишься, что украдут?

— Боюсь, — отвечал Астат, продолжая держаться подальше от окна. — Ты разве не слыхал, что здесь опять были эти... золотоискатели.

— Это верно, — сказал своим спутникам Мазурий. — Просто спасения нет от этих золотоискателей. Все пытаются выкрасть золото — и откуда? Прямо из Периодической системы элементов. А что ж у нас будет тогда в номере семьдесят девятом? Пусто? — Мазурий опять попытался заглянуть за решетку. — Но тебе-то зачем прятаться? Ты ведь не золото, Астат!

— А чем я хуже?

— Да, — покачал головой Трулюп, — каждый считает, что он не хуже, каждый считает себя золотом.

— Мы же с ним с одной улицы, — объяснил из глубины Астат. — Вдруг ошибутся номером, возьмут меня вместо него?

— Тебя возьмешь, — засмеялся Мазурий и добавил, обращаясь к своим спутникам: — Самый редкий элемент на земле: на всей земле его

всего 69 миллиграммов. Вот он и дрожит за каждый миллиграмм... Прощай, Астат, продолжай сидеть за решеткой!

Они дошли до конца, вернее, до начала улицы Шестого Периода и свернули на пересекающую ее улицу Первой Группы.

— Вот когда я жил в сорок третьем, — рассказывал Мазурий, — у меня был верхний сосед, из тридцать пятого номера. Так он тоже боялся, что его украдут, до того боялся, что от страха буквально не выходил из жидкого состояния. Я его все успокаивал: «Успокойтесь, Бром, не волнуйтесь, Бром!» Ничего не помогало. Так уж он боялся этих золотоискателей! А нижний сосед, йод, из пятидесяти третьего, насчет жидкого состояния — ни-ни, всегда твердый, сухой, но в любую минуту готов испариться. Вы видели такое? Говорят, борьба за существование: хоть жидкостью, хоть газом — лишь бы существовать... Что-то я, чувствую, заврался. Вы уж, братцы, меня не слушайте, я вам наговорю!

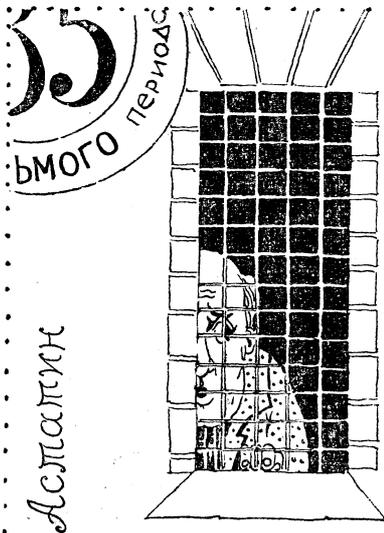
С улицы Первой Группы они свернули на улицу Пятого Периода. В самом начале улицы Мазурий опять остановился.

— Если не очень торопитесь, надо бы проведать одного старичка. Старичок у меня здесь живет, Рубидием называется. Зайдем на минутку?

Это был очень старенький старичок, он сидел на кровати, закутавшись в одеяла и держа ноги в ведре, наполненном, судя по запаху, керосином.

— Зашел узнать, не надо ли вам чего. Может, керосину подлить? — предложил Мазурий. — Как вы себя чувствуете?

— Чувствую я себя плохо, — охотно сообщил старичок. — Керосину у меня хватает, здоровья нет. Я ведь своего возраста не скрываю: мой период полураспада семьдесят миллиардов лет. Семьдесят и семьдесят, полураспад и полурас-

пад, и получится полный распад, сто сорок миллиардов... Но что такое сто сорок миллиардов? Жизнь коротка, сколько бы в ней ни было миллиардов.

— Философия,— сказал капитан Трулюлюп.— Что еще остается, когда сидишь, закутавшись в одеяла и держа ноги в керосине?

— Это потому, что я нервный. Вспыльчивый,— объяснил старичок.— Мне достаточно обычного воздуха — и я уже воспламеняюсь. А в воде я прямо-таки взрываюсь. И знаете: стоит упасть на меня луч света, как по мне уже пробегает какой-то ток.

— Это же светочувствительность,— сказал Фон-Этик.— Вас, очевидно, используют в фото- и киноделе?

— Используют меня, используют,— запричитал старичок,— вот уж верное вы нашли слово. Пользуются моей светочувствительностью, пока не доведут меня до полного распада.

— А что ж тогда говорить Технецию? — сказал Мазурий.— У Технеция период полураспада всего лишь двести пятьдесят тысяч лет, он исчез на земле, когда здесь все только еще начиналось.

— Сам виноват, я его предупредил. Мы с ним когда-то встречались в природе, и я ему говорил: «Ох, Технеций, не будешь ты встречаться в природе, не с твоим полураспадом дожить до эпохи цивилизации!» А что вы думаете? Если б я за собой не следил, если б не сидел, закутавшись в одеяла и опустив но-

ги в керосин, я бы уже давно горел розовым пламенем, несмотря на мой долгий период полураспада.— Старичок помолчал и вдруг весело улыбнулся: — А ведь тебя, Мазурий, выкинули на улицу, что ж ты тут болтаешься?

— Меня выкинули на улицу, поэтому я болтаюсь на улице.

— Да, да, тебя выкинули и совершенно справедливо,— порадовался за товарища старичок.— Я всегда удивлялся, что ты живешь на нашей улице: ведь он же не существует, думаю, как же он здесь живет?

— Ничего нет удивительного,— внес ясность капитан Трулюлюп.— Некоторые не живут, а только существуют, а некоторые не существуют, зато живут. Второе, по-моему, даже лучше.

— Для кого как,— сказал Рубидий.— Уж меня-то, во всяком случае, не вышвырнут на улицу. А вот его,— старичок ткнул пальцем в Мазурия и довольно засмеялся,— его вышвырнули.

— Пойдемте отсюда,— предложил Трулюлюп.— Очень уж здесь пахнет керосином.

Они вышли.

— Зачем вы к нему ходите? — спросил Морф.

— Вы же видите, как он радуется? Он всегда радуется, когда я захожу.

— Радует, что вас выкинули, а его нет?

— Ну и пусть. Все-таки — радуется. Конечно, если б я был настоящим элементом, я бы, может, доставил ему какую-нибудь настоящую радость, а так я его обманываю, подсовываю ненастоящую радость вместо настоящей. А что мне остается? Ведь я и родился благодаря обману, и вся моя жизнь — сплошной обман.

— Только на себя не наговаривайте,— сказал Трулюлюп.— По-моему, до сих пор вы говорили справедливые вещи.

— Вы так думаете? Да, видно, здорово я научился обманывать, если мне уже начинают верить. Пора отсюда уходить.

— Куда?

— В Страну, Где Ничего Нет. Раз меня нет, значит, мое место в Стране, Где Ничего Нет.

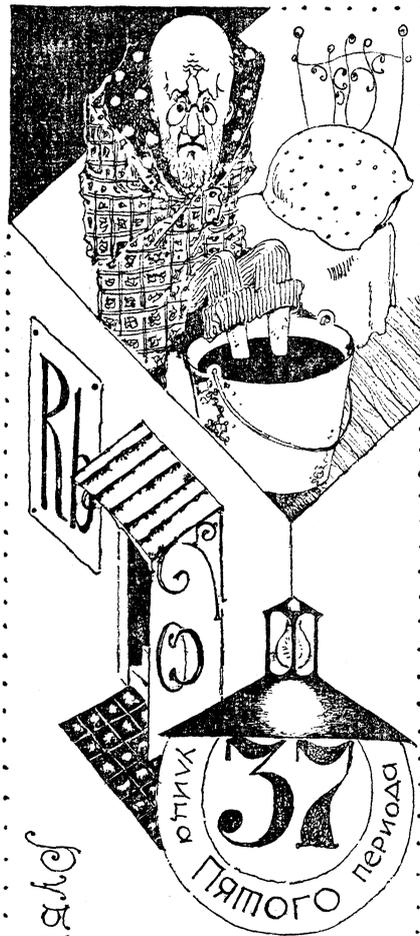
— Разве есть такая страна?

— Есть. Вернее, нет, но для нее это все равно, что есть: это же Страна, Где Ничего Нет, поэтому для нее нет все равно, что ЕСТЬ.

Никто ничего не понял, но Ма-

зурий вообще не настаивал, чтоб его понимали. Он и сам, наверно, не очень хорошо понимал, но чувствовал: должна быть где-то Страна, Где Ничего Нет, страна, где он, Мазурий, которого здесь, во вселенной, нет, может быть полноправным гражданином.

— Ах, какая это страна,— мечтательно говорил он,— чего там только нет! Каких там нет рек и озер, каких прекрасных гор и долин там нет! Вы когда-нибудь наблюдали восход солнца? А закат? Вам придется представить себе в сотни раз более прекрасные восходы и закаты, чтобы понять, каких восходов и закатов там нет... Впрочем, тому, кто существует, этого не понять: закон сохранения материи утверждает, что

материя не исчезает, а для того, чтобы появиться в Стране, Где Ничего Нет, нужно исчезнуть.

— Ну, знаете,— сказал Морф,— билет в вашу страну стоит довольно дорого.

— Для того, кто существует, этот билет просто невозможно купить, потому что материя не исчезает. А меня — нет. Совершенно нет. Поэтому для меня попасть в эту страну не составляет труда.

Он был в исключительном положении, но ему никто не завидовал. Ведь вселенная необъятна, неужели же нам не хватит нашей вселенной, и мы станем бежать из нее в какую-то пустоту? Ведь это же наше счастье, что существует закон сохранения материи, что мы, возникшие как материя вечность назад, будем жить еще целую вечность! Зачем же самим убегать от жизни — в пустоту?

Они остановились. Как раз возле сорок шестого номера они остановились, и Мазурий сказал:

— Вы знаете, друзья, что такое водородная смерть вселенной? Предполагается, что она наступит тогда, когда весь водород превратится в гелий. Увы, солнце и звезды светят не просто так, они светят за счет того, что водород превращается в гелий. Вообще-то водорода во вселенной хватает, его больше, чем всех остальных элементов вместе взятых, но все-таки его нужно беречь, если учесть, что без водорода невозможна жизнь. А вот здесь,— Мазурий указал на дом под сорок шестым номером,— живет элемент, который занимается уничтожением водорода, то есть приближает водородную смерть. Можем ли мы пройти мимо?

— Нет, не можем! — сказал капитан Трулюлюп, и все остальные его поддержали: — Нет, не можем!

Хозяин сорок шестого номера сидел за обеденным столом и что-то поглощал прямо из кастрюли.

— Палладий,— сказал Мазурий,— ведь вы же благородный металл, вы же родственник благородной Платины. Что скажет Платина, когда узнает, чем вы занимаетесь?

Палладий положил ложку и вытер губы рукавом.

— Благородный металл! Ест прямо из кастрюли, рот вытирает рукавом, а главное — что ест! Вы посмотрите, что он поглощает!

— Я поглощаю водород,— прошептал Палладий.— Только, пожалуйста, не говорите об этом тетушке Платине, она лишит меня наследства.

— Обратите внимание: все упи-

рается в наследство! А то, что воздуху нужен водород, что воде нужен водород, что солнцу нужен водород — это нас не касается! Вы понимаете, Палладий, что уничтожение водорода ведет к водородной смерти вселенной? Вы понимаете, что смерть вселенной — это также и ваша смерть?

— И ваша тоже,— пробормотал Палладий себе в утешение.

— Моя-то нет, поскольку я не существую...

И тут Палладий осмелел. Больше того: он обнаглел.

— А если вы не существуете, то зачем вмешиваетесь в чужие дела? Ходят тут всякие несуществующие и учат, что поглощать и чего не поглощать. И еще толкуют про смерть вселенной! Угрожают! Шантажируют! Заявляю во всеуслышание: смерть вселенной меня не касается. По поводу вселенной обращайтесь в соответствующие инстанции, а здесь вам не вселенная, а частный номер.

— Хорошо. Первой инстанцией, в которую мы обратимся, будет номер семьдесят восьмой.

Палладий опять сник:

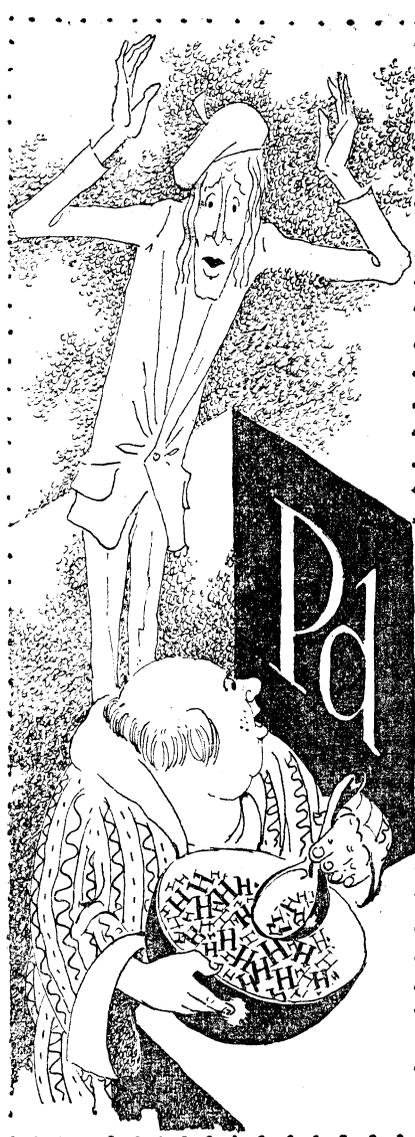
— Мазурий, вы поступаете неблагородно. Я прислал вас не обращаться к тетушке Платине, и вы мне уже почти пообещали, и вдруг... Учтите, Мазурий, как благородный металл... я могу к вам прислать моих секундантов.

— Вы слышали? — обратился к присутствующим Мазурий.— Он хочет меня убить за то, что я вступаю за его вселенную. Не за мою, заметьте, а за его вселенную! Братцы, как бы вы поступили на моем месте?

— А вот так.— Капитан Трулюлюп решительно подошел к столу, взял кастрюлю и направился к выходу.

— Караул! Грабят! Отнимают последнее! — кричал вслед уходящим благородный металл, и в голосе его не было ни металла, ни благородства.

— Вот какие у нас встречаются элементы,— сказал Мазурий, когда они снова оказались на улице.— Вы только не подумайте, что у нас в таблице все такие, элементы у нас просто замечательные. Тот же водород... Да вы поставьте кастрюлю, не с собой же ее носить... Или углерод. Углерод, учтите, это создатель жизни, основатель органики. Я бы вас повел к углероду или к железу, но им я не нужен, поэтому к ним я не захожу. Я захожу только туда, где может понадобиться моя по-

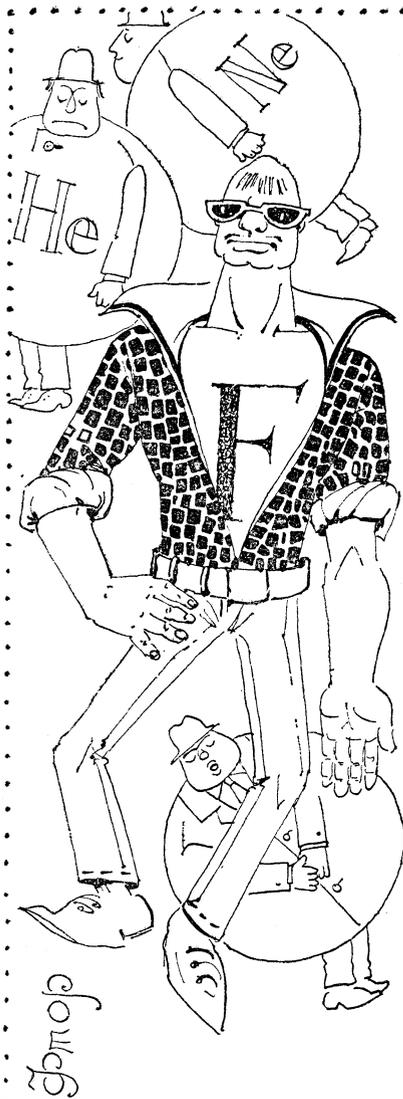

мощь... Хотя какая от меня помощь? Сами понимаете...

— Это мы понимаем,— многозначительно сказал Синт.

— Я просто удивляюсь,— продолжал Мазурий,— до чего у нас не дорожат вселенной. Считаю, что она необъятна, бесконечна, а значит, можно спокойно жить за ее счет. Дескать, вселенной не убудет. Разве это правильно? Я считаю так: каждый элемент, больше того, каждый атом должен заботиться обо всей вселенной, только тогда ему будет в ней хорошо. А если каждый будет разворовывать вселенную по частям, тогда ей не хватит никакой необъятности: не успеешь оглянуться, а вселенной-то и нет.

Улица Пятого Периода кончи-

лась, и Мазурий показал на улицу, в которую она упиралась:

— Это у нас улица инертных газов. Вы знаете, чем они мне нравятся? Все они стремятся куда-то к звездам, улетают с земли. Не правда ли, благородное стремление? Жаль, что их благородство граничит с высокомерием: каждый из них никого не хочет признавать, ведет замкнутый образ жизни и ни с кем, буквально ни с кем не соединяется. Я думаю, им вообще наплевать на то, что делается на земле, им бы только поскорей улететь к звездам.

— Как наши беглые гласные,— вставил Фон-Этик. Но Мазурию было не до грамматики.

— Вот там, в самом начале ули-

цы, живет Гелий, тот самый, в который превращается водород. Теперь вам ясно, что такое водородная смерть вселенной? Водород, активный и деятельный элемент, превращается в инертный газ, которому на все наплевать. А когда всем на все наплевать, тут-то и наступает смерть. Представьте себе, холодность Гелия доходит до того, что его применяют для получения сверхнизких температур. Единственный, кого эти инертные газы признают, это Фтор. Некоторых из них с Фтором прямо-таки водой не разольешь.

— Может быть, Фтор сумел найти к ним подход?— предположил Морф.

— Подход! Фтор— это самый крупный разбойник во всей Периодической системе. Вот кому место за решеткой: в свободном состоянии он все разрушает вокруг. Его так и называют: Фтор, то есть Разрушающий. Вот его только и признают инертные газы— то ли из уважения к силе, то ли из желания его утихомирить, повлиять на него своей инертностью.

— Говорят, крайности сходятся,— сказал Синт.

— Вот именно, это вы замечательно сказали. Кто самый активный в Периодической системе? Фтор. А самые инертные— инертные газы. Вот они и сходятся... Да, чуть не забыл! У нас недавно тут такое событие произошло! Братцы, вы не поверите! Аргон, из восемнадцатого номера, до того инертный газ, что его даже называли Аргон, то есть Ленивый, недавно соединился со Ртутью. Представляете? Правда, говорят, что здесь не обошлось без воздействия электрического разряда, и даже считают, что это соединение не может быть стойким: слишком уж разные характеры. И все же хочется, чтоб у них было все хорошо... А если мы к ним зайдем на минутку и пожелаем, чтоб у них было все хорошо?.. Ну что нам стоит зайти на минутку, если у них после этого всю жизнь будет все хорошо?

Аргон, большой, толстый и на вид очень ленивый, сидел, уткнувшись в газету, и дремал.

— Предупреждаю: он на всех действует усыпляюще, его даже используют в качестве наркоза, так что будьте осторожны,— шепнул своим спутникам Мазурий.

Возле Аргона суежилась его подруга— миниатюрная, кругленькая, очень подвижная Ртуть. Она двигалась совершенно бесшумно, что-то прибирая, что-то готовя, что-то моя,

что-то стирая и вдобавок еще что-то штопая.

— Тсс!— сказала она вошедшим.— Не разбудите его, он устал: он так долго читал газету... Он у меня такой труженик, вы не поверите: это у него уже вторая газета, а ведь не прошло еще и года...

— Вы бы отдохнули,— предложил ей капитан Трулюлюп.

— Ну вот, мне еще отдышаться! Аргон, бедняга, целыми днями спит от усталости, а я еще буду отдыхать... Должна же я хоть чем-то ему помочь,— сказала Ртуть, одновременно убирая, готовя, стирая и штопая.

Аргон во сне зевнул и этим себя разбудил.

— А, у нас гости,— сказал он, откладывая газету, и кивнул Ртуть:— Ты бы сбегала...

— Уже бегу,— сказала Ртуть, продолжая бегать, как и раньше.

— Да перестань ты бегать, в глазах рябит,— Аргон опять закрыл глаза— чтоб не рябило.

— Уже не бегаю,— сказала Ртуть, продолжая бегать.

Аргон уже спал, Синт и Морф тоже начали дремать, и Мазурий обратил на это внимание Трулюлюпа. Пора было уходить.

— Как, вы уже уходите?— огорчилась Ртуть, бегая вокруг них.— Посидели бы еще... Я, извините, не могу посидеть, а вы бы посидели. Я вам подушки принесу...

— Мы зашли только на минутку,— сказал Мазурий.— Зашли вас поздравить и пожелать, чтоб у вас было все хорошо.

— Спасибо,— сказала Ртуть, пробегая мимо,— но у нас и так все хорошо. Нам некогда, чтоб было плохо.

Аргон опять проснулся.

— Ты уже сбегала? — спросил он и уснул.

Гости попрощались с хозяйкой и вышли на улицу.

— Как вы думаете, будет у них все хорошо? — с тревогой спросил Мазурий.

— У него будет, а у нее — не думаю,— предположил Трулюлюп.

— Вот и мне так показалось,— вздохнул Мазурий.— Но если одному хорошо, а другому нет, разве это устойчивое соединение? Тем более, что у Ртути, вы видите, не хватает твердости.

Выйдя от Аргона, они оказались на улице Третьего Периода, и Мазурий вспомнил, что у него здесь тоже дела. Удивительная вещь, его выгнали из таблицы, а у него все еще были дела на каждой улице.

По словам Мазурия, на улице Третьего Периода жили замечательные элементы. Здесь жил выдающийся строитель вселенной, в том числе и земли, Кремний; выдающийся авиатор, машиностроитель и металлург Алюминий; выдающийся и даже святающийся мыслитель, без которого невозможна никакая мыслительная деятельность, Фосфор; выдающийся деятель мирного и военного времени Сера; выдающийся биолог, медик, а также фотограф Магний; выдающийся пишевик, фармацевт, краситель и белитель Хлор; и, наконец, выдающийся атомщик, транспортник и электрик Натрий. К нему то как раз у Мазурия и были дела.

И даже не к самому Натрию, а к его изотопу. Изотоп Натрия, Натрий-24, родился всего двадцать девять часов тому назад, а через час уже должен был умереть: период его полураспада всего пятнадцать часов, а полураспад и полураспад, как говорил Рубидий...

Их было двое, Натрий и его изотоп, они сидели друг против друга, как присаживаются обычно перед расставанием.

— Натрий,— говорил изотоп,— ничего я не забыл? Не хотелось бы уйти, чего-то не сделал.

— Мазурий! — обрадовался изотоп Натрия.— Вот кого я хотел повидать перед уходом!

— И я хотел вас повидать,— серьезно сказал Мазурий.— Хотя я и пустомеля, но сейчас, мне кажется, я не обманываю.

— Мой изотоп мне о вас говорит,— сказал Натрий.— Странное де-

ло, я во столько раз старше его, и не я ему, а он мне рассказывает. Он считает вас, Мазурий, одним из лучших элементов...

— Ну какой я элемент? — смутился Мазурий.— Так, ошибка природы...

— Бывают такие ошибки.— сказал изотоп.— Возможно, жизнь на нашей планете появилась благодаря ошибке: все безошибочные планеты мертвы.

— Вы так хорошо знаете жизнь? — спросил Фон-Этик.— Извините, что я об этом спрашиваю, но за какие-то несколько часов изучить жизнь... На одно изучение фонетики нужно потратить два года.

— Он у нас крупный диагноз,— сказал Натрий, гордясь своим изотопом. И вообще, медик. А медику положено знать жизнь, чтоб уметь поставить ей правильный диагноз.

— И это всего за тридцать часов! — воскликнул Морф.— А сколько мы тратим часов попусту!

— У вас много часов,— улыбнулся изотоп,— а у меня мало. Вообще-то не так уж и мало... Что ж тогда говорить тем, кто живет какую-нибудь долю секунды? А ведь их доля — это их жизнь...

— Я им завидую,— сказал Мазурий.

— Почему? — удивился Натрий.— Разве вам надоело жить?

— Мне не надоело жить. Как мне может надоест жить, когда я еще не пробовал жить? Ведь меня же не существует в природе. Но

если б я жил... Вот мы тут заходили к Рубидию. У него период полураспада семьдесят миллиардов лет, и он дрожит за эти свои миллиарды, сидит, закутавшись в одеяла и опустив ноги в керосин. Нет! Лучше уж, как Свинец-214, иметь период полураспада считанные минуты, чем просидеть в одеялах миллиарды лет. У меня нет одеял. У меня нет своего номера и вообще своего места в Периодической системе элементов, меня вообще нет во вселенной... но если бы я был... если бы я существовал... я бы не смотрел на эти периоды полураспада. Иначе жизнь — это полный распад. Существовать только ради существования — какой в этом смысл?

— Как он говорит! — сказал изотоп Натрия.— На такие слова не жаль потратить последний час жизни.

Но Мазурий уже смущенно оглядывал присутствующих:

— Я опять тут наговорил... Вот характер: непременно должен что-то наврать. А ведь я зашел не для этого, честное слово, я не для этого зашел!

— Понимаю,— любовно улыбнулся ему изотоп.

— Я зашел, чтобы сказать вам, изотоп Натрия: вы не переживайте. Вот я и вовсе не существую, и то ничего. А вы все-таки немало успели сделать: ставили диагнозы, лечили больных. Если б я мог кого-нибудь вылечить, пусть даже не вылечить, а хотя бы ободрить, я бы считал, что мое дело сделано. А вы... вы так много успели за эти свои часы. И, кроме того, не забывайте: вы ведь не исчезнете, вы останетесь во вселенной, вас охраняет закон сохранения материи... Извините!

Изотоп Натрия бросился к Мазурию, он хотел его обнять, но обнять его было нельзя: ведь Мазурия действительно не было в природе. И вот уже он, Мазурий, стоял на улице и говорил своим спутникам:

— Мне хотелось его успокоить. Знаете, это очень тяжело — уходить. Я, правда, не пробовал, но мне кажется, тут очень нужно — успокоить.

— Нам тоже пора уходить,— сказал капитан.— Успокойте нас на дорожку.

— С удовольствием,— сказал Мазурий.— Знайте, куда бы вы ни ушли, вы все равно останетесь во вселенной, а это уже само по себе замечательно. Хотя и Страна, Где Ничего Нет, тоже замечательная страна, и я все-таки туда уйду, лишь только закончу свои дела во вселенной...

Последний

Роман
ПОДОЛЬНЫЙ

— А у вас много дел? — спросил Морф.

— Немного. Но все время появляются какие-то новые. Во-первых, нужно поговорить с Кислородом. Он, вы знаете, соединяясь с Алюминием, предохраняет его от разрушения, а соединяясь с Железом, разрушает его. Хочу попросить, если ему все равно, пусть соединяется с Алюминием, а не с Железом. А Хлор, соединяясь с Натрием, перестает быть ядом, каким является в свободном состоянии, и превращается в полезнейшую поваренную соль. Надо ему порекомендовать почаще общаться с Натрием...

Мазурий долго еще перечислял свои неотложные дела, и капитан выразил ему свое одобрение:

— Чем позже вы уйдете в Страну, Где Ничего Нет, тем больше вы сделаете для вселенной.

— Ну, вы тоже скажете! Какой от меня толк!

Синт выдержал долгую паузу, прежде чем ему ответить:

— Знаете, как это называется? Это называется пауза. В синтаксисе, который я представляю, она имеет большое значение, хотя ее тоже вроде бы нет, она вроде бы пустое место. Но это пустое место все ставит на свои места, и не будь паузы, все наши слова превратились бы в сплошную бессмыслицу. Вот так, мне кажется, и вы, Мазурий: вас нет среди элементов, но вы придаете им смысл.

— Смысл! — воскликнул Мазурий. — Чему я придаю смысл? Ну, знаете, уж я вру, а вы почище меня... Ох, смотрите, выставят вас из вашей таблицы... или откуда там у вас выставляют?

Он свернул на улицу Второго Периода и пошел, не оглядываясь, по своим делам. Там, в восьмом номере, жил Кислород, с которым Мазурию предстоял разговор, очень важный разговор по поводу Алюминия и Железа.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

— Обещаете ли вы не использовать мысли, ставшие вам известными, во зло отдельным людям и обществу в целом?

— Да!

В помещении душно. Пахнет свежей краской. Небритый усталый человек за столом произносит торжественные формулы — негромко, буднично, явно думая о чем-то другом. Сергей не хочет замечать всего этого. Сегодня он достигнет цели, сегодня он узнает!.. Он прошел все положенные испытания, его желание признано правомерным, а то, как относятся к своим прикладным функциям работники лаборатории, — его, Сергея, не касается. Лишь бы они выполняли эти функции.

— Обещаете ли вы никогда и ни при каких обстоятельствах не открывать фактов, ставших вам известными благодаря прибору?

— Да!

— Помните ли вы, что прибор работает в течение получаса с момента включения и потому необходим чрезвычайно точный выбор этого момента!

— Да!

Голос сотрудника лаборатории стал совсем скучным.

— Мне остается выполнить последний пункт правил выдачи прибора во временное пользование. Я опробую его на вас.

Сотрудник встал, снял с вешалки на стене коричневую кепочку, надел ее, сел, откинулся на спинку кресла.

Запах краски стал еще гуще. Сергей чувствовал, как по всему телу жара выгоняет капельки пота. Лицо человека по другую сторону стола стало еще более официальным и скучным, — если это было возможно... И тут он подмигнул Сергею. Снял кепку. Протянул.

— Способ включения известен? Желаю удачи. И не забудьте: отчетик, отчетик представьте! Что бы у вас ни получилось. Порядок есть порядок.

...Ага! Она и сегодня ехала этим троллейбусом — девушка, на которую он глазел по крайней мере полгода, — каждый будний день на протяжении одиннадцати троллейбусных оста-

рассказ о телепатии

новок. А познакомиться не решался. Застенчивый был. И скромный. Себе он, пожалуй, даже нравился, но боялся, что девушка не разделяет его вкуса. А услышать от нее: «Отстаньте, нахал»? Нет, это было бы слишком. Но сейчас он прочтет ее мысли и узнает...

Сергей пробрался к ней через весь троллейбус, благо народу в этот час было немного. Встал в полушаге, поднял руку к кепке, в которую был вмонтирован телепатический аппарат системы Зубкова ТА-35 СТ, и повернул переключатель, имевший вид пуговицы на макушке.

«Вот дурачок, — услышал он слегка приглушенный ласковый голос, знакомый ему до сих пор только по корректному «передайте, пожалуйста, билет». — Ну, не дурачок ли? Опять он на меня глазееет... До чего у него лицо приятное! И почему такие славные парни обычно бывают увальнями и растяпами? Какой-нибудь Слава Глазычев давно бы...»

— Простите, пожалуйста, — услышал Сергей еще один голос и понял, что этот голос был его собственным. — Простите, пожалуйста... Мы с вами полгода ездим в одном троллейбусе, и я подумал, что пора бы нам и познакомиться.

— Полгода? В одном троллейбусе? Вот не замечала, — голос девушки был совсем не ласков. Но его приглушенный двойник говорил совсем другое: «Молодец! Решился! Наконец-то!»

— Да, именно полгода. Можно ли считать этот срок достаточным?

— Знаете, я как-то не привыкла знакомиться в троллейбусах. («А он настойчив... Молодец!»)

— Но ведь это совсем особый случай!

— Боюсь, что в вашей биографии совсем не такой уж и особый. Вы, наверное, часто пристаёте к девушкам? («Господи, какую чушь я говорю! Уж не ревную ли?.. Ну, не слушай меня, не слушай, ведь ты же мне нравишься! Положи руку мне на плечо, скажи, что сегодня мы не можем сойти на разных остановках...»)

— Сегодня мы не можем сойти на разных остановках.

— Вы, транспортный ловелас! Сейчас же уберите руку! («Что он себе позволяет!.. Но его рука была так приятно тяжела и тепла...»)

— Неужели вам было так противно мое прикосновение?

«Конечно, нет», — сказал ласковый голос. Строгий ничего не сказал. Девушка решительно пробралась через кучку пассажиров и выскочила на очередной остановке.

«Ну вот, теперь он на меня обидится... Нет! Сошел за мной. Сейчас будет просить прощения. А зачем? Сказал бы просто: знаю, я вам нравлюсь...»

— Девушка, я не буду просить прощения. Знаю, что и я вам нравлюсь.

— Я позову милиционера. — Ласковый голос куда-то исчез. А этот был не просто строг. Он угрожал. А главное, девушка — убегала.

Сергей растерянно остановился. Метрах в двадцати она замедлила шаг. И тогда снова зазвучал нежный голос:

«Дура я, дура!.. Зачем я с ним так?.. Но, может быть, он еще догонит меня? Я была бы совсем другой...»

— Нет, — сказал Сергей, вытирая со лба пот и поворачивая пуговку на кепке. — Нет, не была бы!

— Разочаровались? — теперь человек за столом был совсем не официален. — А зря! Лучше порадитесь, что мы не все делаем, о чем думаем. Вот сейчас, например, вы бы рады меня отколотить. Но ведь не сделаете этого, правда? И не ищите на мне прибора. Угадать, что человек думает, легко. Но что он сделает — вот вопрос!

— Вот вопрос! — повторил Сергей.

Что там, в палеозое?

За последние пять лет уральские геологи проникли на большие глубины. Если раньше они заглядывали в недра Каменного пояса на 300—500 метров, то сейчас — на тысячу — тысячу двести метров. И уже первые глубинные исследования в Тагило-Куш-

винском районе дали хорошие результаты — выявлены два месторождения железной руды. В новой пятилетке на помощь геологам придет сверхглубинная уралмашевская буровая, которая позволит проникнуть на 15 километров! Что там, в палеозое,

разведчики недр узнают и с помощью аэрофотогеографии, радиолокационной и сейсмической разведок. Эти методы поиска полезных ископаемых тоже все шире применяются в Уральском территориальном геологическом управлении.

Электроавторучка

Когда-то человек рисовал на скалах иглой из кости. Деревянным пером выводились иероглифы на шелке. Тростинками выдавливались знаки на глине. Бронзовым и костяным стилем расписывались восковые пластинки и деревянные дощечки. Но самым долголетним было гусиное перо, которое служило людям 12 столетий и было вытеснено металлическими перьями.

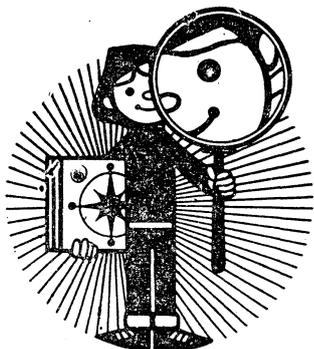
В наше время люди пользуются авторучками, ведущими свое начало от наполненных краской соломинок древних египтян.

За последние восемь лет в усовершенствование авторучки вложили свой

труд более ста изобретателей. Самым же оригинальным надо считать изобретение ленинградцев — инженера Е. Аксенова и рабочего Ю. Головина. Они создали перо, которое вместо чернил заряжается... электрическим током.

Схема авторучки элементарна: фарфоровый стержень и на его острие — виток нихромовой проволоки. В корпус ручки вмонтирован микроаккумулятор. Срок его службы — десять тысяч часов.

Уже выпущены сотни электрических перьев, которые вставлены в самопишущие контрольные, измерительные и управляющие приборы. Скоро и мы станем обладателями электроавторучек.

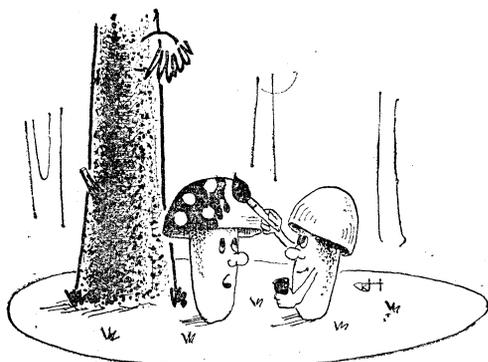

М И Р

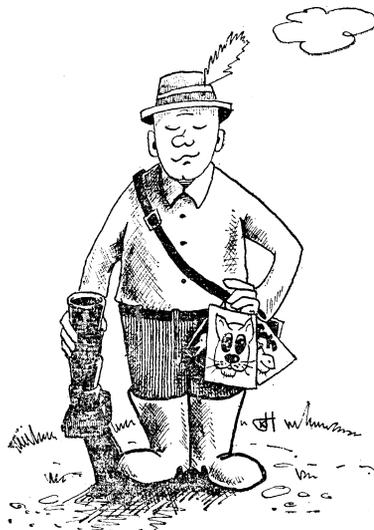
НА ЛАДОНИ

Пленный колокол

Маскировка

С фотоохоты

Еще 20—25 лет назад, когда густой туман укрывал Севастопольскую бухту и Херсонесский маяк, над морем был слышен мелодичный и чистый звук колокола. Он «указывал» морякам путь в бухту.

Во время Крымской войны Херсонесский монастырь был занят французами, они увезли с собой в качестве военного трофея и колокол.

В Париже колокол был укреплен на одной из башен Нотр-Дам де Пари — собора Парижской Богоматери и находился там несколько десятилетий...

Только 23 ноября 1913 года плененный колокол был возвращен в Херсонесский монастырь.

Французский консул в Севастополе Луи Ге за содействие возвращению колокола в Севастополь был награжден русскими орденами «Святой Анны» 2-й степени и «Святого Владимира» 4-й степени.

Колокол водрузили на новую деревянную колокольню, и он снова сзывал на молитву, служил морякам маяком.

В годы Великой Отечественной войны колокол оставался на посту, и потому есть на нем вмятины от пуль и осколков снарядов.

Туристы неустанно тревожили «ветерана», и пришлось снять язык. А колокол и сегодня висит на стальной перекладине, укрепленной на двух массивных каменных столбах. Потемневший от времени, покрытый зеленью окиси, он стал экспонатом Херсонесского археологического музея-заповедника.

Анализ сплава, из которого отлит колокол, установил, что в колоколе много серебра, этим и объясняется его особый малиновый звон, за который колокол был пленен.

Карты из камней

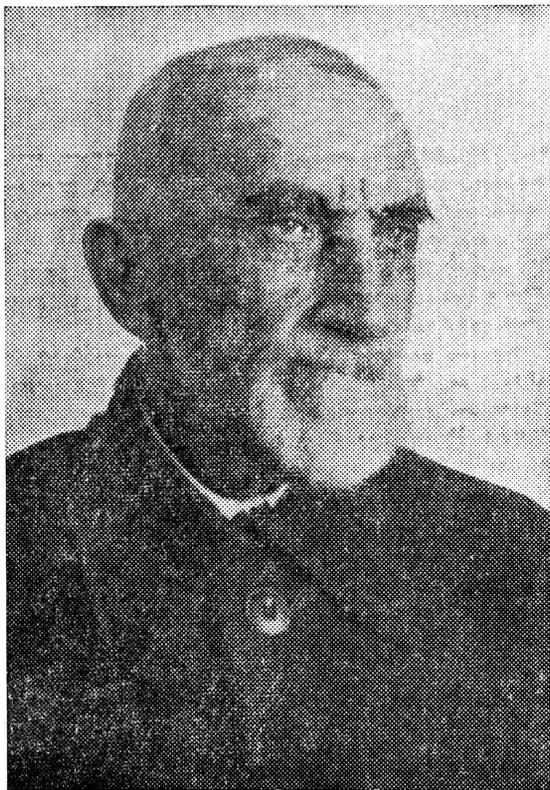
На Всемирной выставке в Париже в 1900 году посетителей восхитила карта Франции из самоцветов, сделанная на Екатеринбургской гранильной фабрике. Спустя почти 40 лет на другой Всемирной выставке в Париже за изготовление карты СССР из самоцветных и драгоценных

камней уральцы были удостоены «Гран-При» и большой золотой медали. Из 3685 камней была составлена карта, и хотя она весила 12 тонн, карта объехала весь мир.

Сейчас эта драгоценная карта хранится в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже.

Рисунки
Н. Крутикова

Первооткрыватель

В 1905 и 1907 годах в журнале Уральского общества любителей естествознания были напечатаны статьи Ф. И. Кандыкина о стерлитамакской нефти. Автора сочли тогда за большого фантазера.

Когда в 1929 году в Чусовских городках была найдена нефть, Кандыкин вновь опубликовал большую статью в «Уральском технике», в №№ 7—8 за 1929 год.

В 1930 году в район, указанный Кандыкиным, была направлена геологоразведочная партия, и через два года две скважины подняли нефтяные фонтаны...

Первый геолог Уральского горного округа, Ф. И. Кандыкин открыл новые месторождения руд, золота, долгие годы преподавал в Уральском горном училище, а затем в горном институте. Многие его ученики стали видными геологами страны.

На снимке: Ф. И. Кандыкин.

Ирбитский завод

8 марта 1775 года коллежский ассессор Савва Яковлев подал прошение о разрешении построить ему железодельный завод в междуречье рек Малый Рефт, Ирбит и Ляга на 12 молотов и две домны за собственный кошт. В 1776 году завод был построен.

В последующие годы хозяева и управители завода менялись часто, каждый из них переделывал и перестраивал предприятие, менял профиль производства — делал, что хотел.

В 1906 году домна потухла — не стало ни местной руды, ни той, что нашли под селами Байнами и Троицким южнее теперешней станции Богданович.

В 1918 году, после ухода 700 рабочих добровольцами в Первый Камышловский полк, завод был остановлен совсем. Лишь в 1925 году он был пущен снова.

В Великую Отечественную войну завод изготовлял стабилизаторы для бомб и мин. Потом — подъемно-транспортное оборудование. В 1938 году поселок Ирбитский завод был переименован в Красногвардейский, а в 1952 году металлопрокатный завод стал именоваться Красногвардейским крановым.

На снимке: так выглядел Ирбитский железодельный завод в конце XIX века.

Черепаша-гигант

Экипаж научно-исследовательского судна «Пелагида», проводивший исследования к востоку от Курильских островов, выловил гигантскую морскую черепаху весом более 300 килограммов и длиной свыше 2,5 метра.

Такие черепахи иногда проплывают большие расстояния из тропических вод, где их родина, в районы умеренных широт.

Арсенал в тайнике

Этот подпольный арсенал был найден в доме по улице 8 Марта, 58. Дом шел на снос. Оторвали одну доску, другую — и из тайника выпали... винтовки.

Работники милиции передали в Свердловский краеведческий музей все находки — японскую винтовку «Арисака», американский «винчестер», две берданки, наган, браунинг, а также документы периода гражданской войны, личные вещи. В музей переданы галоши марки «Треугольник», спички с надписью «Акционерное общество Василий Логинов».

Клад этот был спрятан кем-то из белогвардейцев в 1919 году, когда Красная Армия освободила Екатеринбург от колчаковцев.

На снимке: главный хранитель фондов Свердловского краеведческого музея Н. П. Якимов получает экспонаты.

Фото В. Долганина

Ветер-скульптор

Гонимые ураганным ветром мириады кварцевых песчинок со страшной силой обрушивались на скалы. Они сверлили, шлифовали, округляли камни, пока не превратили их в удивительные столбы, грибы, вазы...

Любопытные образцы скульптурной работы ветра найдены в ущелье Чаклак-Ата на Мангышлаке (Казахская ССР).

На снимке: камень-ваза на Мангышлаке.

Уральский следопыт · уральский следопыт

Тревожный 1918-й...

Весною интервенты захватили Мурманск. Грозное лето накатило на Архангельск — ожило белогвардейское подполье, ожидая прихода англо-французских и американских «освободителей».

Направляясь на латаном карбасе порыбачить, Серега Едемский, сын речника, и не представлял, что судьба столкнет его с одним из главарей белобандитов. Не разобрался паренек, кто перед ним, принял врага, одетого по-простому, за архангельского моряка. Мало того, помог этому ловкачу бежать от патрульных красноармейцев. Если бы Серега знал, какие события развернутся дальше...

В конце июля советской власти Архангельска стало ясно, что город не удержать, и тогда началась эвакуация самого ценного, прежде всего — огромного золотого запаса и банковских денежных документов.

Золото, соблюдая строжайшие меры предосторожности, грузят на баржу. Вести ее в верховье Северной Двины поручают отцу Сереги, а паренек, не ведая о ценном грузе, направляется к старшему Едемскому в помощники.

Белогвардейцы все-таки узнают про секретную операцию с архангельским золотом и в погоню за баржей направляют старого знакомого Сереги. Вот когда — и то не сразу — доходит до Сереги суть совершенной ошибки.

Дни, проведенные на барже, полные опасностей и серьезных испытаний, научили Серегу разбираться в людях, помогли возмужать и найти свое место в борьбе...

Приключенческую повесть о Сереге Едемском «СЕДЬМОЙ ПАТРОН» пишет для журнала Иван ПОЛУЯНОВ.

Читатели «Уральского следопыта», очевидно, помнят яркие, самобытные «Дивногорские этюды» Николая НИКОНОВА, напечатанные в прошлом году во втором и третьем номерах. Эта публикация была признана в журнале лучшей в 1975 году, а также была отмечена премией Красноярского комсомола. Сейчас издательство «Молодая гвардия» готовит под тем же названием книгу.

Страницы из дневника, рассказы, найденные в архиве писателя-самородка, так рано ушедшего из жизни, мы опубликуем в первых номерах журнала в следующем году.

Повесть о пареньке Мите Точкине, вернувшемся из города в родное село, предложил «Уральскому следопыту» молодой прозаик Анатолий ИВАНОВ. Повесть написана живо, лирично, с юмором, и нашим читателям, надо полагать, придется по душе главный ее герой.

Готовим к публикации мы также киноповесть нашего земляка кинодраматурга Льва ЧУМИЧЕВА «НА ГОРЕ СТОИТ ГОРА». На конкурсе, который проводили ЦК ВЛКСМ и Госкомитет по кинематографии, это произведение получило премию. Фильм будет сниматься на студии им. Горького.

В портфеле журнала много рассказов о наших современниках, героях войны, новелл и зарисовок о природе.

Уральский следопыт · уральский следопыт

НАШ ИНДЕКС В КАТАЛОГЕ «СОЮЗПЕЧАТИ» — 73413.

ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО И ПРОВОДИТСЯ В ПРЕДЕЛАХ УСТАНОВЛЕННОГО ТИРАЖА. В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ НАШ ЖУРНАЛ ПОЧТИ НЕ ПОСТУПАЕТ. К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ: РЕДАКЦИЯ ВОПРОСАМИ ПОДПИСКИ НЕ ЗАНИМАЕТСЯ. ЗА ВСЕМИ РАЗЪЯСНЕНИЯМИ ОБРАЩАЙТЕСЬ В МЕСТНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ «СОЮЗПЕЧАТИ».

1977